

Бусинка Кошковская

16+

*Тлеющие осколки
разбитых надежд*

по роману Л.Н. Толстого "Война и мир"

Бусинка Кошковская Тлеющие осколки разбитых надежд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70223848

SelfPub; 2024

Аннотация

Любовь к Наташе Ростовой, закончившаяся её предательством, была лишь мимолётной страстью, заставшей глаза князю Андрею, но способен ли он полюбить, а не влюбиться?

Бусинка Кошковская

Тлеющие осколки разбитых надежд

Предисловие.

Огромнейшей несправедливостью в романе «Война и мир» показалась мне смерть князя Андрея Николаевича Болконского – моего любимого героя. По моему мнению, он был достоин счастья, но, увы, Лев Николаевич, видимо, думал по-другому... Но это вполне можно исправить. Кто-то пишет про дуб или ещё про что-то, а я напишу про русскую дворянку. Её не было в оригинале романа, хотя может быть и была, просто великий писатель не упомянул её или убрал потом – я всего этого не знаю. Также неизвестно, жила ли она на самом деле, как и жил ли сам князь Болконский. Может быть и жили они, а может и нет – одному Богу лишь известно, но есть роман «Война и мир» и сие фанфик на это произведение.

Здесь я опиралась на канон и всех героев, в частности самого князя Андрея, постаралась сделать более похожими на себя, но могут быть небольшие отклонения. Я не претендую на оригинальность, а просто исправляю несправедливость автора и не заставляю считать эту работу каноном. Учтите, что я не копирую стиль Толстого, просто они весьма схожи,

я всегда пишу в таком стиле.

Да не осудите меня, дорогой мой читатель и Лев Николаевич за это произведение, я не хотела с его помощью кого-то высмеять или обидеть, а даже наоборот. Надеюсь, что я раскрыла своих персонажей и не убила самобытность канонных. Что ж, достаточно лирических отступлений, пора переходить к повествованию, но для начала прочти моё стихотворение, написанное специально к этому творению.

***

Блуждающие огоньки

Тихая ночь, звёздная ночь Все сомненья она гонит прочь.

Много историй знает она, Не переслушать их все до утра.

Но одна из них коротка

И очень многим известна —

О том, что лишь встреча одна Может обернуть всё престелстно.

Блуждали по небу огни

Найти друг друга не могли,

Но время нужное пришло, И вместе их оно свело.

И встретились два огонька,

И друг на друга посмотрели,

И знали оба, что судьба – Таинство скрытой параллели.

Пролог.

***

1805 год. Русский военный лагерь при Аустерлице.

Капитан Андрей Болконский, он же адъютант Михаила Илларионовича Кутузова, ждал приёма генерал-аншефа Алексея Кибакова.

– Ваше сиятельство, генерал ожидает вас, – сказал вышедший из избы рядовой солдат.

Князь Андрей прошёл в сени избы, из которых попал потом в небольшое помещение. Генерал Кибакон, в окружении офицеров, сидел за столом. Князь Алексей выглядел не больше, чем лет на пятьдесят; волосы его были седые, но не полностью, а вперемешку с русыми, на виске красовался старый шрам, полученный в каком-то бою, в карих глазах его словно горел огонь, а выражение лица было безразличным и даже каким-то неживым. Весь вид генерала был грозный и внушающий страх и уважение.

– Ваше высокопревосходительство, адъютант Андрей Болконский по вашему приказанию прибыл, – громко отпартовал князь Андрей, отдавая честь генералу.

Кибакон одобрительно кивнул и, махнув рукой, грозно произнёс тяжёлым низким голосом:

– Оставьте нас.

Офицеры, которые сидели рядом с генералом, повскакивали с мест и, отдавая честь, поочерёдно покинули горницу.

Князь Андрей взглянул на генерала, и ему стало как-то не по себе от того, что он остался наедине с этим «страшным» человеком.

– Алексей Сергеевич, Михайло Илларионович приказал доставить вам эти бумаги, – Болконский положил на стол два свитка.

Алексей Кибакон, даже не взглянув на бумаги, встал с места и, чуть прихрамывая, подошёл к Андрею.

– Князь Андрей... Ты, значит, сын Николая Андреевича Болконского? – спокойно произнёс князь Алексей. Его низкий голос уже не был так страшен.

– Так точно.

– Хм... Служили мы с ним вместе когда-то... Значит, ты тоже пошёл в это дело. Что ж, молодец, ибо оно правильно, что толку сидеть в столице и бездельничать, – генерал Кибакон улыбнулся, и его безжизненное лицо приняло очень добрый вид. – Передай князю Николаю, что князь Алексей помнит о нём и нашем старом уговоре.

– Передам, Ваше высокопревосходительство, ежели вернусь.

– Вернёшься, – князь Алексей остановился и окинул Андрея строгим взглядом, словно отец сына. – Обязательно вернёшься! Вам молодым ещё жить да жить, это я уже, считай, отжил своё, – он разочарованно махнул рукой и отвернулся. – Ступай, князь Андрей, не задерживаю.

На следующий день Андрей Болконский был тяжело ранен, а генерал

Алексей Кибакон был убит. Тогда князь Андрей не знал, что знакомство с князем Алексеем – другом его отца, ока-

жется чуть ли не судьбоносным и уж тем более не знал, что за «старый уговор» имел в виду Кибаков. Лишь через семь лет Андрей поймёт, что этот мир ужасно тесен и что все события предопределены заранее.

Часть I. Глава I.

***

С того самого разговора прошло почти семь лет, и на дворе был апрель 1812 года. Тиха была та весенняя звёздная ночь, атмосфера была слегка гнетущей, окончание этого дня сулило что-то интересное и должно было перевернуть судьбы двух душ, заблудших, словно звёзды на небосклоне, в этом жестоком мире. Двух душ, что были связаны незримой красной нитью судьбы, которая никогда не порвётся.

Андрей Болконский в тот вечер был в Москве, на светском мероприятии у графа Павла Литвинова. Да, князь Андрей всегда презирал что-либо подобное, но в этот раз он пришёл сюда из-за уговоров Пьера, хотя уже очень жалел об этом. Не до балов было Болконскому, очень тяжело было на его душе после предательства Наташи Ростовской, которая когда-то практически вернула его к жизни, но сейчас душа князя Андрея вновь омертвела, и у него уже не было никакой надежды на её возрождение.

Князь Андрей стоял отдельно ото всех, он, с тоскою, глядел в окно, ему казалось, будто беспросветный мрак окутал

всю землю, свет луны, зашедшей за чёрные нависшие тучи, был очень бледен, сейчас в темноте не было видно как цветут яблони и вишни, всё поглотила темнота.

«На этом-то точно всё кончено, в этот раз даже весна не способна», – размышлял Андрей, держа в руках бокал с вином и всё так и не решаясь выпить то, что в нём было.

Он оглянулся назад и окинул взором всю залу. Все веселились, кроме него. Нет. Не только него. Князь Андрей заметил одну даму, которая, так же, как и он сам, стояла отдельно ото всех. Она была не красавица, но весьма недурной внешности женщина, с утончёнными, но чем-то явно омрачёнными, чертами лица. У неё были большие тёмно-карие, почти чёрные, глаза, глядевшие на всё скучающим, пустым и надменным взглядом (отчего было ясно, что ей весьма наскучило светское общество), тонкие губы, придававшие ей ещё большую холодность, и маленький вздёрнутый носик, который очень плохо вписывался в её аристократическую внешность. Ростом она была чуть ниже самого Болконского, но не намного, по телосложению была не очень крупна, а её тонкая талия сильно выделялась. Волосы у этой дамы были длинными, ниже талии, очень тёмного русого цвета, с какой-то рыжиной. Платье, что было на ней, совершенно ей не шло, – оно было не то синего, не то сиреневого блёклого цвета, с закрытыми плечами и шеей; на руках этой барышни были высокие перчатки такого же цвета. Во всех её движениях чувствовались утончённость и величественность, она была гор-

да и одинока. Долго князь разглядывал её, посему[1] даже и не заметил, как выпил всё вино, что было в бокале в его руках. Не внешность поразила в ней князя Андрея, а то, что она была одна, одна в обществе, как и он сам.

– Cher ami[2], отчего ты тут один стоишь? – Болконский и не заметил, как к нему подошёл Пьер – виновник того, что он был здесь. – Я знаю, что тебе тяжело, но твоя жизнь ведь на этом не закончилась...

– Ах, Пьер... – князь Андрей немного удивился. – Настроения у меня нет совсем, я определённно здесь лишний, – добавил он, вновь взглянув на ту даму в другом конце залы. – А кто та девушка?

– Вон та? – переспросил Безухов. – Княжна Дарья Алексеевна Кибакова.

– Хм... Дарья – какое редкое в дворянском кругу имя... – Болконский задумался на какое-то время. – Расскажи о ней подробнее.

– Это старшая сестра князей Михаила, Николая и Александра Кибакowych, единственная дочь покойного Алексея Кибакова. Она очень редко появляется в высшем свете, ведь презирает дворян, в том числе балы и светские вечера, весьма странно, что она здесь. Зато Кибакова очень хорошо содержит своих крестьян, даже иногда выкупает их у других помещиков. Никто никогда не знает, что у неё на уме, а многие вообще говорят, что у неё нет чувств, посему лучше с ней не связываться... Дворянка с крестьянским именем – так её

величают.

– Дочь Алексея Кибакова... Весьма любопытно... Сколько же ей лет?

– Двадцать девять.

Князь Андрей, глубоко погружившись в свои мысли, вновь обратил взгляд в окно. Луна постепенно выползала из-за чёрной, поглотившей небо, тучи. Из размышлений его вырвал чуть грубоватый женский голос: – Вы, кажется, князь Андрей Болконский?

Князь Андрей обернулся, прямо перед ним стояла та самая княжна, от которой несколько минут назад он не мог оторвать своего взгляда.

– А вы княжна Дарья Алексеевна?

– Она самая, – надменно ответила она и сделала шаг вперёд.

– Вы что-то хотели?

– Да вот, хотела спросить: во мне что-то не так, что вы долгое время так пристально разглядывали меня? – со спокойного, тон этой дамы начал переходить в какой-то претензионный.

– Я... – Болконский осёкся, ведь ему казалось, что он всего лишь несколько раз взглянул на неё. Князь Андрей никак не показал внешне, что ему стало стыдно. В ответ он только и смог неуверенно выдать: – ...вам показалось.

– Показалось? – чуть с иронией, переспросила княжна Дарья, подошла к князю ближе и устала свой взор прямо ему

в глаза. До чего же тяжёлым, но в то же время глубоким и притягательным, показался князю Андрею её взгляд, в нём была какая-то неясная вечная пустота и печаль, в глазах Кибакowej было бескрайнее небо, будто какая-то беспросветная бездна овладела её взором и поглотила его полностью.

– Да я вас насквозь вижу, князь Болконский, – с чувством превосходства, произнесла она, развернувшись, вскинув голову, и пошла прочь.

После этих слов князю Андрею стало как-то не по себе. Он отошёл в сторону и слегка прислонился к ближайшей стене. По-видимому, княжна Дарья ждала от него определённой реакции, но Андрей оказался не тем, чьи действия можно легко предугадать. Впрочем, Кибакова и сама была также не из таких людей.

«Чего же она хотела от меня? Странно, очень странно это. Может быть у неё и правда нет чувств? Эти её пустые глаза, отчего-то наполненные болью... Что стоит за этим? Хотя... Это ведь совершенно не моё дело, и чего это меня так волнует? Ммм... Отчего же так голова болит? Зачем я только пил...» – подумал князь Андрей и решил выйти на свежий воздух. Он, вышедши на террасу и жадно вдохнув прохладный воздух, от которого ему стало чуть легче, подошёл к краю и одной рукою облокотился на бортик, а другой взял за голову.

– Вижу, вас очень утомил сегодняшней вечер, – слышалось сбоку. Это вновь была Дарья Кибакова, но тон её сей-

час не был так строг и надменен – может быть она заметила его состояние и просто пожалела. Но, по словам Пьера, разве она умеет жалеть? Князь Андрей после её слов, преодолевая себя, сразу же выпрямился.

– Какая же глупость эти балы, не правда ли? – говоря это, княжна смотрела не на него, а на тёмное высокое небо. Её чуть рыжеватые волосы развевались на ветру. – Похоже, будет дождь...

Князь Андрей обернулся туда, куда смотрела Дарья. Ночь становилась глубже, хотя заметно посветлело, ведь луна полностью вышла из-за тучи, но эта самая чёрная туча перекрывала половину неба и готова была пролиться.

– Странный вы человек, князь Болконский, – спокойно, даже с безразличием, произнесла княжна Дарья, искоса поглядывая на князя.

– Отчего же?

– Вы совсем не похожи на других. – Это плохо?

– Заметьте, я этого не говорила...

– Что вы хотите от меня?

– Изначально я лишь хотела узнать, отчего вы не могли оторвать от меня своего взгляда и всё. Сейчас я понимаю, отчего так... Мы ведь с вами весьма похожи.

– Что вы имеете в виду, Дарья Алексеевна? – Болконский пытался понять, что Кибакова имеет в виду, но, то ли от боли в голове, то ли от присутствия этой странной особы, разум напрочь отказывался понимать и анализировать проис-

ходящее.

– Не прикидывайтесь дурачком, Болконский, – княжна зло усмехнулась, – у вас это плохо получается, – она перевела взгляд на него. – Я прекрасно понимаю, что вас также раздражает всё это великосветское общество и образ его жизни, – с особенным презрением Дарья вывела слово «великосветское». – По вам это видно, вам скучно здесь находиться.

Князь Андрей не торопился с ответом, хотя она сказала всё так, как было на самом деле.

– Вы хотите побыть один? Я мешаю вам, наверное, – княжна Дарья взглянула в его печальные серо-голубые глаза.

– Не мешаете, но вы правы, я хочу побыть один.

– Так бы сразу и сказали, – княжна, с каким-то явным разочарованием, вздохнула и направилась обратно в залу.

«И как она это узнала?..» – подумал князь Андрей, обливав свои пересохшие губы. «Кажется, пора уходить. Как же голова болит...» – он на миг закрыл глаза и потёр левый висок, а после направился к выходу.

На крыльце князь Андрей увидел какую-то знакомую фигуру. Он остановился, дабы рассмотреть, кто это. И это была, конечно же, Дарья Кибакова, которая, по-видимому, тоже собиралась уходить.

– Князь Болконский, вы за мною следите что-ли? – с небольшой иронией, произнесла она, глядя на Андрея и перебирая в руках свой веер.

– Не одному мне кажется, будто вы преследуете меня, –

князь Андрей слегка улыбнулся.

– Мне это совершенно не надо, я вообще прибыла сюда по просьбе одного человека. И мне любопытно, с какой целью вы приехали сюда?

– С той же, что и вы, княжна, только меня уговорил мой друг.

– Что значит друг?.. За много лет я уже и забыла значение этого слова... Я всегда хотела быть другом для крестьян, хотя понимаю, что всегда буду для них только госпожой, – Дарья опустила взгляд. – Впрочем, какое это имеет значение? Нет друзей – нет и лишних проблем.

– Дабы человеку перестать быть одиноким, он должен встретить такого же одинокого человека.

– Что вы имеете в виду?

– Я тоже одинок.

– Понимаю, куда вы клоните... Но, увы, моё сердце завоевать очень сложно.

– Так ведь и моё тоже.

– Звучит как вызов.

– Не было никакого вызова, я просто сказал вам как есть, а всё остальное вы придумали сами, Дарья Алексеевна.

– Тогда... – она остановилась, будто додумывала, что же сказать дальше, – ...не зовите меня Дарьей Алексеевной, можно просто по имени.

– У вас такое необычное, для дворянки, имя... Весьма редкое.

– Так ваше тоже не столь часто встречается в обществе дворян, – равнодушно ответила она.

– Вам не нравится моё имя? – как показалось князю Андрею, Дарья почему-то с особым удовольствием выводила его фамилию и часто вставляла обращение к нему именно «Болконский», а не по имени отчеству, например.

– С чего это такие выводы?

– Вы всегда зовёте меня по фамилии.

– Мне не нравится ваше имя, мне нравится ваша фамилия, уж больно она у вас красивая. А вот моя собственная мне никогда не нравилась... Нет-нет, Андрей Николаевич, вы не подумайте, никаких намёков, я просто сравниваю, люблю, знаете ли, анализировать.

«Княгиня Дарья Болконская, хм... Звучит ведь!» – подумал князь Андрей. «Ох! С чего это у меня такие мысли? Может быть она вообще замужем, а это скорее всего так, хотя... Отчего же она княжна, и у неё девичья фамилия? Что-то у меня уже разум мутнеет...»

– Князь Андрей, а вы были женаты?

– Был... Моя жена Елизавета Мейнен умерла при родах, – Болконский замолчал, но далее продолжил: – потом я полюбил другую, сделал ей предложение, но она изменила мне, – он тяжело вздохнул. – Я не люблю об этом говорить.

Дарья не ответила ничего.

– А вы замужем, Дарья? – то самое, что он хотел спросить давно.

– Нет, разве вы не поняли – я ведь княжна.

– И никогда не были?

– Нет, никогда.

– Но отчего же? – её ответы настолько удивили Андрея, ведь всё это казалось ему абсурдным в её-то возрасте.

– Я ждала вас, – княжна, с ухмылкой, взглянула на него. – Шучу, я ценю свою свободу, и, как я уже говорила, завоевать моё сердце весьма трудно, – княжна Дарья взглянула на небо и произнесла: – А я ошибалась.

Князь Андрей посмотрел туда же, тучи разошлись совсем, небо было ясным, лишь разорванные облака клочками висели по краям неба.

Последовало долгое молчание.

– Знаете, мне уже пора, – она взглянула в глаза Болконскому. – Вы не похожи на других, князь Андрей, запомните это. До свидания, – Дарья отвернулась и спустилась с крыльца.

– À bientôt[3], Дарья, – он глядел ей вслед, пока она отдалялась от него медленным и размеренным шагом. Пройдя какое-то расстояние, княжна остановилась перед каким-то человеком, который был вершков[4] так на восемь или даже девять выше её.

– Неужели Михаил Алексеевич почтил своим визитом этот вечер.

– Здравствуй, Dagie, – князь Кибаков, с притворной нежностью, поцеловал руку сестры. – Comment vas-tu ici?[5]

– Я уже уезжаю, можешь не радоваться, – проговорила она, грубо отдёргнув свою руку.

– Так скоро? Может останешься ещё?

– Non[6], хватит с меня этих глупостей, мне здесь не место.

– Постой, у меня есть просьба к тебе. Я через три дня даю бал, и...

– Я должна присутствовать там? – княжна перебила брата. – Да ни за что на свете.

– Милая, s'il te plaît[7], ради меня, а я сделаю для тебя что-нибудь, – князь Михаил давил сестру своим умоляющим взглядом.

– Ох... Куда ж вы без меня все... – Дарья закатила глаза.

– Так ты приедешь, Dorothee? – от такого обращения княжна поморщилась.

– Я просила, кажется, меня так не называть, а, коли разучился понимать русский, для особо одарённых на французский не перевожу, – с пренебрежением, произнесла она.

– Андрей, куда же ты ушёл? – Пьер вновь появился неизвестно откуда.

– Очень утомил меня сегодняшний вечер, – произнёс князь Андрей, всё ещё смотря как уходит княжна Дарья.

– Ты что, разговаривал с этой Кибаковой?..

– Да. Она весьма, хм... Интересный человек.

– Неужели? – Пьер был достаточно удивлён. – Ты же не...

– Нет. Я больше не свяжусь с женщинами, но она не по-

хожа на них на всех...

– André, да ты хоть понимаешь, во что ввязался? Она просто жестоко поиграет с тобой! У неё ведь чувств никаких нет!

– Ты слишком низкого мнения о ней, княжна Дарья не та, кем кажется, – Болконский решил для себя, что через три дня обязательно поедет к Кибаковым на вечер. Князь Андрей не верил в эти «сказки» про то, что у Дарьи нет чувств. Отчего-то он был уверен, что они у неё есть, просто где-то глубоко в душе, ещё и эта её загадочность... Которая так и манила его к себе.

Часть I. Глава II.

***

Через три дня Андрей Болконский отбыл в Бологое Тверской губернии, которое принадлежало князю Михаилу Алексеевичу Кибакову и находилось в трёхстах сорока верстах от Москвы и в стольких же от Петербурга. Это была не очень большая деревня, казалось, что родовое имение в центре, которое некогда принадлежало князю Алексею Сергеевичу Кибакову, было куда больше её самой. Князь Андрей через главный его вход, вымощенный широкими резными белыми колоннами, сразу же попал в огромную залу, из центра потолка которой свисала большая люстра, с множеством горящих на ней свечей. В зале было достаточно шумно из-

за большого количества людей.

Только и успел князь Андрей войти, как перед ним сразу же возник хозяин сие торжества – князь Михаил Кибакон, которого Болконский сегодня наконец разглядел лучше – это был человек весьма высокого роста, намного выше князя Андрея (вершков так на шесть или даже семь), с весьма красивыми чертами лица и волосами светло-русого цвета, его серые глаза как-то странно глядели на всё. Видно было, что этот князь хитёр, расчётлив, тактичен и воспитан.

– О, князь Андрей Николаевич, bonjour[8]. Вы с кем-то приехали или один? – произнёс он, с ног до головы оглядывая князя Андрея.

– И вам здравствовать, Михаил Алексеевич. Je suis seul[9].

– Вы приехали к кому-то лично? Просто вас так редко видят в высшем свете...

– Я не имею права посетить ваш бал?

– Нет-нет, что вы! Не подумайте ничего плохого, – князь Михаил старался быть приветливым, но его назойливость начала раздражать Болконского. – Давайте выпьем немного вина?

– Извините, я не люблю это дело.

– Мы совсем немного, – Кибакон подошёл к столу, налил в два бокала вино и протянул один из них князю.

– Ладно, коли немного, – князь Андрей нехотя взял бокал из рук Михаила.

– Давайте-ка, Андрей Николаевич, выпьем за наше с вами

знакомство, – произнёс князь Михаил и, чокнувшись своим бокалом с его, почти залпом, выпил всё вино.

Болконский не стал пить так быстро, ибо понимал, что его здоровье не позволяло этого, и ежели он выпьет всё и сразу, то потом его будет мучить сильная головная боль. Он поднёс край бокала к губам и очень-очень медленно выпил всё.

Князь Андрей, поставив пустой бокал на стол, оглядел залу, пытаясь найти взглядом Дарью. Он отыскал её довольно быстро, она сидела, как и обычно, в одиночестве, с краю, за одним из столов. Сегодня она была в таком же закрытом, как и в прошлый раз, тёмно-синем платье; её роскошные тёмно-русые волосы с рыжим отливом были уложены в низкий хвост. Княжна была где-то в своих мыслях. Она увидела князя Андрея, и на её лице выразилось глубокое удивление, вперемешку с показным равнодушием, а в глазах загорелся огонёк; в мыслях её, которые были никому неизвестны, было только одно: «Болконский... Откуда он здесь?... Недавно приехал, а идёт прямо ко мне, неужели хочет... Нет! Глупости какие! Разумно нужно мыслить, а не глупо мечтать. Но что же ему всётаки нужно?...»

Князь Андрей подошёл к ней и тихо произнёс:

– Здравствуйте, княжна Darie, – он поцеловал её миниатюрную руку, которая была в чёрной бархатной перчатке.

– Здравствуйте, Андрей Николаевич, – Кибаква произнесла это уж очень размеренно, выражая явное безразличие, коего на самом деле не было.

– Разрешите предложить вам тур вальса?

– Разрешаю, но это пока, посему вы не радуйтесь, – равнодушно ответила она, встала и подала князю Андрею руку. Именно этого княжна и ждала, оттого, поистине, мысли её оказались не глупыми, а просто предвиденными и вполне очевидными.

Они вышли в центр залы. Князь Андрей одной рукою крепко взял Дарью за руку, а другую завёл ей за спину, она же положила свободную руку князю на плечо, на его погон. Затем они уже пустились в танец, во время него между ними завязался весьма любопытный диалог.

– Зачем вы приехали? – с каким-то недоумением, спросила княжна Дарья.

– По одной простой причине – я хотел увидеть вас. Причина моего желанья мне, увы, неизвестна, – князь Андрей слегка улыбнулся, отчего его красивое лицо стало ещё куда более прекрасным.

– Не пройдёт нам даром этот танец... Светское общество такое, сразу поползут сплетни: княжна Кибакова танцевала с князем Болконским – будет что обсудить всем, – Дарья оглянулась в сторону Михаила, который, мягко говоря, был очень удивлён. – Представляю, какие слухи о нас с вами поползут... Хотя лично мне это безразлично.

– Михаил Алексеевич, кажется, не похож на сплетника.

– Да, с виду не похож, но вы его плохо знаете...

С одной стороны, ей бы лучше слышать сплетни о ней и

князе Андрее, чем то, что она слышит обычно: «старая дева, что сторонится всех», «всё время молчит, а коли говорит, лишь такие вежливые грубости, что и ответить нечего» или «у неё совсем нет чувств, она презирает мужчин и всех людей», но большой вопрос, как относился к этому сам Болконский.

– В таком случае, пушай сплетничают, меня это, как и вас, не волнует. Вы завтра вечером свободны?

– С какой целью вы спрашиваете?

– Мы могли бы погулять по парку, недалеко от моего имения, это не так далеко от Москвы, в Богучарово.

– Свободна, ежели кое-кто не подбросит очередную подлость, но, к его несчастью, он получит отказ. К тому же я завтра как раз буду в Москве, – княжна Дарья взглянула в прелестные серо-голубые глаза князя Андрея.

– У вас очень тяжёлый взгляд, он какой-то безжизненный и потухший, будто когда-то был радостным и горел ярко, но его загасили, словно огонь...

– А ваш пустой и печальный, будто в нём целое небо и бескрайняя бездна, которая хранит множество тайн, – Болконский вглядывался в её тёмно-карие бездонные глаза, от которых вновь и вновь приходил в восхищение. – У вас очень красивые глаза!

– Что имею, – княжна, будто смущённо, опустила взгляд, – но спасибо. И вы смотрите, осторожнее, не утоните в этой бездне, – она зло усмехнулась и вновь подняла свои прекрас-

ные очи на него.

«Что же это? Кажется, я её смутил... Или нет?.. Она в самом деле пришла в замешательство. Стало быть, есть у неё чувства!» – думал он.

С каждым движением внутри у князя Андрея как будто что-то подпрыгивало, было какое-то чувство восторга, а сердце отчего-то билось очень часто. Князь сейчас, как и всегда, танцевал превосходно, но, как никогда, боялся оступиться. Он старался держать себя в руках и сохранять своё безмятежное выражение лица, которое весьма редко менялось. Кибаклова слегка раздражала его своей бестактностью и наглостью, но зачем же он тогда сейчас с нею танцует? Андрей сам не понимал этого.

Княжна Дарья также всегда очень хорошо танцевала, но сейчас, восхищаясь безупречными движениями князя Андрея, думала, что, в сравнении с ним, она вовсе не танцует, а неуклюже перемещается, словно медведь. Выражение её лица также было спокойно и даже равнодушно.

Танец продолжался и дело дошло до момента, когда князь Андрей положил руку на талию Дарье, в ответ на это она состроила странную гримасу, явно портившую её прекрасное лицо. Вроде бы, Кибаковой нравилось, что Андрей сделал это, но также она понимала, что это всё лицезрит достаточно много народу, хотя, по сути, это был лишь элемент танца, посему княжна Дарья просто смирилась. В завершение танца князь Андрей ещё крепче сжал её талию, прижал княжну

к себе и слегка наклонил её вперёд от себя, потом вернул в исходное положение и убрал от неё руки. Этого в танце не было, просто он решил немного поубавить её наглости. Действия его были осознанными – это оказалось весьма опасной игрой.

– Какой же вы наглец, – с досадой, произнесла княжна Дарья и, со всего размаху, дала ему пощёчину. После она развернулась и отошла от Болконского подальше.

Андрей стерпел и не подал никакой реакции.

– Да вы растопили сердце моей сестры?.. – Михаил Кибаков был явно польщён, он резво подбежал к князю Андрею и чуть ли не упал перед ним на колени. – Ах, этот ваш танец, вы так танцевали! Вы превосходно танцуете и она! Ах, как великолепно!

– После такого она и не посмотрит на меня больше, хотя мне этого вовсе и не надо, ваша сестра не интересна мне, – князь Андрей тут же поймал себя на том, что это было неправдой, ибо отчего-то последние три дня только она и занимала все его мысли.

В центре залы уже было делать нечего, и князь Андрей отошёл к ближайшей стене. Он был не из тех, кто подслушивал чьи-то разговоры, но сейчас это произошло невольно, ведь разговор Михаила Кибакова и Николая Ростова был о княжне Дарье.

– Михаил Алексеевич, раскройте секрет, как узнать вашу сестру ближе, я хотел пригласить её, но она мне отказала.

– Pourquoi es-tu surpris? Elle refuse toujours.[10]

– Правду ли говорят, что у неё нет чувств?

– Нет, чувства у Дарьи есть, но, большой вопрос, какие...

Кроме гнева и злости, я не видал других.

– Она выглядит так, будто в её жизни что-то случилось.

Этот её пустой взгляд и чёрствость, за которой что-то явно скрывается...

– Я расскажу вам. На самом деле у неё много проблем, начиная разводом наших родителей, когда её заставили выбирать, и несчастной любовью в молодости, а заканчивая смертью отца, а затем и матери. Весьма гадкая история! – князь Михаил задумался. – Эээ... Oublier[11], Николай Ильич, главное, не скажите это Darie.

– Так вы потеряли les deux parents[12]? – изумился Николай.

– Да, ещё в 1805 году. Отец наш Алексей Кобаков – военный генерал, был убит при Аустерлице. Сестра очень тяжело пережила его уход. А мать... У неё сердце не выдержало, умерла она прямо на руках моей сестры. Да и отношения у них были не очень, а тут ещё и такое... – Кобаков замолчал. – *Ń'en parlons pas*[13].

– А зачем же она танцевала с князем Болконским?..

– Явно не от великой симпатии к нему. Кто знает, что у неё на уме.

После таких слов князю Андрею стало как-то неприятно здесь находиться.

«Даже брат её не видит такой, какая она есть. Да! А я видел. Да. И только отчего она не отказала мне в танце? Странно всё это. Она несчастна. А я? Не лучше ведь. Вздор всё это, глупости! Отчего я воспринял всё всерьёз? Но ведь её глаза... Её глаза были наполнены радостью и солнечным светом, а не той тёмной печалью», – размышлял он.

– Андрей Николаевич, что-то вы заскучили? Viens à nous!
[14] – произнёс Михаил, подойдя к нему.

– Я уже уезжаю, – проговорил князь Андрей, отвернувшись от собеседника.

– Как же так? В любом случае, meilleurs vœux.[15]

Князь Андрей, ничего не ответив, ушёл от князя Михаила подальше. Он, изначально показавшийся Андрею неплохим человеком, начал вызывать у него отвращение.

Часть I. Глава III.

***

На следующий день, ближе к вечеру, князь Андрей прибыл домой, в Богучарово. Со вчерашнего вечера он был в не самом лучшем расположении духа, ему было тошно от самого себя и своего поступка. Болконский уже пожалел, что решил сам понаглеть, дабы поубавить наглость княжны Дарьи. И отчего его вообще волновали отношения с женщиной, которую он видел всего два раза? Князь Андрей не знал этого и знать не хотел. Он прошёл в свою комнату, снял с себя

шинель и положил её на стул, после, закинув руки за голову, лёг на кровать и закрыл глаза.

«Глупости какие! Нужна-то мне эта наглая...» – подумал он.

– Ах, André, где же ты был в эти два дня? – слышалось где-то рядом. Судя по голосу, это была княжна Марья.

– Ездил по важным делам, – спокойно произнёс князь, не размыкая глаз.

– У тебя то-то случилось? Ты какой-то хмурый...

– Ничего, Маша, – сухо ответил князь Андрей, открыв глаза и взглянув на обеспокоенную сестру, – я просто немного устал, – он сел на кровати.

Усталости Андрей не чувствовал, а использовал это как отговорку, ведь не хотел говорить Марье о том, что был на бале, танцевал с Дарьей Кибаковой и решил «поиграть с огнём», за что отхватил пощёчину. Его слегка раздражала княжна Дарья, но отчего-то он не мог перестать думать о том, что поступил неправильно и находил в ней сходства с собою.

– Я немного пройдуся, – проговорил князь Андрей. Он встал с кровати, надел на себя шинель, предварительно взяв её со стула, и вышел из комнаты. Болконский направился в парк, дабы побыть наедине с собой и природой и отдохнуть от надоедливого светского общества.

Было довольно прохладно. Небо было затянуто тучами, лишь на горизонте они отсутствовали. Солнце медленно за-

ходило, под облаками виднелась часть его алого диска, которая окрашивала их в какой-то кроваво-красный оттенок.

Князь Андрей был глубоко погружён в свои размышления, он, соединив руки за спиной, медленно шагал по узкой тропинке среди белых берёзок. Князь Андрей настолько углубился в свои мысли, что не слышал, как шумел ветер, как покачивались деревья и как за ним кто-то тихо шёл...

– Здравствуйте, князь Андрей, – сзади послышался чуть грубоватый женский голос, который выдернул князя из его внутренних рассуждений. Он, неожиданно для себя, вернувшись в действительность, резко остановился и обернулся назад. Перед ним стояла княжна Кibaкова.

– Здравствуйте, Дарья, – с изумлением и не веря своим глазам, произнёс князь Андрей. – Я уж думал, вы не придёте после вчерашнего... Но я прошу у вас извинений за то, что позволил себе наглость, ещё и при людях. Признаюсь, я сделал это намеренно и осознанно.

– Вздумали «с огнём играть»... Но ваши извинения приняты, – княжна одобрительно кивнула. – Вообще-то я и не собиралась приходить, но отчего-то подумала, что обязательно должна увидеть вас сегодня. Хотя вы мне не настолько приятны, – она подошла ближе. – А зачем вы здесь, ежели думали, что я не приду?

– Видно, звёзды так сошлись, – князь Андрей не знал, что ответить и ляпнул, что первое пришло в голову. Всё-таки за столько лет он так и не научился разговаривать с женщина-

ми.

– Я смотрю, что-то эти ваши звёзды в последнее время слишком хорошо сходятся...

– Может быть пройдемся, раз вы здесь?

– А вы, Андрей, мастер тему переводить, – Дарья пристально взглянула на князя Андрея, – но давайте, ибо для этого я и пришла.

– Дарья, могу ли я спросить вас про вашего отца – князя Алексея Кибакова? Я понимаю, что это воспоминание может доставлять вам боль, но вы можете говорить об этом?

– Большая часть моих воспоминаний доставляет мне боль, но я могу говорить обо всём. Ничего страшного.

– Понимаю вас, Дарья. К сожалению... – князь опустил взгляд, – ...многие мои воспоминания также причиняют мне страдания.

– А мы с вами похожи больше, чем я думала... Так что вы хотели спросить про моего отца?

– Я слышал от вашего брата – Михаила Алексеевича, что он был убит в сражении под Аустерлицем. Он ведь был генерал-аншефом?

– Да, он был генералом и был убит. Его посмертно наградили Георгиевским крестом первой степени, – ответила Дарья, пытаясь проглотить комок, который откуда-то появился в горле, – но вы всё равно не знаете его. Он был очень хорошим человеком, – она всё не могла понять, зачем Болконский спрашивает об её отце. Сейчас княжна Дарья вспо-

минала, как ей сообщили страшную весть о том, что её отца больше нет. Она вспоминала также похороны родителей, где был и Николай Андреевич Болконский, который сказал, что князь Алексей был хорошим человеком, и выразил ей искренние соболезнования.

– Знаю, я ведь тоже служил там, только адъютантом у Кутузова, а при Аустерлице был ранен. Отчего я и спросил, ведь за день до сражения я разговаривал с генералом Кибакковым, а потом видел как его ранили но до приезда домой не знал, что Алексей Сергеевич тогда погиб... Когда-то он был очень хорошо знаком с моим отцом – Николаем Болконским, кажется, в молодости они служили вместе.

В тот момент княжна глубоко задумалась, она вспоминала тот страшный день, когда ей сообщили о гибели отца:

«18 декабря 1805 года. Село Бологое. Имение Кибакковых.

Двадцатидвухлетняя княжна Дарья в своей комнате сидела в кресле и вышивала. Её покой нарушила крестьянка, которая, поклонившись, вошла в комнату.

– Дарья Алексеевна, управляющий Василий Иванович желает вас видеть. У него что-то весьма срочное.

– Зови, – отозвалась княжна, отложив своё дело и встав с места.

Крестьянка ещё раз поклонилась и выскользнула в коридор. Через несколько минут вошёл управляющий. Он уважительно поклонился.

– С каким делом пришёл, Василий Иванович?

Крестьянин молчал. Он будто растерялся и не знал, что сказать госпоже. Вид его был какой-то испуганный.

– Ну? Что случилось? – спросила Дарья и подошла к нему ближе.

– Беда, госпожа... Страшная беда, – дрожащим голосом заговорил он. – Страшное дело случилось-с. Батюшка ваш! Князь наш! Наш дорогой господин! Алексей Сергеевич наш... убит-с. Убит-с при Аустерлице, второго числа сего месяца.

– Что?! – сдавленно вскрикнула княжна Дарья. Сердце её, в этот миг, как будто остановилось, а внутри всё сжалось в один комок. Она замерла на месте. Она не поняла, что произошло. Забвение длилось недолго, и княжна переспросила: – Что ты говоришь?

– Наш князь покинул-с этот мир. Навсегда. Нет-с его больше. Убит-с. Не оставьте-с нас, Дарья Алексеевна! Нет-с вашего батюшки теперь, только вы одна у нас теперь, – крестьянин, со слезами, упал перед ней на колени.

– Прочь... – прошептала Кибакова. Прочь отсюда! – надрывно прокричала она.

Василий Иванович поднялся и скрылся за дверью.

Княжна Дарья, закрыв лицо руками, опустилась на кровать. Она не могла сдерживаться и не пыталась этого делать, слёзы бесконтрольно лились из её глаз. Дарья отказывалась верить в то, что её отца больше нет, ведь он был единственным дорогим для неё человеком: мать живёт отдельно, да и

отношения с ней не очень, а братьям она и вовсе не нужна. Тогда Кибакова ещё не знала, что скоро она потеряет и мать и какая бессовестная делёжка наследства будет среди её братьев».

Дарья так глубоко задумалась, что совсем не смотрела под ноги и зацепилась за какую-то палку, лежавшую на дороге, отчего чуть было не полетела на землю, но князь Андрей успел подхватить её за талию.

– Будьте осторожнее, княжна, – тихо произнёс он, возвращая её тело в исходное положение.

Далее Андрей и Дарья шли молча. Они гуляли около часа, за это время заметно похолодало – дул прохладный пронизывающий ветер, он поднимал в воздух прошлогодние листья.

– Как-то похолодало... – тихо произнесла княжна Дарья, потеряв своё правое плечо. Эта фраза не была адресована Болконскому, а была сказана ею самой себе.

Князь Андрей снял с себя шинель и накинул ей на плечи.

– Зачем вы это сделали? – она резко остановилась и взглянула на него.

– Вы ведь замёрзли.

– Совсем не стоит... – княжна уже протягивала ему его шинель.

– Возьмите, пожалуйста, мою шинель, иначе, ежели вы, не приведи Господь, заболете, мне не будет покоя.

– А вы-то не замёрзнете?

– Нет, не беспокойтесь, мне нехолодно, – по его телу пробежал холодок, но князь Андрей не подал виду, ведь знал, что она замёрзла гораздо сильнее, и сердце его так сжималось от этого.

Княжна Дарья, с облегчением, выдохнув, завернулась в его тёплую шинель, которая была весьма велика ей.

«Не такая уж она и заносчивая...» – подумал князь Андрей. Сейчас его душе стало очень тепло, хоть и весьма холодно телу. – Андрей, а мы ведь и с вами раньше встречались...

– Когда? Что-то не припомню.

– Шесть лет назад в салоне Анны Павловны Шеррер. Вы тогда были там со своей женой и скучающе глядели на всех. Помните, одна девушка случайно... Точнее совсем неслучайно, задела вас, когда шла мимо.

– Так это были вы? – кажется что-то князь Андрей припоминал.

– Да, это была я, – как-то небывало мягко, ответила Дарья и улыбнулась, в первый раз за то время, сколько он знал её, наконец улыбнулась искренне, без всякой иронии, натянутости или злой усмешки. Эта улыбка пробудила в душе Болконского какую-то теплоту, отчего ему показалось, что княжна Дарья сейчас самый родной человек для него, хотя знал он её всего несколько дней. Князь Андрей положил свою тёплую руку ей на плечо, отчего княжна вздрогнула, ведь тепло это пробирало всё её тело насквозь.

– Наглость ни к чему хорошему вас не приведёт, Болконский, – выражение её лица приняло прежнюю холодность, а в голос вернулась грубость. Дарья, резким грубым движением, убрала его руку со своего плеча. – А мне уже пора, – она сняла с себя шинель князя Андрея и протянула ему.

– Pour vous guider?[16]

– Обойдусь, – сухо ответила княжна, махнув рукой в сторону, она развернулась от него и направилась по тропинке.

В очередной раз встреча с нею у Андрея не задалась, он проводил её лишь взглядом, но это было уже лучше, ибо в этот раз она хотя бы не дала ему пощёчину, и вокруг не было посторонних людей.

Князь Андрей глядел Дарье вслеп, пока она не ушла совсем. Далее его взор обратился на землю, где лежал белый платок, который выронила княжна Дарья. Князь аккуратно поднял его – это был самый обыкновенный ситцевый платок белого цвета, по краям он был очень ровно обшит тёмно-фиолетовой ниткой, что сделала, видно, сама княжна. Болконский, закрыв глаза, невольно поднёс его к своим губам. Ткань была очень приятной на ощупь, от неё исходил тонкий свежий аромат сирени, видимо, аромат масла, которым пользовалась Дарья. Через какое-то время, он опомнился и убрал платок в карман, решив, что при встрече отдаст его Кибакowej.

***

Прошло две недели. Князь Андрей ездил в Петербург по некоторым вопросам, сейчас он возвращался в Богучарово, но так как дорога была не в один день, на ночь он остановился под Москвой, в доме у старой графини и вдовы Софьи Кирилловны Литвиновой – матери Павла Литвинова. У графини Софьи дочерей не было, посему можно было избежать ненужных сейчас князю Андрею знакомств и встреч, но ненароком он слышал, что сейчас у графини её племянница, с которой князь хотел встретиться меньше всего. Болконскому выделили небольшую комнату без балкона на втором этаже, окно которой выходило в сад, отчего там было довольно тихо.

Была ночь, князю Андрею отчего-то не спалось. Немного поворочавшись в постели и поглядев в потолок, он встал с кровати и широко раскрыл окно в надежде, что свежий воздух поможет ему заснуть. Ночь была тёплая, не было ни ветерка, луну не было видно, а блёклый свет звёзд придавал саду волшебный облик. Князь Андрей какое-то время, облокотившись на подоконник, стоял у окна и вдыхал ночной воздух, мысленно убеждая себя, что это поможет ему заснуть. Неожиданно для себя самого, он вновь стал невольником подслушанного разговора, что происходил в комнате прямо над ним, участниками которого были какая-то дворянка и, видимо, крестьянка.

– Ваше сиятельство, ваша тётушка графиня завтра даёт бал, – заговорил приятный мягкий женский голос, он принадлежал крестьянке. В ответ на это послышался равнодушный, чуть грубоватый, голос её барышни: – Пушай даёт, мне то что с того.

«Значит племянница графини прямо надо мною живёт. Кажется, где-то слышал я её голос, но кто же это? До боли знакомый голос...» – размышлял князь Андрей.

– Даже ради уважения не пойдёте?

– Ох, Катенька, было б уважение... Софья Кирилловна ничем не отличается от остального светского общества. Все они такие. Все. Им о возвышенном, а они всё празднуют да веселятся, большего им и не надо. Бездельники! А смысл жизни ведь не в праздниках и богатстве. Ещё и французский этот через каждое слово вставляют... По их – vilénie[17]! И вообще, мир полностью держится на крестьянах...

– Вы же всё делаете для крестьян, Дарья Алексеевна.

– Это уже вопрос совсем другой.

«Дарья Алексеевна?! Кибак ова? Что?.. Да нет же... Этого быть не может! Хотя и голос ведь её... Точно она! Значит – она племянница графини...» – Андрей был достаточно удивлён и всё ещё не мог поверить в происходящее.

– Чудная погода сегодня. Звёзды! Как же они прекрасны. Говорят, мы похожи на них, после смерти мы перерождаемся и вновь возвращаемся в этот мир. Опять моя философия о концепциях жизни и смерти...

– Ваше сиятельство, я хотела у вас спросить, как прошла ваша прогулка с князем Болконским?

– Я просто ушла потом, вновь заявив, что он слишком нагло себя ведёт.

– Отчего же вы ушли, княжна?..

– Гордость не позволила остаться... А ведь ничего хорошего от неё не будет. Всё строю из себя что-то, а ни к чему это не приводит, самой от себя тошно. А князь Андрей ведь такой замечательный человек, – было слышно, как Дарья тяжело вздохнула. – Даже я, такая наглая и бездушная, до сих пор не понимаю, за что Ростова так с ним обошлась... – она замолчала. – Ой, а с чего меня интересует это?.. Забудь, Катя, забудь.

– Вам нравится князь Болконский?

– Не будем об этом. И да, ты можешь идти.

Данная фраза вызвала улыбку у князя Андрея.

– Кажется, пора присмотреться к Болконскому ближе, что ж он за человекто такой... – после Кибакова замолчала. – Так, Дарья Алексеевна, хватит заниматься демагогией и мешать спать другим, – вновь произнесла она. Далее князь Андрей услышал, как в комнате над ним громко захлопнули окно.

После услышанного разговора, князь ещё долго не мог уснуть, то ворочался в постели, то, присев на край подоконника, бесцельно глядел в окно; заснул он лишь под утро, в пятом часу, когда уже рассвело. Спал князь Андрей недолго.

го, ведь около семи часов утра он проснулся от сдавленного крика, что доносился из сада: «Прасковья! Где тебя черти носят!»

Князь Андрей резко открыл глаза и оглядел комнату, пытаясь понять, что вообще происходит. Сон прямо-таки давил, и князь, перевернувшись на спину, вновь сомкнул веки и ненадолго задремал.

«Я что сказала? Ты здесь главная?! Привести эту дрянь ко мне!» – из сада опять послышался тот неприятный сдавленный женский голос.

Болконский снова проснулся и открыл глаза.

«Боже, что де это?» – подумал он и закрыл глаза вновь, надеясь, что всё-таки сможет ещё хоть немного поспать.

«Не мои проблемы! Быстро!» – истошно завизжала женщина.

На этот раз князь, встав с кровати, выглянул в окно, дабы узнать, кто так нагло мешает ему спать – в саду стояла графиня Литвинова и несколько её прислуг, она, видно, раздавала им какие-то приказы.

«Зачем это делать именно здесь?» – подумал князь Андрей, устало протирая глаза. Спать ему уже как-то не очень хотелось, хотя во всём теле чувствовалась сильная усталость, что было естественно, ведь он спал всего два часа. Князь умылся холодной водой, что очень взбодрило его и привело все мысли в порядок, переоделся и вышел на террасу, на которой кто-то уже был – это была княжна Дарья. Она стояла,

чуть облокотившись на ограждение и глядя куда-то вдаль.

– Ах... Это вы, Болконский, – с какой-то грустью, но в то же время с облегчением, произнесла она, заметив его.

– Здравствуйте, Дарья, – князь Андрей взглянул на неё, её обычно бледные щёки были какие-то совсем белые, а глаза печальны как тогда, когда он первый раз увидел её. – Вы очень бледны, у вас всё хорошо?

– Чувствую себя не очень хорошо.

– Надеюсь, ничего серьёзного? – с нескрываемым беспокойством, спросил князь Андрей.

– Нет, ничего, я просто не выспалась.

– Признаться, я этой ночью тоже весьма плохо спал... Вас тоже разбудили эти крики?

– Увы, это так, – Дарья подняла на него свои тёмно-карие глаза и тихо, небывало мягко, несмотря на грубость, что от природы была в её голосе, произнесла: – Вы мне не поверите, но я так рада вас видеть сейчас.

– Отчего же не поверить? Я вам верю, я тоже очень рад вас видеть.

– Хорошо, князь Андрей, – Кибакова слабо улыбнулась.

– Это вы потеряли во время прогулки, – князь Андрей достал её белый ситцевый платок и протянул ей.

– А я-то обыскалась его, уж думала, взял кто. Спасибо вам, Андрей, – она осторожно взяла платок, касаясь рук Болконского, что были в белых перчатках, своими, которые, также, как его руки, были вновь прикрыты.

– Не стоит благодарности.

– Вы надолго здесь?

– Нет, я еду домой, в Богучарово, уезжаю уже сегодня. А вы?

– Я тоже отправляюсь сегодня, – Дарья оглянулась по сторонам. – Надеюсь, нас никто не увидел, а то, ежели Софья Кирилловна увидит, такие сплетни поползут...

– Мне уже пора. До свидания, княжна Дарья.

– До свидания, Андрей.

Князь Андрей прошёл внутрь дома.

– Бесстыдница! – послышался сзади голос графини Софьи.

Дарья обернулась назад и вопросительно взглянула на тётку.

– С каких пор, графиня?

– *Qu'avez-vous pensé faire*[18]? – произнесла графиня на весьма ломаном французском, да так, что даже было трудно разобрать, что же она пыталась сказать.

– Так, а давайте по-русски, – ответила княжна, намеренно растягивая «так».

– Как желаешь, я-то по-культурному хотела, как брат твой Михаил, – Литвинова подошла к княжне ближе. – Ты думаешь, я не знаю о твоих бессовестных делишках? Наслышана я, как ты на бале у брата танцевала с этим Болконским.

– И с каких же это пор вас волнует моя личная жизнь? – Дарья, как и обычно, внешне сохраняла спокойствие и гово-

рила очень расслабленно.

– С тех самых, что я не допущу в своём доме такого позора, слышала я вчера твои грязные откровения об этом Болконском, ещё и кому? Какой-то жалкой прислуге!

– И чего же в этом позорного?

– Да то, что замуж тебе надо, а ты занимаешься ни пойми чем. Нет, дабы как все девушки на бал пойти, познакомиться с кем-нибудь, так она вот что творит.

– А чем же вам не угодил Андрей Николаевич?

– Да он же весь в своего отца, такой же желчный и надменный, да ещё и вдовец, и с ребёнком!

– А, из-за его отца, значит? Но вы ведь и моего отца ненавидели, оттого сейчас ненавидите меня, скажете не так?

Графиня поморщилась и, вскинув голову, недовольно и тихо, будто сама себе, проговорила:

– Кто ж знал, что ты в отца своего пойдёшь...

– Что вы сказали?

– Я тебе добра желаю, хороший жених тебе нужен.

– А знаете, что нужно вам, Софья Кирилловна? Не совать свой нос в чужие дела и оставить меня в покое, ибо вы мне никто! А обо всём этом, хоть всей Москве рассказывайте, мне никакого дела до этого нет, – княжна Дарья уже хотела идти, но вспомнила, что не уточнила ещё кое-что: – И да, в свои двадцать девять, я до сих пор невинна и никем не тронута, ибо помню о дворянской чести, в отличие от некоторых «культурных» как мой брат, и не позволю никому до свадьбы

прикасаться к себе, – далее она, не обращая внимания на последующие слова тётушки, прошла мимо неё внутрь поместья.

Часть I. Глава V.

***

Конец мая. Дело было уже к закату, около восьми часов. День был жарким, но вечером появился свежий лёгкий ветерок, отчего стало приятно прохладно.

Княжна Дарья, как, впрочем, и всегда, в одиночестве, сидела на балконе своего имения, она читала книгу. Сейчас в её доме проездом был её брат – князь Михаил, вместе с женою и тремя детьми, и, также проездом, их кузен – Павел Литвинов.

Одиночество своей барышни нарушила крепостная крестьянка по имени Катерина – милая девушка двадцати семи лет, весьма высокого роста, намного выше княжны, с короткими прямыми светло-русыми волосами и голубыми, словно ясное небо, глазами.

– Ваше сиятельство, к вам приехал один князь... Он просит, дабы вы приняли его, – произнесла она.

– Давно такого не было... – тихо проговорила княжна в ответ, не отрываясь от книги. – Кто таков?

– Он просил не называть его имени.

– Тогда пушай со своими глупостями идёт на все четы-

ре стороны, – она, отложив чтение, пристально взглянула на служанку и, гораздо громче и грубее, добавила: – Вот прямо так и передай!

– Князь очень просил, дабы вы приняли его, пожалуйста, Дарья Алексеевна, – жалобно заговорила крестьянка. – Я думаю, этот человек с добрыми намерениями, сами поймёте, когда увидите, кто он. Я прошу вас, моя княжна.

– Ладно, я сейчас приду, – с неким недовольством, ответила Дарья. Ею овладело весьма странное чувство, отчего-то вдруг ей захотелось пойти к этому человеку. Она быстро натянула на руки бежевые короткие кружевные перчатки, которые очень подходили под её платье такого же цвета, и, пройдя через коридоры дома, вышла из здания. Этот самый человек, недалеко от ворот, стоял спиной, но тут же повернулся, когда княжна подошла. От удивления у неё перехватило дыхание, ведь перед ней был князь Андрей Болконский.

– Ах! Андрей Николаевич... Что вы здесь делаете? – с удивлением, воскликнула княжна, не успев натянуть на себя маску равнодушия и холодности, даже голос её будто потерял свою грубость, стал каким-то пронзительным.

– Здравствуйте, Дарья Алексеевна, – князь легонько весьма сдержанно, как и всегда, взял её руку и поцеловал. – Ваш дом оказался прямо по пути. Конечно, я мог бы проехать мимо, но сегодня я слишком устал от дороги. Хотя вы имеете полное право не принимать меня, – Болконский устало вздохнул и, с каким-то лёгким разочарованием, отпустил её

маленькую руку.

– А я разве сказала, что не дам вам переночевать у меня? – чуть надменно и уже сдержанно, без лишних эмоций, ответила Дарья; голос её принял прежнюю не очень приятную грубость.

– Я весьма сомневался в этом.

– Меня поражает ваша логика, Андрей... Вы сомневаетесь, но всё равно делаете.

– Я смотрю с позиции разума, ведь, ежели есть более приятное решение, отчего его не попробовать, может быть получится, а коли не выйдет, то я ничего и не теряю.

– Остроумно, – проговорила княжна, усмехнувшись. Сейчас же она заметила другую свою служанку и окликнула её: – Варенька, постой!

Семнадцатилетняя крестьянка сразу же остановилась и, поклонившись, подбежала к своей госпоже. Она была довольно маленького роста, чуть меньше княжны Дарьи, у неё была тоненькая русая коса, светло-карие глаза, а щёки прямо-таки горели румянцем.

– Чего изволите, Ваше сиятельство? – громко и пискляво, как-то по-детски, заговорила она.

– Подготовь для Андрея Николаевича Болконского комнату, ту, что рядом с моей.

– Сию минуту, Дарья Алексеевна, – Варя в спешке, поклонившись, побежала в дом.

– Идёмте пока, Андрей. Пока мы дойдём, она всё подго-

ТОВИТ.

Они вместе вошли в дом княжны Дарьи и, пройдя через светлую гостиную, поднялись на второй этаж. Сразу же к ним, откуда-то из-за поворота, выскочил князь Михаил.

– Андрей Николаевич, здравствуйте, как вы здесь? – Кибаков протянул Болконскому свою руку в знак приветствия.

– Здравствуйте, – сухо и без эмоций, отозвался он, – я остановился лишь для того, дабы переночевать одну ночь.

– Avoir une offre[19] приятно провести этот вечер, втроём со мною и Павлом Петровичем, за разговорами, партеечкой в карты и бокалом вина! Как вы на это смотрите?

– Предпочитаю проводить время в одиночестве, – князь Андрей, так и не пожав ему руку, развернулся и пошёл в сторону. Только через какое-то время он осознал, что даже не знает куда идти.

Дарья бросила в сторону младшего брата укоризненный взгляд и быстро догнала Андрея.

– Вы знаете куда идти? – с небольшой иронией, заговорила она.

– Нет, – он резко остановился.

– Вы, я смотрю, действительно устали, – с лёгкой улыбкой, ответила Кибакова. – К слову, вот и ваша комната, – она указала на дверь слева.

– Благодарю вас, – князь Андрей ещё раз поцеловал её руку и скрылся за дверью.

Войдя в комнату, князь закрыл дверь изнутри и, с облег-

чением, выдохнул, ведь наконец остался наедине с собою – его не потревожат ни слуги, ни князь Михаил со своими развлечениями, и он может отдохнуть от дороги и от общества. Комната, которую ему временно выделила княжна Дарья, была довольно большая и светлая, с какой-то приятной атмосферой, даже с балконом. У стены стоял старый шкаф, недалеко стол с креслом, а большая кровать была у окна, на котором висели бежево-коричневые шторы.

Князь Андрей, не раздеваясь и не расправляя постели, подошёл к кровати, лёг на живот, раскинув при этом руки, и закрыл глаза. Не то чтобы Андрей так сильно вымотался... Совсем нет. Усталость отчего-то была в его душе, а не в теле. Отдохнув немного, князь Андрей поднялся и выглянул в окно, где виднелся сад. Сейчас же он слез с кровати и, открыв дверь на балкон, вышел туда. Облокотившись на бортик, князь взглянул на голубое ясное небо. В один момент ему показалось, что он здесь не один. Князь Андрей выпрямился и обернулся, рядом была княжна Дарья.

– Дарья... Вы здесь... Но как? – он был очень удивлён, ведь точно помнил, что закрыл дверь в комнату изнутри, а на балконе в этот момент никого не было.

– У наших комнат общий балкон.

– Вот как? Поразительно...

– Ежели не верите, то вон дверь в мою комнату, – она указала на вторую дверь.

– Знаете, Дарья, вы похожи на Луну.

– Отчего вы сделали такой вывод? – Дарья взглянула на князя Андрея.

– А вы подумайте, – спокойно ответил князь, глядя на ясное небо.

– Стало быть, коли я Луна, то вы Солнце.

Болконский усмехнулся и тихо произнёс:

– Может быть и Солнце, не мне судить, – он перевёл взгляд на неё. – Можно ли, я немного прогуляюсь по вашему саду?

– Разумеется, можно.

– Не хотите ли составить мне компанию?

«Отказать! И только отказать!» – твердил Кибаковой её разум, а сердце прямо-таки упрашивало об обратном: «Соглашайся! Непременно соглашайся!

Может быть это твой шанс!».

«Какой такой шанс? И к чему хорошему это может привести? Живи я одними чувствами – уже давно была бы счастлива, а одним разумом – так изначально не была бы несчастна...» – подумала Дарья.

– Что ж... Идёмте, – ответила она, всё-таки послушав свои чувства.

Они вместе вышли в сад, деревьев там было не так много, но он весь был засажен кустами роз: красных, и розовых, и белых; вдоль которых были неширокие тропинки, усыпанные их нежными лепестками.

– Почему вы решили погулять со мною? – спросила княж-

на.

– А с кем же ещё? Не с женою вашего брата же, – Андрей чуть улыбнулся. – Она ведь замужем, и у неё дети.

– Многих это не останавливает, она ведь очень красива...

– Она не в моём вкусе.

– Кажется, что она во вкусе у всех... – в этот же момент Дарья поняла, что её щёки чуть покраснели, от совсем неожиданно нахлынувшего на неё смущения.

«Боже, да что ж это? Нет-нет! Я всё неправильно поняла, это всё мой эгоизм, хотя... Ежели он гуляет со мною, стало быть, по его словам, я в его вкусе?.. Нет! Глупости! Отчего же я пришла в замешательство... Господи! Только бы не заметил!» – было в её мыслях. Она отвернулась, ибо на её обычно бледных щеках румянец был виден очень хорошо.

Князю Андрею было совершенно не до этого, ведь он сам чуть было не раскраснелся от стыда, ибо понял, что не стоило это говорить, а быть более сдержанным.

«Зачем я это сказал? Сам себя выдал, и что она может теперь подумать... Отчего мне всё труднее вести себя сдержанно?.. Главное теперь сохранять спокойствие...»

– У вас в саду прекрасные розы, – Болконский решил перевести тему на цветы.

– Весьма люблю их – очень величественные и утончённые, но имеют беспощадно острые шипы, в общем, умеют за себя постоять.

– Могу ли я сорвать одну?

– Попробуйте, ежели сможете, – она усмехнулась, – я предупредила, что они умеют постоять за себя, живые ведь тоже.

Князь Андрей, двумя руками, очень осторожно, дабы не обколоть шипами пальцы, сорвал одну белую розу.

– Постойте, Дарья, – князь, держа в руке цветок, медленно подошёл к ней. Он аккуратно убрал прядь тёмных волос с бледного лица Дарьи и, лёгким движением, вставил розу в её волосы. – Вот так.

– Вы только ради этого лишили жизни бедный цветок?

– Вы ведь сами позволили мне. Поглядите, вам очень идёт так.

– Я не думала, что вы ради этого, – ответила княжна, достав зеркало и принявшись разглядывать себя в нём.

– Вы чем-то похожи на все эти розы, такая же неприступная и величественная, вас любят, а вы нет.

– Но ведь и в ваше сердце не так легко попасть.

– Вы правы, и я понимаю, о чём вы, – Болконский усмехнулся.

– Нет, не понимаете, Андрей. Вы жестокий и эгоистичный человек, – она подошла к кусту и беспощадно сорвала большую ярко-красную розу.

– Стало быть, вы тоже? – князь Андрей сначала взглянул на цветок, что был в руках княжны Дарьи, а потом в её пустые тёмно-карие глаза.

– Я и не отрицаю этого, – равнодушно ответила она, взглянув в ответ в его серо-голубые, также печальные и потуск-

невшие, очи.

– Но вы ведь на самом деле не такая, Дарья. Вы очень добрый человек, у вас нежная душа, просто вы немало испытали. И несмотря на это, ваше сердце не омертвело, вы лишь хотите казаться жестокой и равнодушной, но таковой не являетесь. Я отчего-то уверен, что ваши крестьяне думают о вас совсем не так, как высший свет.

– А вы, Андрей? – Кобакова, отчаянно сжимая в руках розу, отвернулась. – Разве вы человек бесчувственный, каковым кажетесь снаружи?

– Вы умеете читать мысли?

– Нет, мысли читать я не умею, но я умею чувствовать людей и точно знаю, что мы оба многое пережили и бежим сами от себя, но не знаем, отчего делаем это, – ответила она мягче и чуть улыбнулась, в глазах же её было глубокое разочарование.

– Да, вы правы, Дарья. Тысячу раз правы! – тяжело вздохнув, произнёс князь Андрей.

– Я знаю об этом, – она одобрительно кивнула, – и прекрасно понимаю вас, все ваши чувства понимаю.

– Это хорошо, что мы друг друга понимаем. И признаюсь честно, мне весьма приятно проводить с вами время, – какие-то странные чувства так и переполняли душу князя Андрея – это продолжалось с того самого момента, когда он в первый раз увидел Дарью, отчего-то ему хотелось быть рядом с ней и больше ни с кем.

– Взаимно, Андрей, – княжна резко остановилась и прислушалась. – Пойдите, вы тоже это слышали?

– Что именно?

Послышалось, будто кто-то, с шумом, цепляя кусты, беспрядочно бежал по тропинке сада.

– Пойду проверю, кто там, – произнесла Дарья, но Болконский резко схватил её за руку.

– Пойдите, мало ли, кто это может быть.

– У меня здесь никого постороннего. Я сейчас вернусь.

– Извините меня за навязчивость, но я иду с вами.

– Не буду с вами спорить, – Кибакова хотела двинуться, но князь Андрей перекрыл ей дорогу и произнёс:

– Я иду первым, так безопаснее для вас, – он, осмотревшись, вышел из-за куста роз и пошёл по тропинке, княжна Дарья медленно пошла за ним, периодически выглядывая из-за его спины.

– А, это Катерина, – сказала она, увидев служанку, – Я же говорила, что ничего страшного.

Катя, заметив господ, подбежала к ним.

– Андрей Николаевич, прошу простить, что потревожила, но мне очень нужна Дарья Алексеевна, – крестьянка поклонилась и обратилась к Дарье: – Извините, княжна, но вас Василий Иванович ищет, очень срочно!

– Что-то случилось? Он без дела не стал бы искать меня...

– Там, Ваше сиятельство, такой вопрос весьма спорный...

– Слушаю тебя, Катенька.

– Вот этакая история... Павел Петрович и Михаил Алексеевич р-решили пройтись по деревне, и, видимо, наши господа п-позволили себе... – служанка говорила очень взволнованно, запинаясь в некоторых словах и периодически, с опаской, поглядывая на Болконского.

– Так. Ну говори, говори, как есть говори, чего вытворили! Не бойся ничего, милая, разве ж я дам им тебя обидеть.

– Мне, наверное, стоит уйти... – начал князь, но Дарья, окинув его осуждающим взглядом, незаметно грубо толкнула его локтём в бок и резко уверенно перебила:

– Андрею Николаевичу можно доверять. Говори, Катя.

Князь Андрей от её удара резко почувствовал ноющую боль слева под рёбрами, но не подал виду, что ему было больно.

Крестьянка выдохнула и начала, с жаром, быстро-быстро говорить:

– Прощка их оскорбил. Господа, видимо, спровоцировали его, ибо он сказал, что они первые нелестно отозвались о нём, а он-то им и ответил, а они обозлились. Граф позвал Василия Ивановича и велел, дабы Прощку высекли плетьюми, но Василий Иванович сказал, что не будет исполнять, так как исполняет только ваши приказы, Дарья Алексеевна. Князь сказал Василию Ивановичу, что ежели не исполнит приказ, то его самого высекут. А Павел Петрович добавил, коли вам кто сообщит, так он всех нас крестьян изведёт, – Катерина закрыла лицо руками и заплакала.

Андрей видел, как во время рассказа крестьянки Дарья всё сильнее сгибает несчастную розу, что её стебель вот-вот переломится. Когда же Катя заплакала, злости княжны настал предел, и она, всё-таки сломав цветок, беспощадно бросила его на землю.

– Идиоты, – злостно произнесла княжна Дарья. – Да как они только смеют! – она тут же двинулась с места и побежала к выходу из сада.

Князь Андрей поглядел ей вслед и, подняв сломанный цветок, повертел его в руках, да отбросил в сторону, после подошёл к кусту роз и аккуратно сорвал три красных, с этим направился в дом.

Он вновь вышел на балкон, дабы полюбоваться закатом. Небо не было пасмурным, лишь тонкие, почти прозрачные, облака были беспорядочно размазаны, но что-то было в этой беспорядочности, свой порядок. Солнце медленно падало за горизонт, его не было видно, оно лишь окрашивало эти разорванные облака в красновато-синие оттенки, отчего казалось, будто кто-то пролил в небо бензин. Стоит лишь бросить горящую спичку, как оно незамедлительно вспыхнет. Беспощадный огонь сожжёт дотла эти нежные, словно лёгкая ткань, облака, и небо разгорится ярким пламенем заходящего солнца. Огонь догорит свой остаток, и деревню поглотит тёмная звёздная ночь.

В один момент князь Андрей вновь почувствовал, что рядом с ним кто-то ещё, он повернул голову вбок и увидел

княжну Дарью.

– Простите моё любопытство, но чем же всё закончилось? – тихо спросил князь.

– Ах, это вновь вы... По-хорошему, конечно, этих двоих бездельников самих следовало бы высечь плетьюми... Дабы не было желания применять это на крестьянах, но, увы, я не имею такого права. Я всё мирно решила, никто наказан не был, а брату и кузену сделала предупреждение.

«Интересно, какое было это предупреждение?» – подумал князь, он вспомнил слова княжны: «да как они смеют!», а также то, как она от злости сломала цветок, и отчего-то ему стало как-то смешно, что он чуть было не рассмеялся, но сдержал себя и, лишь улыбнувшись, произнёс: – Я всегда знал, что вы мудрая женщина.

– Мне считать за комплимент ваши слова?

– Как хотите, – князь Андрей подумал, что отвечать «да» было бы слишком откровенно и несдержанно с его стороны.

– Какой закат красивый... – Дарья взглянула на небо. На её слова никто не ответил, что удивило её, и она обернулась, рядом никого не было.

«И куда же подевался этот Болконский?» – промелькнуло в её мыслях.

Князь Андрей вернулся весьма скоро, с цветами в руках.

– Примите от меня, пожалуйста, – он протянул ей те три розы.

– Вы наверняка их сорвали в моём же саду... – она осто-

рожно взяла цветы и прислонила их к груди. – Но спасибо, мне очень приятно, правда.

– Я очень рад, что вам приятно, – князь улыбнулся.

– Не хотите ли выпить чаю?

– Хочу, – ответил Болконский, – весьма люблю чай.

– Я тоже люблю, – она развернулась и прошла в дом, но скоро вернулась, со словами: – Катя сейчас принесёт чай.

Чаепитие это прошло мирно, тихо и даже весьма скучно, ибо они даже не разговаривали, а лишь, не подавая виду, наблюдали друг за другом.

– Что ж, я уже пойду. Спокойной вам ночи, Андрей, – допив свой чай, произнесла княжна Дарья. Она встала с места и, аккуратно взяв цветы, направилась в свою комнату.

– И вам спокойной ночи, Дарья, – ответил князь Андрей, делая последний глоток тёплого сладкого чаю.

Через какое-то время, он услышал дивную фортепианную музыку, она доносилась из комнаты Дарьи. Андрей понял, что это играла она, и так нравилась ему эта мелодия, так успокаивала, ибо она лилась, словно ручей – так мерно и тонко. Княжна играла просто безупречно.

«Как же быстро чай закончился...» – князь усмехнулся и, поставив пустую чашку на стол, взглянул на небо. «А всё-таки Дарья замечательный человек, она меня понимает, а я её, у нас общие ценности... Как же превосходно она играет! Только вот странно, отчего же меня так тянет к ней? Нет, нет, глупости всё это!» – он встал из-за стола и направился

в комнату.

Князь Андрей чувствовал лёгкую, даже приятную, усталость во всём теле. Он заснул сразу же, как только его голова коснулась подушки.

Рано утром, не дождавшись пробуждения всех в доме, Андрей отправился домой, в Богучарово.

Часть I. Глава VI.

***

Предыдущая встреча с княжной Дарьей, что была в конце мая в её доме, оставила весьма тёплые чувства в сердце князя Андрея, ему хотелось ещё провести с нею время, хотя он сам себе постоянно говорил о том, что ничего к ней не чувствует.

В начале июня он вновь приехал в Московскую губернию к Кибакowej домой.

Время было около двух часов дня. Погода была тёплая, но не жаркая, на небе были облака, которые не закрывали солнце, а лишь медленно плавали вокруг него по чистому небосводу.

Князь Андрей ехал по деревне в своей повозке и глядел вдаль, где виднелась усадьба Дарьи Кибакowej. Он постепенно подъезжал всё ближе, дом становился больше и виден лучше. И вот наконец извозчик остановил лошадей около ворот. На подъезжающую повозку и князя в ней, с интересом и небольшим удивлением, глядел один крепостной кре-

стьянин немного нелепого вида – это был человек лет пятидесяти пяти, весьма невысокого роста, седоволосый, правая рука его была вся исцарапана и замотана чем-то вроде бинта. Одет он был довольно странно: на нём была длинная льняная рубаха с поясом, поверх неё что-то наподобие кафтана, коричневого цвета, в качестве штанов были обыкновенные крестьянские портки, а на ногах были не лапти, как у всех крепостных, а чёрные хромовые сапоги, которые носили только военные офицеры. Взгляд этого человека был серьёзный и строгий, явно вызывал уважение, но было видно, что этот человек добр и справедлив.

Повозка остановилась у самых ворот. Тот самый крестьянин подошёл к ней и, подав князю левую не оцарапанную руку, с уважением, заговорил: – Здравствуйте, добро пожаловать-с.

Князь Андрей, держась за руку этого человека, после дороги без остановок и неизменного положения тела, наконец выпрямился и ступил на землю. Что интересно, сапоги у него были точь-в-точь как у этого крестьянина, только у того они были все в пыли, а у князя блестели от чистоты.

– Вы должно быть-с, Ваше благородие, приехали-с к нашей Дарье Алексеевне?

– Да, я к ней, сообщите обо мне, – ответил князь, с ног до головы оглядывая странноватого крепостного.

– Как пожелает-с барин, сию минуту, – он поклонился и скрылся за воротами.

Через какое-то время вышла княжна Дарья. Андрею показалось, что за это время она как-то заметно похорошела, ибо её пустые глаза были счастливыми, а не печальными, и во всех движениях было что-то живое, без показного безразличия. Одета сегодня княжна была в тёмно-фиолетовое закрытое платье с чёрной опушкой на воротнике. Её тонкая талия была, как и обычно, туго

затянута поясом, на руках были кружевные перчатки такого же тёмно-фиолетового цвета, а её длинные и тёмные с рыжеватым отливом волосы были уложены в низкий хвост.

– Здравствуйте, Андрей. Рада вас видеть, – произнесла она, близко подойдя к князю.

– Здравствуйте, Дарья, – он взял её руку и оставил на ней нежный ласковый поцелуй.

– Вы вновь хотите переночевать? Сегодня никого, кроме меня и моих крестьян, нет, – ответила княжна Дарья, улыбувшись.

– Нет, я хотел пригласить вас, хотел, дабы мы с вами сегодняшней вечер провели в Москве у моего друга Пьера Безухова. Не беспокойтесь, слухов не будет, он не такой человек.

– Я не боюсь слухов, – она надменно усмехнулась и вскинула голову, – и знаю графа Безухова, не лично, но знаю – он не сплетник, – Дарья взглянула на него и заговорила тише, немного другим тоном: – Приди ко мне с таким предложением кто-либо другой, я бы бесспорно отказала, но это вы... Я провожу каждый вечер в одиночестве, а этот вечер я со-

гласна провести с вами, Андрей. Когда мы едем?

– Через час, ибо здесь до Москвы не так далеко.

– И что вы собираетесь делать целый час? – она подошла ещё ближе и взглянула в его серо-голубые глаза.

– Ждать, что же ещё, – князь Андрей иронически усмехнулся.

– Дабы вам было не так скучно ждать, пройдемся пока по моему саду, – княжна намеренно выделила интонацией слово «ждать», отчего вся её фраза прозвучала весьма саркастично. Произнеся это, она оглянулась назад и, увидев куда-то направлявшегося крепостного, которого Болконский видел у ворот, громко крикнула ему: – Василий Иванович! Постой!

Тот от неожиданности вздрогнул и, резко остановившись, быстро подошёл к княжне.

– Чего изволите-с, матушка?

– Скажи Кате, что я через час в Москву еду.

– Сию минуту сообщу-с Катерине. Вам повозку подготовить-с, Ваше сиятельство?

– Не нужно, я с Андреем Николаевичем еду.

– Как пожелаете-с, Дарья Алексеевна, – Василий Иванович поклонился и ушёл.

– Ну всё, теперь можно спокойно пройтись, – сказала Дарья, и они вместе пошли в сад, окутанный нежным ароматом роз. Цветов, по сравнению с прошлым разом, стало гораздо больше, и цвели они гораздо гуще и пышнее.

– Всё-таки прекрасный у вас сад, – с восхищением, произнёс князь Андрей, оглядываясь по сторонам. – Кажется, в тот раз роз было меньше, и цвели они не так сильно.

– Да. Вы только смотрите, дабы голова не закружилась, а то у меня крестьянки сознание теряют здесь.

– А вы как?

– А мне ничего, ни разу от этого в обморок не падала, только, коли долго ходишь, приедается аромат. Пойдёмте-ка дальше.

И действительно, княжна оказалась права, через какое-то время этот розовый аромат стал приторным и надоедливым, но скоро его вовсе не стало, как и самих цветов, ведь Андрей и Дарья вышли в другую часть сада, где было много вишнёвых деревьев, с которых прямо над головой свисали крупные спелые вишни.

– Ваш сад намного больше, чем я думал, – изумился князь Андрей, глядя на большие деревья, закрывавшие солнце.

– Вот, здесь и солнце не печёт, – княжна резко остановилась.

– Так у вас здесь вишня. Но ведь ещё июнь, а она, кажется, уже созрела...

– Это имение раньше принадлежало родителям моего отца. После того как отец с матерью поженились, мой дедушка отписал ему родовое имение, которое в Бологом, и они с бабушкой переехали сюда. Я, когда была ещё ребёнком, часто здесь бывала, а эти самые вишни были уже тогда, и они

всегда созревали на месяц раньше, чем везде, а в чём секрет этого – уж и не знаю, – княжна Дарья замолчала и потянулась вверх, к ветке, пытаюсь её наклонить, дабы достать ягоды, но неожиданно ветка склонилась сама, и княжна, с удивлением, оглянулась назад. Князь Андрей, одной рукою, держал ветку и стоял очень близко к Дарье, буквально лицом к лицу.

– Что вы делаете, Болконский?.. – с недовольством, за которым скрылось замешательство, прошептала княжна, она не ожидала увидеть его так близко. Сам князь Андрей тоже не совсем ожидал происходящего, ибо не думал, что она обернётся. Какое-то время они стояли вот так, неподвижно и молча, и, с неким недоумением, глядели в глаза друг друга.

– Отпустите ветку, вам ведь неудобно её держать, – нарушила молчание княжна Дарья.

– Соберите ягоды.

– Куда же я их собираю? – удивилась она и сорвала небольшую веточку от большой. – Отпускайте.

Он послушно отпустил, и большая ветка с кучей вишен повисла высоко над их головами.

– Любите ли вы вишню, Андрей? – произнесла Дарья, сорвав одну ягоду и положив её себе в рот.

– Весьма люблю.

– Тогда берите, – она разломил ветку на две части и протянула ему одну из них.

– Благодарю вас, – князь взял веточку из её рук и, предварительно сорвав, съел одну вишенку. Весьма интересный

вкус был у этой вишни, она была очень сладкая, но в то же время кислая, отчего её вкус был приятным, по крайней мере, для князя Андрея точно.

– А вы, получается, не с отцом живёте? Насколько я знаю, Николай Андреевич не в Богучарово живёт.

– Вы правильно поняли, Дарья, мой отец живёт в Лысых горах, и я там жил ранее, до 1805 года, а потом с сыном переехал в Богучарово, но это весьма недалеко от Лысых гор. А моя сестра живёт с отцом, но постоянно приезжает ко мне, – оживлённо рассказывал Андрей, при этом успевая глотать ягоды.

– У вас и сын есть... – с нескрываемым интересом, произнесла княжна Дарья, а потом заговорила, тише и уже с некой тоскою: – Признаться, я так люблю детей, вы просто не представляете! Но своих у меня, к сожалению, нет, ибо я до сих пор не замужем... Я всегда очень хотела своих детей, – она тяжело вздохнула.

Князь Андрей не знал, что ответить на это.

– Постойте, – она будто резко опомнилась, – а сколько лет вашей сестре?

– Ровно столько, сколько и вам.

– Значит, тоже двадцать девять, и она тоже не замужем...

Далее же Кибакова и Болконский шли уже молча, ибо были слишком заняты – ели изумительные ягоды. Около двух часов дня, они сели в повозку и поехали в Москву. Всё время пока ехали у князя Андрея в душе было какое-то странное

чувство, какое обычно бывает у влюблённого человека, что-то такое же он чувствовал когда видел Наташу до её предательства. Сейчас даже мысли о Ростовой и её поступке больше не причиняли ему душевной боли.

До Москвы Андрей и Дарья доехали часам к восьми. Пьер радушно встретил их в своём имении. Вечер этот они провели втроём, за ужином и разговорами. Около десяти вечера княжна ушла спать, а князь Андрей и граф Пьер остались на балконе вдвоём.

– Я смотрю, дорогой друг, ты похорошел, – заметил Пьер.

– В последнее время со мною что-то странное происходит... – князь Андрей опустил взгляд. – Я не могу выбросить из мыслей Дарью, постоянно о ней думаю. Так сильно отчего-то меня тянет к ней...

– Да ты, Андрей, кажется, влюбился! – Безухов, пристально оглядывая Андрея, слегка улыбнулся.

– Нет, этого не может быть... Нет, я не влюблён, – возражал князь, хотя внутренне понимал, что противоречит сам себе.

– Как же не может? Про Nathalie ты говорил то же самое, что ты постоянно думаешь о ней.

– Я простил её. Да. Простил. Я не мог простить, но простил. Передай ей при встрече, – князь Андрей говорил быстро и как-то весьма взволнованно, его душевное состояние было видно внешне.

– Я передам ей, не волнуйся.

– Я любил её. Да. Любил. Но сейчас она не вызывает у меня никаких чувств. Совсем нет, – Болконский вдруг резко вскочил со своего места и, глядя вдаль, на небо, заговорил медленнее: – Когда я встретил Дарью, со мною что-то произошло... Мысли о поступке Наташи перестали доставлять мне боль. Я переосмыслил всё и понял, что ничего не происходит просто так. Дарья вызывает у меня какие-то забытые чувства, какие я испытывал к Наташе... Моё сердце прямо рвётся к ней.

– Ты определённо влюбился, – убедительно ответил Безухов.

Князь Андрей тяжело вздохнул и, взглянув на Пьера, произнёс:

– Что за человек эта Дарьюшка... Она замечательная! У неё очень богатый внутренний мир. Мы с ней так похожи... И я понимаю её, а она меня, у нас схожие взгляды на жизнь и внутренние убеждения. Кажется, я действительно влюбился...

– Тогда женись на ней.

– Нет. Я пока не готов к этому, ещё рано. К тому же я не знаю, взаимны ли мои чувства...

– Ничего, не волнуйся, всё ещё образумится, – граф встал с места и похлопал друга по плечу. – *Vonne nuit*[20], Андрей.

– Спокойной ночи, – ответил он и присел на диван.

«Может быть Пьер прав, и мне стоит жениться, она ведь совсем другая, не похожа на Наташу... Хотя отец вновь бу-

дет против, но, кажется, я действительно влюбился... Нет. Я не готов жениться, ведь вдруг мои чувства вновь угаснут? Да и неизвестно, что она обо мне думает... Я женюсь лишь тогда, когда пойму, что мои чувства крепки, и когда буду знать, что её чувства ко мне такие же. Да!» – думал князь Андрей и глядел на ночную Москву, что была очень красива и таинственна. Было уже весьма поздно, но он не торопился ложиться, ибо спать ему совсем не хотелось.

Часть II. Глава VII.

***

Двенадцатого июня 1812 года французские войска пересекли границу Российской Империи. Началась война, о которой мы все знаем, Отечественная война. Князь Андрей, хоть и обещал себе больше никогда не служить, вновь отправился на службу, ибо считал своим долгом защищать Родину. Перед тем, как уехать, он решил заехать в Лысые горы, дабы проститься с отцом, сестрою и сыном.

Князь Андрей осторожно приоткрыл дверь кабинета Николая Болконского.

– Заходи, заходи! – послышался строгий голос старого князя.

Он вошёл в помещение. Его отец в своём белом халате (в котором он, никого, кроме сына, не принимал) стоял посреди комнаты. Андрею всегда становилось как-то не по себе,

когда он оставался с отцом один на один; в этот раз было также.

– Что, князь Андрей, вновь уходишь на войну... – протянул старый князь, пристально и строго, глядя на сына. – Хотя оно и правильно, кто же Россию-то защищать будет, кроме вас молодых.

– У меня есть к вам одна просьба, батюшка.

– Какая такая просьба? – его глаза загорелись интересом. – Но говори. Говори, я слушаю!

– Ежели я не вернусь, вы не оставьте, пожалуйста, княжну Дарью Кибакову, пушай она с вами и Марьей живёт.

– У тебя опять новая невеста?! – с нескрываемым недовольством, вскричал князь Николай.

– Нет, она не моя невеста, но... – спокойно начал князь Андрей, но отец резко перебил его:

– Постой, постой! Кибакова?... Дарья... – он глубоко задумался и стал ходить по комнате, бормоча про себя: «Кибакова... Дарья...», потом старого князя будто озарила мысль, и он, хлопнув себя по лбу и повернувшись к Андрею, продолжил: – Уж не старшая ли дочь покойного Алексея?

– Она самая – единственная дочь Алексея Сергеевича.

– Ммм... думаю, слышал ведь где-то! – Николай вновь задумался и опять стал ходить по комнате, при этом быстро, как скороговорку, говоря: – Давно я её не видал, уж с того самого года, когда князь Алексей, царствие ему небесное, этот мир покинул. Служили мы ведь с ним когда-то... Давно

не видал я Дарьюшку, а ты, значит, всё-таки с нею... Князь Алексей жаль не видит!.. А отчего же ты не женишься на ней сейчас?

– Ежели со мною что, не хочу вдовою оставлять её.

– Ладно... – князь отошёл от сына и присел за стол.

Дверь за спиною Андрея чуть приоткрылась, и из-за неё выглянула княжна Марья.

– Ах, André! Ты здесь... – с удивлением, воскликнула она.

– Пошла прочь! Тебя никто не... – злостно начал старый князь, но сын довольно уверенно перебил его:

– Зачем вы с Marie так? Она ведь ваша дочь и ничего плохого вам не сделала.

– Не вмешивайся не в своё дело.

– Она моя сестра, и я не могу слушать как вы кричите на неё, – князь Андрей слегка повысил тон, ибо злость отчего-то уже брала его всего.

– Не тебе диктовать мне правила.

– При всём уважении к вам, батюшка, я не позволю говорить так с моей сестрою!

– Ступай отсюда. Не зли меня. Не хочу тебя видеть!

Андрей не стал ничего отвечать, он сейчас же вышел и, не простившись с сестрою и сыном, покинул Лысые горы.

***

Княжна Дарья ничего не подозревала, она просто стояла у окна своей комнаты и размышляла над различными вопросами.

– Дарья Алексеевна, к вам князь Болконский приехал, он очень просит, дабы вы приняли его, – сообщила княжне Катерина.

– Что же привело его, он ведь ничего не говорил, что придет... В любом случае пушай идёт сюда, – княжна Дарья глубоко задумалась.

– Здравствуйте, Дарья, – князь Андрей тихо подошёл к ней сзади, почти вплотную.

– Здравствуйте, Андрей. Что-то вы без предупреждения...

– Я пришёл проститься с вами.

– Проститься?.. – с некоторым недоумением, произнесла Дарья и повернулась к нему, страшная мысль промелькнула в её голове. – Вы ведь не...

– Да, я уйду на войну. Я не знаю, вернусь ли, но хочу, дабы вы помнили обо мне... – князь Андрей достал из кармана маленькую коробочку и протянул княжне. Она была в ужасе от происходящего, но старалась не показывать это внешне.

– Откройте, когда я уеду, – добавил князь.

Княжна, дрожащими руками, аккуратно взяла её и приложила к груди. От Дарьи не было ни фраз: «может останетесь» или «не бросайте меня», ни истерик, ничего, а лишь одна слеза побежала по её щеке. Князь Андрей, сняв перчатку с одной руки, костяшками своих пальцев, осторожно прикоснулся к её щеке и вытер слезу.

– Только не плачьте, пожалуйста, Даша, – его голос дрогнул на её имени, которое он отчего-то решил произнести именно в такой форме. – Я не хочу, дабы обо мне кто-то плакал.

Услышав эту форму своего имени, княжна будто испугалась чего-то и крепко сжала его руку. Последний раз она слышала такое обращение от кого-то из родных, уже более двадцати лет назад.

– Я хочу, дабы вы тоже помнили обо мне, – княжна Дарья сняла с одного уха серьгу, вложила её в маленькую для мужчины ладонь князя Андрея и сжала её в кулак. – Помните обо мне, она будет вас оберегать. Пожалуйста, держите её при себе.

– Хорошо, я буду хранить её, только успокойтесь, прошу вас, – князь убрал серёжку в карман и нежно поцеловал маленькую дрожащую руку княжны Дарьи, которая также, как и всегда, была в перчатке, на этот раз в белой.

– Я буду ждать вас, – тихо прошептала княжна и прижалась головой к его груди, обхватив руками его спину, на что князь Андрей также заключил её в объятия. Закрыв глаза, княжна Дарья слушала биение его сердца, которое от сильного волнения билось очень встревоженно. Сам Андрей, чуть наклонив голову, прислонил её к голове княжны. От её волос изливался нежный аромат сирени, такой же нежный, как и сама Дарья. Несмотря на сильные переживания, где-то в глубине души Болконский довольствовался тем, что Дарья

наконец не отталкивала его и не называла наглцом, а даже, вот так, с любовью, обнимала, но очень не хотелось ему расставаться с нею, хотелось сказать многое, в особенности – о своих чувствах, но он не стал вселять в душу Дарьи ложные надежды, ведь запросто мог погибнуть на этой войне. Ещё и недавняя ссора с отцом усугубляла все его терзания, однако объятия Кибаковой и аромат сирени так успокаивали.

Князь Андрей, чувствуя невыносимую тяжесть в груди и горечь на душе, нехотя выпустил её из своих объятий и, ничего больше не сказав, поспешно вышел оттуда, оставив княжну наедине со своими горькими мыслями. Дарья, глядя ему вслед, рукой по воздуху перекрестила его и, с большим надрывом, прошептала: «Храни его Господь».

После она аккуратно открыла коробочку, что дал ей князь Андрей, в ней было изящное серебряное кольцо с тремя аметистовыми камушками.

***

Два месяца прошло с момента как князь Андрей ушёл на войну. В это время он так увлёкся всем этим, что даже и не разу не вспомнил про княжну Кибакову. Князь забыл её? Нет, не забыл, он просто не вспоминал, чувство влюблённости исчезло из его сердца, война вернула его здравый взгляд на жизнь.

Вот уже несколько дней князь Андрей не спал, а спать хотелось сильно, но нельзя было. Когда же выдалась свободная минута князь Андрей присел отдохнуть, он слегка при-

слонил голову к стене, где находился, и тут же заснул. Спал князь совсем недолго, но за это время ему приснился сон:

«Он в каком-то тёмном грязном помещении, с заколоченными окнами. Повсюду беспросветный мрак, что князь даже с большим трудом мог разглядеть собственные руки. Атмосфера была весьма давящей, а ещё было невыносимо душно, отчего дышать было очень тяжело.

Открывается дверь, через неё кто-то входит. Андрей пытается разглядеть, кто это, но из-за беспросветной тьмы не было видно лица человека, хотя, по телосложению и движениям, это точно была женщина, она взяла его за руку и повела куда-то через тёмные узкие коридоры. В один момент идти князю Андрею стало очень тяжело идти, к тому же он слышал какие-то ужасающие крики и голоса, зовущие его обратно.

– Я, я не могу идти дальше... Отпустите м-меня, – простонал князь Андрей, задыхаясь.

– Нужно идти, – спокойно произнесла дама, её голос показался князю знакомым и даже родным, но он, как ни пытался, не смог вспомнить, кто это был.

– Я не могу, мне очень больно.

– Это ненадолго, скоро пройдёт, главное не отпускайте меня, – её голос был всё таким же спокойным.

– А кто это кричит?

– Я никого не слышу, кроме вас.

Князь Андрей понял, что это слышит только он.

– Меня кто-то зовёт, мне нужно идти.

– Вам ещё не время идти к ним, вы должны идти за мною, – женщина сжала его руку крепче и, с силой, потащила его; Болконский, не имея другого выхода, всё-таки пошёл за ней. Резко тьма сменилась светом, князю Андрею стало гораздо легче, и он наконец разглядел лицо Дарьи Кибаковой.

– Дарья?.. Где мы?

– Твоя жизнь в опасности, Андрей, – с нескрываемой грустью, произнесла она и развернулась в сторону, откуда исходил свет, – но я сделаю всё, дабы опасности не было.

– Не оставляй меня одного здесь, – князь ухватил её руку.

– Всё будет хорошо. Мы обязательно встретимся вновь, главное иди на свет и только на свет, и ты обязательно найдёшь меня, – княжна растворилась прямо перед ним».

Князь Андрей открыл глаза, ещё какое-то время он не мог понять, что происходит вокруг. Осмотрев помещение, князь понял, где находится. Андрей запустил руку в карман и достал оттуда серёжку Дарьи Кибаковой, которую она дала ему при их последней встрече, – это была золотая серьга с большим красным рубином.

«Значит, мы обязательно встретимся вновь... Да, я люблю её, по-настоящему люблю, и хочу видеть её. Очень хочу...» – тихо произнёс князь Андрей и прижал украшение к груди. Сердце его защемило, он вспомнил их последнюю встречу и слёзы княжны. Болконский осознал, насколько сильно любит её и твёрдо решил для себя, что по приезде домой по-

просит её руки и сердца, он понимал, что действительно хочет видеть Дарью своей женой. Князь Андрей больше не был влюблён в неё... Он любил её.

***

Всё это время княжна Дарья прибывала в сильнейшем душевном волнении, она почти ни с кем из своих слуг не разговаривала, часами гуляла одна по саду или сидела в своей комнате. Какой бы стойкой в плане любви не была Кибакова, князь Андрей крепко запал в её сердце, первый раз за свою жизнь она полюбила по-настоящему.

В ту самую ночь Дарья наконец крепко заснула и увидела сон:

«Она, как обычно, стояла у окна в своей комнате и о чём-то размышляла. Раздался громкий стук в дверь.

– Входите.

Вошла Катя и поклонилась княжне.

– Катя, что случилось?

– Госпожа, вам письмо.

– От кого?

– От князя Болконского, – Катерина передала ей конверт, весь заляпанный пятнами крови. Вид его привёл княжну Дарью в ужас.

– Можешь идти, – Дарья принялась его разворачивать, само письмо тоже было в крови, но разобрать написанное можно было без труда:

«Здравствуйте, Дарья. Не было и минуты, дабы я не

вспомнил о Васе. Встрѣча съ Вами вернула меня къ жизни, я вновь обрѣлъ счастье. Хотя сейчасъ у меня возникли нѣкоторыя трудности, я хочу встрѣтиться съ Вами и знаю, что мы встрѣтимся вновь, надѣюсь, что не въ послѣдній разъ.»»

– Княжна, проснитесь! Проснитесь! – Катя трогала княжну за плечо.

Княжна Дарья, тяжело и быстро дыша, резко вскочила.

– Катя, что случилось?.. Ммм... – она прижала руку ко лбу и закрыла глаза, ибо её голову отчего-то пронзила острая жгучая боль.

– Вы кричали во сне и звали князя Болконского.

– Кричала? Болконский... Сон... Ох, подай воды мне.

Крестьянка налила в стакан воды и подала княжне, та очень быстро выпила всё и протянула стакан служанке.

– Вас что-то беспокоит? Расскажите, вам будет легче, а я никому не скажу.

– Да... Я... Мысли об Андрее больше не вызывают у меня прежних чувств, какие вызывали два месяца назад. Да. Мне кажется, что я больше не влюблена. Я люблю его. Люблю, Катенька. Сильно. И боюсь за него очень. Так боюсь! – княжна заговорила быстро и обрывисто, видно, что она весьма волновалась.

– Дарья Алексеевна, милая, всё будет хорошо, я уверена, что Андрей Николаевич обязательно вернётся, и вы встретитесь.

– Ты можешь идти пока, но я тебя позову ещё.

Катя, поклонившись, покинула комнату, а Дарья повернулась к окну и устремила взор в окно, на яркую большую луну.

«Что ж ты светишь на меня, серебряная луна? Освещаешь ли ты сейчас путь князя Андрея? Болконский, где же ты... Мы обязательно встретимся вновь...» – она вытерла слезу со щеки, но тут же закрыла лицо руками и уже не контролировала слёз. «Где же ты, князь Андрей? Жив ли ты ещё... Господи! Я люблю его... Больше всех на этом свете люблю!» – княжна чувствовала, что что-то должно было произойти, но не понимала, что именно, хотя одно ей было известно – князь Андрей в большой опасности.

Немного успокоившись, княжна Дарья достала из шкафчика кольцо, которое подарил ей князь Андрей, и надела его на палец.

«Не сниму больше, пока он не вернётся», – прошептала Дарья, а затем взяла листок и перо с чернильницей и принялась писать письмо на чистом русском (по-французски, что удивительно, писать она не умела):

«Я смотрю на бескрайнее ночное небо и вспоминаю Васъ, князь Андрей. Вотъ уже два мѣсяца прошло съ момента Вашего отъѣзда и нашей послѣдней встрѣчи.

Для начала хочу выразить Вамъ искреннія соболѣзнованія, я слышала, что Вашъ Отецъ покинулъ этотъ мѣръ, извините, что напоминаю Вамъ объ этомъ, но мнѣ правда жаль, и я, как никто, понимаю Васъ...

Я часто вспоминаю Васъ, Андрей, а именно нашу первую

и послѣднюю встрѣчи. Сегодня ночью мнѣ приснился сонъ, Вы сказали мнѣ, что мы обязательно встрѣтимся вновь, надѣюсь, что это правда. Не знаю, какъ и описать словами, но встрѣча съ Вами полностью измѣнила мою жизнь, кажется, я первый разъ въ своей жизни полюбила по-настоящему, я почувствовала себя женщиной, а не увядающимъ цвѣткомъ.

Я очень жду Вашего возвращенія и надѣюсь, что мы дѣйствительно встрѣтимся вновь. Знайте, Андрей, моё сердце принадлежитъ только Вамъ, Вы стали смысломъ моей ничѣмной жизни.

Искренне ваша Дарья Кибакова»

Часть II. Глава VIII.

***

Больше недели прошло с момента, как княжна Дарья отправила князю Андрею письмо, а ответа всё не было. Уже миновало сражение под Бородино, а Москва пылала ярким пламенем.

Дело было к вечеру, небо всё было затянуто тучами, дождя не было, но периодически гремел гром. Кибакова стояла на балконе и глядела на тот ужасный пожар, во власти которого была Москва.

– Дарья Алексеевна, вам письмо от Марьи Николаевны Болконской, – её покой вновь нарушила Катерина.

– От Марьи? Очень странно... Ну-ка давай сюда, – Дарья

взяла конверт из рук Кати и принялась разворачивать его.

«Здравствуйте, Marie Алексѣевна, пишетъ Вамъ Марья Николаевна Болконская, сестра Андрея Болконского, думаю, Вы знаете такого, посему разъяснить мнѣ, думаю, не стоитъ. Мы съ Вами лично никогда не пересѣкались, но, думаю, Вы слышали обо мнѣ. Мой братъ – князь Андрей подъ Бородино получилъ тяжёлое осколочное раненіе въ животъ, *maintenant il est en train de mourir*[21]. Ежели у Васъ ѣсть доля состраданія, то прошу Васъ прибыть въ Мытищи какъ можно быстрѣе.

Княжна Marie Болконская»

– Ах! – княжна Дарья выронила письмо, ей показалось, будто её сердце пропустило один удар.

– Что-то случилось, княжна? – спросила Катерина, подбывая письмо.

– Случилось. Андрей тяжело ранен... – слёзы подступали к горлу, отчего она проговорила это очень тихо и с большим надрывом. – Мы сегодня же отправляемся в Мытищи.

– Но ведь уже дело к вечеру, сударыня, может быть завтра с утра?..

– Я что сказала тебе? – Дарья, даже не заметив, чуть повысила тон. – Управляющего ко мне. Быстро!

– Слушаюсь, Дарья Алексеевна, – Катя поклонилась и вышла.

«Господи, храни князя Андрея, ежели он жив ещё...» – сглотнув собравшиеся в комок слёзы, прошептала Дарья и

задрала голову вверх, на небо. Вдалеке послышался раскат грома.

– Звали-с меня, матушка? – кто-то сказал сзади.

– Звала, Василий Иванович, дело есть, – княжна Дарья развернулась к крестьянину лицом.

– Какое-с, Ваше сиятельство?

– Я сегодня вынуждена отбыть в Мытищи... – она не договорила дальше, ведь будто что-то мешало ей сделать это.

– Помилуйте-с, Ваше сиятельство! Это же совсем рядом с Москвой, куда ж вы это-с в самую кашу-то? – он только всплеснул руками от ужаса.

– Так велят обстоятельства, – Дарья нервно сглотнула. – Сделай милость, Василий Иванович, коли придут французы сюда, дабы все мои крестьяне ушли отсюда к моему брату в Бологое.

– Как пожелает-с наша барышня, но они не пойдут-с.

– Значит, придётся заставить! Катерина остаётся здесь, ежели что, поможет.

– Слушаюсь-с, Дарья Алексеевна. Я могу идти-с?

– Да, не задерживаю.

Василий Иванович поклонился и вышел.

В тот же день, поздним вечером, Кибакова прибыла в Мытищи, где находились Болконские. Княжна Дарья, не зная, в каком доме был раненый князь Андрей, ещё сколько-то времени ходила по этой деревушке. Во время поисков она заметила группу военных, подошла к ним (уж они-то точно зна-

ют) и обратилась к самому старшему из них, который, видимо, являлся генералом или кем-то ещё вышестоящим:

– Добрый человек, не знаете ли, в каком доме сейчас находится раненый князь Болконский? Насколько я знаю, он командир полка.

– А вот в этом самом, – он указал на ближайший дом.

– Великодушно благодарю вас.

– Дарья Алексеевна, кем вам приходится князь Алексей Кибакон?

– Отцом, но он погиб под Аустерлицем ещё семь лет назад... А отчего вы спрашиваете, и, собственно, кто вы вообще?

– Да ты что! Это же наш генерал-фельдмаршал Кутузов, – слышалось откуда-то из толпы солдат.

– А... – она осеклась, – ...извините, пожалуйста, Михайло Илларионович, я вас не узнала, – княжна пришла в ужасную растерянность, без того на душе у неё было тяжело, а тут ещё и это.

– Ничего, ничего, ваш отец был очень достойным человеком и гордился бы вами, что вы прибыли сюда сейчас ради другого человека, – успокоил её Кутузов, заметив её замешательство.

– Вы не знаете случайно, как там Андрей Николаевич?

– Сами увидите сейчас и поймёте всё, но раз вы здесь, стало быть, сильно любите его, а, ежели любите, значит, только вы и поможете ему.

Княжна Дарья вошла в дом, встретила её княжна Марья, даже не произнеся ни слова, а, с какой-то скорбью, оглядывая её.

– Я не опоздала, он ведь жив ещё? – тихо произнесла Дарья, в ответ на что, Марья сказала:

– Да, он совсем недавно заснул.

«Господи, благодарю тебя, что сохранил его», – подумала Дарья.

Княжна прошла к Андрею, он спал на кровати, укрытый своей шинелью, слышалось его слабое тяжёлое дыхание. Дарья присела рядом, с тоскою, взглянув на князя. После она сняла с себя браслеты, что были на её запястьях, все заколки с волос и кольца с пальцев, кроме того, что подарил князь Андрей.

– Андрей подарил?.. – тихо спросила Марья.

– Да, при последней встрече.

После этого она уставилась в одну точку и долго сидела так.

Что было с Болконским в этот момент? Он действительно ненадолго заснул, заснул минут так за десять до приезда Кибаковой. Снилось ему что-то страшное, даже и не разобравшись что, к слову, очередной кошмар. Проснулся князь Андрей от острой, разрывающей что-то, боли внутри живота. Он, даже сам того не осознавая, еле слышно жалобно застонал. Когда же сознание после сна вернулось к нему окончательно, князь перестал стонать, разомкнул веки и, оглядев помеще-

ние, увидел, что княжна Дарья сидела рядом с ним.

– Дарья, это в-вы или мне вновь мерещится? Сколько раз вы приходили мне во сне и говорили, что мы встретимся. Неужели мы встретились или это вновь обман... Скажите, что это не сон! – князь Андрей устал на неё свои ясные, полные не только страдания, но и надежды, серо-голубые глаза. Князь не верил, что Дарья – та самая Дарья, которую он любил всем сердцем и желал видеть, сидела рядом с ним.

Ничего не смогла произнести Дарья, её охватило отчаяние, ведь она увидела его тяжёлое состояние (как он похудел, говорил с трудом, тяжело дышал, окидывал её каким-то безжизненным взглядом, но всё-таки, несмотря на всё это, сохранял здравый рассудок и человеческое достоинство), всё говорило о том, насколько вымотало его это ранение, что означало его безнадёжность – от таких мыслей сердце княжны Дарьи обливалось кровью.

– Нет... Это не сон, Андрей Николаевич, – с трудом, выговорила Дарья, слёзы давили её изнутри, отчего ей было тяжело говорить и в принципе дышать.

– Я получил ваше письмо, за день до того как меня ранили, я положил его к сердцу и отправился на сражение. Я очень боялся, что больше не увижу вас, оттого благодарю Бога за то, что он позволил мне увидеть вас ещё раз. Я очень скучал по вам! – князь Андрей, тяжело вздохнув, взял её прохладную, как ему показалось, руку, что была наконец без перчатки, и слегка сжал, насколько хватило сил. Это дей-

ствие князя ещё больше привело Дарью в ужас, ведь это были уже не те руки, которые крепко держали её во время танца и во время прогулок, сейчас это были ослабевшие руки, едва касавшиеся её.

– Вам нужно отдохнуть сейчас, – Дарья говорила ещё более напряжённо, но сохраняя самообладание, – поспите, – добавила она, очень осторожно погладив его по плечу, дабы только не сделать ему больно.

– Не уходите от меня только, я хочу, дабы вы были рядом. Я люблю вас, —

Андрей поднёс руку княжны к губам и, с любовью, аккуратно поцеловал, – Даша, – он, с особой нежностью, произнёс её имя, – слишком люблю вас. Вы моя душа, смысл всей моей жизни! Только ради вас я всё ещё жив.

– Я не думала, что после стольких лет полюблю кого-то... Но моё сердце принадлежит только вам, Андрей, – княжна аккуратно выдернула руку. – И я буду рядом с вами, – сделав паузу, она тихо добавила: – всегда, – княжна вскинула голову, дабы слёзы не выбежали из глаз.

– Как же я счастлив сейчас! Вы рядом... Со мною... – князь Андрей слабо улыбнулся и вновь взял её руку.

Увидев его болезненную улыбку, Дарья еле сдержала слёзы, которые так и хотели выкатиться из её глаз, отчего всё это время взгляд её был каким-то стеклянным.

– Даша, как вы думаете... Буду ли я жить? – чуть с надрывом, произнёс он, ибо говорить ему всё-таки было довольно

тяжело и даже немного больно.

– Непременно будете, Андрей, я уверена, верьте и вы.

Князь Андрей закрыл глаза. Сейчас он даже не чувствовал той сильной непрекращающейся боли, ведь был счастлив, что наконец увидел княжну Дарью, и, пока не заснул, держал её за руку. Правда недолго он спал, разбудило его чьё-то вскрикивание, хотя скорее даже и не вскрикивание, а громко произнесённый вопрос в строгой форме грубоватым женским голосом: «Да как же вы допустили?!»

Болконский приоткрыл глаза, дабы увидеть, что происходило. Он увидел, что этот возглас встревожил не только его, но и княжну Марью, которая вскочила со своего места.

– Спокойно, – произнесла Дарья Кибакова, подойдя ещё ближе к доктору. – Как?.. Я спрашиваю... Как вы допустили до такого? – уже гораздо тише и с большей долей презрения, но всё с тем же надрывом, произнесла Дарья. – Вы! Это вы довели его до такого состояния.

Ничего не понимал князь Андрей и не смог понять, ведь после этого он больше ничего не видел и не слышал, оттого что потерял сознание из-за мучительной боли. Спустя какое время он очнулся – неизвестно (но это точно было около полуночи), что происходило вокруг, Болконский не понимал, но зато ясно чувствовал, что ужасно хочет пить. Боль так и не отпускала. А все эти вскрикивания может и вовсе привиделись ему? Было неясно, но сейчас он отчётливо слышал разговор Дарьи и его сестры.

– Значит, завтра, в пол пятого?

– Да, – в этом «да» отчего-то было столько грусти и скорби, будто в назначенное время будет что-то этакое или же наоборот этого могло не произойти по каким-то неизвестным причинам, хотя может и известным, просто неизвестно было то, что может не произойти.

Княжна Марья вышла из избы, а Дарья заметила, что князь Андрей не спит, и подошла к нему.

– Извините, Андрей, это я, наверное, разбудила вас?.. – тихо произнесла она.

– Нет, не беспокойтесь.

Княжна Дарья, устало вздохнув, присела рядом. Князь Андрей видел, что она чем-то была глубоко озабочена и даже разочарована, но не стал спрашивать, что произошло, хотя и догадывался, что это, возможно, связано с его состоянием. Княжна чуть нагнулась к князю и осторожно прикоснулась к его горячему лбу, проверяя, есть ли жар. Жар у Андрея был сильный и даже переходил в какое-то лихорадочное состояние.

– Вам нужно чего-нибудь?

– Нет, только вот пить очень хочется, хотя бы один глоток сделать... – князь Андрей, тяжело вздохнув, умоляюще взглянул на неё.

– Я принесу вам немного воды, – хрипло проговорила она, разочарованно отводя взгляд. На самом деле Дарья растерялась, ведь знала такое, что с ранениями в живот пить нельзя,

но во взгляде Болконского было столько страдания и боли, что, глядя на него, она просто не могла ему отказать.

– Чаю. Можно чаю? – тихо прошептал князь Андрей, осторожно касаясь её тёплой руки, которая казалась ему холодной.

– Хорошо, Андрей, я сейчас принесу, – голос её ужасно дрожал. – Только вот, как я оставлю вас одного...

– Дарья Алексеевна, княгинюшка, не беспокойтесь, я ведь здесь остаюсь, – в один момент раненый майор Тимохин, который тоже находился там, соскочил со своей лавки и, хромя, подошёл к кровати. Сначала Кибакова и вовсе не заметила, что всё это время он был там.

– Я всё ещё княжна... Но я на вас надеюсь, – Дарья встала и, осторожно приоткрыв дверь, тихо вышла из комнаты.

– Андрей Николаевич, ежели вам чего понадобится, скажите мне.

– Мне ничего не нужно.

– Тогда не буду мешать вам, отдыхайте, господин полковник, – Тимохин вернулся на свою скамейку.

Князь Андрей сомкнул веки, которые, казалось, стали такими тяжёлыми. Ему было хуже, чем вечером, к тому же очень хотелось спать, но, во-первых, Андрей ждал, когда княжна принесёт ему пить, во-вторых, неизвестно почему, его до сих пор мучила ноющая боль где-то внутри живота, прямо в месте ранения. Находясь в полузабытьи, он услышал, как кто-то вошёл, и открыл глаза. Кибакова, держа что-

то в руках, шла к нему.

– Возьмите, Андрей, – княжна Дарья присела рядом и протянула ему кружку, до половины наполненную чуть тёплым сладковатым чаем. Он, взяв чашку дрожащими руками, поднёс её край к своим пересохшим растрескавшимся губам и сделал небольшой глоток. Вкус показался весьма приятным, и князь жадно, делая уже большие глотки, выпил весь чай, после чего ему стало немного легче, хотя бы пить не хотелось.

– Спасибо вам большое, – князь Андрей отдал кружку Дарье и, вглядываясь в её прекрасные тёмно-карие глаза, рукой дотронулся до её щеки. – Даша, вы возвращаете меня к жизни. Вы моя Луна, что освещает тёмную ночь.

– А вы моё Солнце, которое не должно гаснуть, иначе день никогда не настанет, – чуть ли не давясь собственными слезами, коим она не давала свободу, проговорила Дарья, взяла его маленькую бледную руку и приложила к своей груди, прямо к сердцу.

– Как часто бьётся... – удивился князь Андрей, чувствуя рукой как её сердце мерно отбивает удары, да так, будто хочет вырваться из груди, что отчаянно бьётся об его ладонь.

– Простите, – княжна убрала его руку и опустила глаза.

– Извините, может быть я слишком много прошу, но вы не могли бы подложить мне подушку? Мне очень больно и неудобно так лежать, – произнёс князь Андрей.

– Что же вы сразу не сказали, что вам больно?

– Я не знал, отчего это.

– Сейчас, – княжна Дарья думала над тем, как это сделать ей одной, но тут в голову пришла мысль. – Как зовут вашего подчинённого? – спросила она.

– Тимохин, майор по званию.

– Майор Тимохин, подите-ка сюда, – княжна махнула рукой в его сторону. Тимохин сразу же, чуть прихрамывая, подошёл к ним.

– Звали, Ваше сиятельство?

– Звала, звала, нужно Андрею Николаевичу подушку подложить, можете мне?

– Всё сделаю, Дарья Алексеевна, – он сначала обратился к ней, а потом к князю: – Ваше превосходительство, ежели будет больно, вы скажите.

– Стерплю, – ответил князь и, стиснув зубы, крепко, насколько хватило сил, взялся за руку майора, который помог ему чуть привстать. Невыносимо больно это было для князя Андрея, казалось, будто прямо в место ранения насквозь вонзили несколько штыков. Чтобы не закричать от боли, он прикусил губу и зажмурился. Дарья же аккуратно и быстро подложила ему подушку.

– Благодарю вас, так гораздо лучше, – выдохнув с облегчением, произнёс Болконский, когда вновь опустился на кровать. Боль чуть поутихла.

– Обращайтесь.

– Вы уж извините, но у меня ещё просьба к вам... Не най-

дётся ли ткань какая-нибудь?

– А вам на что, Ваше сиятельство?

– Намочить бы в холодном, на голову Андрею Николаевичу положить, у него весьма сильный жар, – ответила княжна.

– Даже и не знаю, сударыня; всё, что было, ушло на перевязку, – Тимохин только раздосадовано развёл руками.

Дарья задумалась, но неожиданно её озарила мысль. Она достала из кармана белый ситцевый платок, который князь Андрей узнал сразу, ведь по краям этот платок был обшит фиолетовой нитью.

Княжна встала с места и вышла, но очень быстро вернулась. Она присела рядом и осторожно положила холодный мокрый платок на горячий лоб Андрея. И так хорошо ему стало, когда что-то такое холодное и приятное коснулось его разгорячённой головы. Правда весьма скоро ткань стала тёплой, посему княжна Дарья убрала платок со лба князя и положила на подоконник.

Через какое-то время князь Андрей, путаясь в своих мыслях, с чувством великого счастья в сердце, крепко заснул. Княжна не спала, не могла она спать, пока её любимый человек находится на грани жизни и смерти. Дарья устало протёрла глаза, пальцами погасила свечу, что горела на столе, встав с места, немного походила по комнате и забрала платок с подоконника, а после вновь присела рядом с Болконским и тихонько взяла его ослабевшую руку. Он отчего-то улыбнулся во сне.

«Как же красива его улыбка... И даже в таком болезненном состоянии он прекрасен!» – подумала княжна, с восхищением, но в то же время с грустью, глядя на спящего князя. «Что же он во мне нашёл всё-таки?..»

Дарья лишь на рассвете ненадолго задремала, князь Андрей ещё спал, а до пол пятого оставалось около получаса.

Часть II. Глава IX.

***

Князь Андрей проснулся утром, с чувством блаженства и счастья в душе. Боль внутри живота была меньше, чем вчера вечером. Сколько было времени – он не знал, но видел через окно, что солнце уже начало выходить из-за горизонта, а Мытищи были окутаны густым туманом. Княжна Дарья сидела рядом с ним, чуть облокотившись и подставив ладонь под голову, её прекрасные бездонные глаза были прикрыты чуть припухшими веками. Она заснула.

«Интересно, который сейчас час? Ежели уже пол пятого, а Дарья спит?.. Может быть разбудить её? Нет, не стоит. Она, наверняка, очень устала, ведь не спала всю ночь и заснула совсем недавно», – думал князь Андрей и внимательно глядел на Дарью. Она сейчас показалась князю очень красивой, гораздо красивее, чем до этого, даже с закрытыми глазами. Он разглядел над её верхней губой родинку, которую раньше не замечал, также длинные чёрные ресницы, а ещё заметил,

что у неё очень тонкие губы, но, как ему казалось, они не портили её красоту. Князь Андрей знал её четыре месяца, но до сегодняшнего дня (вчера ему было не до этого) никогда не видел, дабы её руки были открыты и на них не было перчаток. Долго он глядел на утончённые маленькие руки княжны, её тонкие короткие пальцы, а также вены на запястьях, что были весьма отчётливо видны.

«Вот он – идеал женской красоты, даже недостатки в её внешности прекрасны, ведь ничто неидеально, но для меня она красавица», – подумал Болконский. «Она вчера приехала сюда поздним вечером, чай мне принесла, подушку подложила, да и платок этот, я ведь даже не просил её – значит, она и правда любит меня... Но что она нашла во мне?..»

Тут Дарья открыла свои прекрасные очи, отчего её лицо стало ещё более красивым, ведь именно в глазах была вся её привлекательность. Она увидела, что князь Андрей не спит.

– Доброе утро, Андрей. Как вы себя чувствуете? – произнесла княжна, пытаясь не зевнуть. Она рукой аккуратно потрогала его лоб и подметила, что сегодня жар был чуть меньше.

– Доброе, Дарья. Немного лучше, чем вчера.

– Это очень хорошо, – Дарья, устало вздохнув и зажмурившись, приложила пальцы к своему левому виску, который в один момент пронзила дикая боль, и слегка потёрла его.

– У вас голова болит? – тихо спросил князь Андрей.

– Немного... Но ничего страшного, скоро пройдёт, не волнуйтесь только.

– Сколько сейчас времени?

– Четыре утра, кажется.

– А что будет пол пятого? – этот самый вопрос Андрей хотел задать ещё вчера.

– Мы едем с вами в Петербург, там вас поставят на ноги.

– Вы точно уверены в этом?

– Да, Андрей, – княжна Дарья закрыла глаза, но открыла их вновь, – я сделаю всё для этого, ибо я потеряла всех, не могу потерять и вас, – она взглянула на него. – Неужели вы не хотите жить?

– Я люблю жизнь и люблю вас, Даша, а ваша любовь придаёт мне сил, даёт моей жизни смысл, я знаю зачем мне стоит жить дальше – жить ради вас, – он слегка улыбнулся.

– Тогда давайте, я позову доктора, он сменит повязку на вашей ране, и мы отправимся, княжна Марья нас, наверное, уже ждёт.

Князь Андрей кивнул. Дарья вышла из комнаты, но скоро вернулась, а за ней и доктор.

– Дарья Алексеевна, выйдете пока, дабы избежать всяческих неприятных ситуаций, – произнёс доктор.

– Нет, я останусь здесь.

– Сначала «останусь», а потом падаете в обмороки.

– Я не боюсь вида крови. Я останусь здесь, – твёрдо произнесла Кибаква и вскинула голову.

– Ваша воля, – ответил доктор, разматывая бинты на животе князя Андрея.

Княжна Дарья позднее пожалела о том, что осталась там – ей стало дурно, она отвернулась и, подойдя к окну, расстегнула у платья воротник, закрывавший её тонкую бледную шею. Не от вида крови стало нехорошо ей, а дело всё в том, что Дарья своими глазами увидела, какая большая и страшная рана была на его теле, и какую боль он чувствует каждую секунду, она ощутила эту боль душевно, так горько стало ей и так жаль князя Андрея. Княжна хотела выйти, но не стала делать этого, ибо не хотела показывать свою слабость. Она дождалась, пока доктор перевяжет рану и уйдёт, и подошла к князю.

– Невыносимо... – устало произнёс князь Андрей, глядя на Дарью. – Вам, наверное, стоило выйти, – сказал он, заметив, что она сильно побледнела.

– Ничего страшного, – она, с шумом, сглотнула. – Вы готовы ехать?

– Вы же едете со мной?

– Конечно, я вас не оставлю, Андрей.

– Тогда я готов.

Княжна Дарья вышла из избы и сказала военным, дабы они перенесли Болконского в коляску, далее подошла к повозке, в которой должна была ехать сама вместе с княжной Марьей и сыном князя Андрея, который уже сидел там.

– Всё готово? – спросила она у слуг.

– Да, Ваше сиятельство, дождёмся Марию Николаевну и можем ехать.

Дарья села в повозку рядом с мальчиком.

– Кто вы? Где тётушка Marie? – по-детски пронзительно произнёс Николенька Болконский.

– Я Дарья Алексеевна, а княжна Марья сейчас придёт. Иди ко мне пока,

Николай, я не причиню тебе зла, – она легонько обняла мальчика. Он взглянул Дарье прямо в глаза, в которые глядел минуты так две, потом придвинулся к ней и уткнулся ей в бок своей головой.

Подошла княжна Марья и села рядом с Николушкой с другой стороны.

– Ну всё, Дарья Алексеевна, можем ехать.

– Можно просто Дарья, без отчества.

– Тогда и я просто Марья, – она чуть привстала и крикнула: – Тихон, трогай!

Так началась их нелёгкая дорога в Петербург, они редко останавливались и не ночевали совсем, а через два дня уже прибыли в столицу. Князя Андрея отвезли в городской госпиталь, местные лекари вылечить не пообещали, но сказали, что сделают всё возможное.

***

Марья и Дарья на несколько дней сняли в Петербурге квартиру.

Уже был вечер, на улице пасмурно и прохладно, дождя

не было, начинало темнеть. Княжны и Николай поднялись в комнату, пока слуги разбирались с вещами.

– Николенька, ты будешь ужинать? – спросила княжна Марья, садясь в кресло.

– Я не хочу, – ответил он, прижался к Дарье, которая стояла рядом, задрал голову к ней и прошептал: – А с папенькой всё будет хорошо?

Кобакова взяла его за руку, присела рядом с Марьей и ласково произнесла: – Да, Николенька, с ним всё будет хорошо, – она с любовью обняла его и поцеловала в макушку.

– Тогда тебе уже пора спать, ежели не будешь есть, – княжна Марья погладила племянника по плечу. После его забрала служанка и увела в его комнату.

– Darie, а вы ужинать будете?

– Пожалуй, откажусь, я не голодна, а вот чаю с удовольствием выпила бы, – произнесла она, легонько потирая пальцами висок, который мучительно болел вот уже который день.

– Тогда я скажу слугам, пускай принесут чай, – Марья встала и вышла из комнаты.

Княжна Дарья тоже встала, но подошла к окну. Она прислонилась щекой к холодному стеклу и устремила взгляд на улицу, где лил дождь. Слеза медленно побежала по её щеке. Дарья закрыла глаза и костяшками пальцев стёрла эту предательскую слезу.

«Природа – даже она плачет... А ты не должна плакать,

Дарья, ты не можешь сдать, ведь Андрей живёт только ради тебя, а ежели ты не будешь верить в его выздоровление, то остальные (в том числе он сам) и подавно. А война ведь даже не закончилась ещё... А князь Андрей будет жить и я в это верю. Хотя кажется, что я уже ни во что не верю, но я должна верить, ибо некому больше. Испытание это, видно. Для него испытание... Хотя нет, больше всё-таки для меня. Да, для меня, но мы всё пройдем обязательно», – думала княжна Дарья.

«Дарья!» – слышала она где-то далеко, будто кто-то звал её. Княжна вспомнила, что она в комнате и почувствовала, как кто-то тряс её за плечо. Дарья открыла глаза и обернулась, перед ней была Марья Болконская, которая с изумлением глядела на неё.

– Всё хорошо? – с беспокойством произнесла она.

– Да, я просто задумалась, – Кибаква чуть пошатнулась, отчего схватилась за штору, дабы не упасть.

– Там чай принесли, идёмте, – княжна Марья взяла её под руку и довела до кресла, а сама присела напротив.

– Знаете, Дарья, я подумала, что нам с вами стоит друг к другу обращаться на «ты», нам ведь очень долго вместе придётся быть, – произнесла Марья, взяв чашку с чаем.

– Я тоже думала об этом, Marie, мы ведь сейчас молимся за жизнь одного человека, тебе он брат, а мне... Неважно, – она осторожно отхлебнула чаю.

– Здесь мы на два дня, а где мы жить будем потом... Бо-

гучарово далеко отсюда, да и его сожгли французы, но после войны мы займёмся восстановлением. А Лысые горы тоже далеко.

– У моего брата – князя Михаила, в Бологом, от Петербурга это не так далеко.

– А он примет нас?

– У него нет иного выхода, ибо я могу припомнить ему некоторые вещи... – Дарья вновь сделала глоток чаю, на этот раз большой и обжигающий горло. – А по поводу Богучарово, я могу помочь и отправить своих крестьян. Всё равно я имение продаю...

– Наши крестьяне так и остались там все... Со мною только две служанки, да Тихон, который ещё отцу служил.

– Я напишу Василию Ивановичу, он у меня в деревне над крестьянами главный, он всех ваших соберёт и временно отведёт в Бологое, ответственный очень человек.

– Было бы очень хорошо.

– Варенька, бумагу и чернила неси!

Крестьянка быстро принесла всё, а княжна Дарья принялась писать письмо вместе с княжной Марьей.

«Василій Ивановичъ, здравствуй. Ъсть очень отвѣтственное дѣло, поручаю его Тебѣ. Для начала, скажи Катерине, дабы она собрала всѣ мои вещи, имѣніе должно остаться пустымъ, далѣе дабы отвела всѣхъ моихъ крестьянъ (одна тысяча душъ) въ Бологое къ князю Михаилу. Самъ же бери кого-нибудь изъ деревни въ помощь и поѣзжай въ Богучаро-

во, да собери всѣхъ въ одно крестьянъ Болконскихъ (также одна тысяча душъ) и отведи ихъ въ Бологое. Важно, сообщи имъ, что они остаются въ собственности Болконскихъ, кто не пойдетъ – не принуждай, таковъ наказъ Марьи Николаевны Болконской. Князь Михаилъ обо всѣмъ будетъ извѣщенъ. На письмѣ печать моя и княжны Марьи, ежели нужно будетъ, покажи сіе письмо имъ – богучаровскимъ крестьянамъ, въ качествѣ удостовѣренія. Таковъ мой приказъ, исполни въ кратчайшія сроки.

Княжна Дарья Алексѣевна Кибакова»

И ещё одно письмо, уже князю Михаилу:

«Здравствуй, братъ мой, Михаилъ. Извѣщаю Тебя, что черезъ пару дней къ

Тебѣ должна пріѣхать Катерина съ моими крестьянами, размѣсти ихъ всѣхъ въ Бологомъ. Я продаю свое имѣніе, ибо денегъ у меня болѣе не осталось. Позже прибудетъ Василій Ивановичъ съ богучаровскими крестьянами, ихъ тоже размѣсти въ деревнѣ. Черезъ три дня пріѣду я сама вмѣстѣ съ Марьей

Николаевной Болконской и сыномъ ея брата Андрея Николаевича Болконского. Прошу временно принять насъ въ своемъ домѣ, пока не закончится война.

Твоя сестра, княжна Дарья»

Письма княжна отдала Варваре, дабы та отнесла гонцам. После чего княжны разошлись по своимъ комнатамъ. Марья уснула быстро, Дарья же вновь не спала, а всю ночь молилась

у красного уголка за здоровье князя Андрея. Вот уже третью ночь княжна Дарья не смыкала глаз и утром была совсем никакая, после стольких бессонных ночей она даже не была похожа на себя: её и без того тонкие губы казались ещё тоньше, бледные щёки были ещё более бледны, глаза покраснели, веки опухли, а руки тряслись. Каким-то чудом она при всём своём состоянии сохраняла здравый рассудок и сдерживала все свои чувства.

Утром княжна Марья направилась к Кибаковой, дабы уточнить что-то по крестьянскому вопросу. Та стояла у окна и даже не заметила, как Марья вошла. – Доброе утро, Дарья. Я хотела спросить кое-что по поводу крестьян, – произнесла она. На это княжна Дарья не ответила ничего, она не слышала её и не видела. Княжна Марья подошла ближе и молвила: – Дарьюшка, что с тобой?

Дарья каким-то затуманенным взглядом взглянула на неё, тут же голова её закружилась, в глазах потемнело, а ноги подкосились – силы окончательно покинули её тело, и она потеряла сознание, упав на руки Марьи.

Через какое-то время княжна Дарья очнулась на кровати. Она чувствовала сильную слабость во всём теле, а ещё то, что у неё очень болит голова. Около неё была Варя, которая, заметив, что её госпожа пришла в себя, сразу спросила: – Дарья Алексеевна, чего-нибудь изволите?

– Принеси мне чаю, по-горячее.

– Как прикажете, сударыня, – крестьянка поклонилась и

ушла.

Дарья села на кровати, она глубоко вздохнула и, всхлипнув, закрыла лицо руками. Кибаклова, сама даже не осознавая, наконец дала волю слезам, которые долго сдерживала. Княжна Дарья больше не всхлипывала, а просто тихо плакала, отчего плакала – сама не знала, но было это от бессилья, ведь для князя Андрея она сделала всё, что могла, а дальше нужно было лишь надеяться на помощь Бога. В одном момент княжна опомнилась, что же она вообще делает – зачем плачет? Она вскочила с кровати, взяла платок и стёрла все слёзы. Конечно, ей стало легче от этого, тем не менее, в душе её всё равно было какое-то чувство опустошённости и покинутости.

Вошла Варя. Поставив чай на стол, она вновь вышла. Дарья подошла к столу, взяла чай и опустилась на кресло, она обхватила кружку обеими руками и, глядя в пустоту, начала пить маленькими глотками горячий чай. После княжна подошла к окну, распахнула его створку и вдохнула сырой осенний воздух. Отчего-то ей резко и невыносимо захотелось спать. Княжна Дарья закрыла окно и задёрнула его плотными шторами, после чего присела на кровать, прислонила голову к прохладной стене так, что почти не чувствовала боли, и закрыла глаза. Так она и заснула.

Проснулась Дарья на другое утро, уже лёжа на кровати. Она оглядела комнату, напротив неё на большом деревянном сундуке сидел Николенька, он с улыбкой глядел на неё.

– Николенька?.. – она, удивлённо глядя на него, чуть приподнялась на кровати. – А где княжна Марья?

– Тётушка уехала по делам, – Николай вновь улыбнулся.

– Улыбаешься прямо как князь Андрей. До чего же ты похож на него... – произнесла Дарья, с тоскою, взглянув на мальчика. Он и правда был весьма похож на своего отца – улыбался также, да и глаза его были такие же ясные, серо-голубые.

– Вы только не переживайте, папенька обязательно поправится, – Николушка слез с сундука, подошёл к Дарье и обнял её. – Я мало знаю вас, но думаю, что вы очень хорошая, ведь тётушка о вас хорошо думает и папенька тоже. Вы ведь с нами будете жить?

– Я не знаю, Николенька... Но пока князь Андрей не выздоровеет – да, – она обняла его в ответ.

Послышался стук в дверь, в комнату вошла Варя.

– Что-то случилось?

– Марья Николаевна приехала, она хочет сообщить вам что-то очень важное.

– Я сейчас приду, – княжна встала и вышла из комнаты.

Всяческие нехорошие мысли посетили её сознание.

– Что ты хотела мне сказать? – она подошла к Марье.

– Я в больницу ездила. Андрей пришёл в себя после операции.

– Господи, благодарю тебя... – Дарья, глотая наворачнувшиеся слёзы, глубоко вздохнула. – Когда к нему можно будет?

– Пока нельзя, но и потом, сказали, что пустят только меня... – княжна Марья подошла к ней и обняла. – Главное не отчаивайся, его ведь выпишут через пару месяцев.

– Значит, мы можем ехать в Бологое.

На следующий день они выехали в Бологое, где пробыли до конца войны (до декабря), после княжна Дарья отправила крестьян в Богучарово, приводить в порядок деревню. Князя Андрея восстанавливаться отправили за границу на полгода, с ним поехала Марья, а Дарья с Николенькой остались в Богучарово. Но уже через два месяца Болконские вернулись в Россию.

Часть II. Глава X.

***

Дело было в самом начале весны, когда княжна Дарья получила от князя Михаила письмо:

«Bonjour, ma Sœur, princesse Darie, je suis désolé si je distrait de quelque chose, mais il y a une affaire très urgente pour vous. Il y a quelques jours, j'ai reçu une lettre de notre frère, le prince Alexandre, déclarant que notre autre frère, le prince Nikolas, alors qu'il se trouvait dans la province de Novgorod, avait commis des actes illégaux et avait été arrêté, c'est pourquoi j'ai été forcé d'agir encore plus illégalement – pour donner un pot-de-vin, mais ce n'est pas si mal. Ch. l'essentiel de cela est que cette personne a demandé plus d'argent, sinon il le remettra pour

les précédents, ainsi que pour les actuels. Nikolas n'avait plus d'argent, il a écrit à Alexandre, et il m'a écrit, en fait, je t'écris, Darie, parce que sans vous, le problème ne peut être résolu. Je comprends que tout dans votre vie est très difficile maintenant, mais s'il vous plaît, ayez pitié de votre frère, vous êtes très gentil. Je vous attends dans quelques jours à Bologom.

Ваш брат, Мичел Кибакoв»[22]

Она, разумеется, не хотела никуда ехать, ибо она не могла оставить Андрея, который ещё не до конца оправился после тяжёлого ранения и нуждался в её заботе и поддержке. Князь Андрей случайно нашёл на столе это самое письмо и попросил княжну поехать, ибо всё ж таки её просит брат, а с ним самим ничего страшного не случится, ведь рядом княжна Марья. Дарья нехотя, но всё же согласилась и пятнадцатого марта выехала из Богучарово в Новгородскую губернию, куда прибыла поздним вечером восемнадцатого числа, а уже только на следующий день встретилась с братом Михаилом.

При встрече княжна не расщедрилась на тёплые приветствия с обниманиями и не заваливала князя вопросами о Николае, а сразу же, отстранившись в ответ на его приём и сложив руки на груди, с укором в тоне, задала лишь один вопрос: – Знаешь, я всегда хотела спросить, почему все вы всегда обращаетесь ко мне со своими проблемами?

– А к кому же ещё? Ты ведь старшая.

– А сами? Почему слабая женщина должна решать ваши вопросы? Ты до свадьбы имел дело с женщиной и пришёл

ко мне, когда она оказалась беременна. Сейчас проблемы у Николая, а я вновь должна решать... Говорила мне матушка, что я слишком добра.

– Не начинай. Лучше идём, Александр ждёт.

Встреча с братом Александром была весьма интересной, ибо старшая сестра и младший брат встретились впервые за восемнадцать лет, отчего Михаил первым подошёл к брату и пожал его руку.

– Здравствуй, Александр. Как давно мы не виделись, года два, наверное.

Двадцатиоднолетний князь Александр Алексеевич Кибакков был весьма красивым молодым человеком среднего роста, ниже князя Михаила, но гораздо выше княжны Дарьи; черты лица его были мягкие, волосы тёмно-русого, почти чёрного, цвета, а глаза серые, с зеленоватым оттенком, – живые и горящие любовью к жизни, не омрачённые разочарованием и печалью.

– Здравствуй, Михаил. Да, жаль, что сейчас встретились при таких обстоятельствах...

– Ммм... Да, бывают неприятные моменты.

– Здравствуйте... А вы... – Александр обратился к княжне и неуверенно поцеловал её руку в зелёной бархатной перчатке. Он, естественно, не узнал темноволосую даму небольшого роста, которая была его старшей сестрой.

– Княжна Дарья.

– Ах, Дарья Алексеевна, это вы, сестра... Простите, я не

узнал вас, – он пришёл в лёгкое замешательство.

– Ничего страшного, – уверенно произнесла княжна, – мы ведь последний раз виделись восемнадцать лет назад.

– Что ж, ладно, пойдёмте к Николаю, может быть у вас получится поговорить с ним, меня он не воспринимает всерьёз, – князь указал на дверь рядом и пропустил брата с сестрой вперёд.

Они втроём вошли в какое-то небольшое помещение, освещённое свечами, окна там были задёрнуты плотными бордовыми шторами. По среди комнаты стоял круглый стол и два кресла возле него, в одном из них, развалившись и с пустым бокалом в руках, сидел двадцатипятилетний светловолосый мужчина, весьма симпатичный, но видно, что очень наглый и грубый. Это был Николай Алексеевич Кибаков.

– Михаил! Сто лет тебя не видел, frègè[23]! – радостно, то ли искренне, то ли нет, воскликнул он, поставив бокал на стол.

– Здравствуй, – сухо, даже немного с раздражением, отозвался тот.

– Ба! Какие люди! Sœug[24] пожаловала! – ещё громче, с уже явно поддельным восторгом, вскричал Николай и, чуть покачнувшись, вскочил с места. – Вот уж не думал, что я, простой смертный, достоин внимания Императрицы всего мира!

Дарья, хоть и с трудом, сдержала себя и промолчала.

– Что ты вытворил? – Михаил подошёл к брату ближе и

взглянул ему прямо в глаза.

– Я вытворил? – с иронией, ответил он и сразу отвел глаза. – Эта сволочь – Авдейка, все ж деньги с меня вытрепал, ещё и сдать за что-то обещал.

– Да сдать бы вот тебя, дабы высекли плетьюми-то, может быть в ум войдёшь наконец, – укоризненно проговорила княжна.

В ответ на это Николай только сморщился и попытался выразить безразличие, якобы он этого не слышал.

– Кто он таков?

– Да купец местный, тот ещё бандит.

– На чём же тебя поймал этот самый, как ты говоришь, «бандит»?

– Оклеветал меня он! Оклеветал, мерзавец, – резко и ещё больше мешкаясь, запротестовал тот, глаза его забегали.

– А может не оклеветал? – вновь вмешалась княжна Дарья.

– Не влезай, когда не спрашивают! – злостно вскричал Николай, сжав кулаки от злости.

– Слушай, имей уважение, дама всё ж таки и сестра твоя старшая, – в голосе старшего брата начала сильнее чувствоваться неприязнь. Даже он на дух не переносил его.

Князь Николай зло усмехнулся и саркастично проговорил:

– Сестра? На кой она мне эта твоя сестра, какая польза от неё.

– А от тебя много пользы? – княжна вмешалась в третий раз и вскочила с места. Ежели до этого она говорила спокойно и, как обычно, снисходительно, то это проговорила с нескрываемой ненавистью.

– Так, так, тихо, оба! – воскликнул князь Михаил и, встав между ними, перекрыл обоим дорогу друг к другу. – Не переходим на личности, мы все люди культурные, дворяне всё ж таки, да и мы сюда приехали дабы вопрос решать, а не ругаться. – он вновь повернулся к брату. – Где этого купца найти?

– А я почём знаю? Он сам меня находит, – Николай некрасиво поддельно улыбнулся. – Спросите у знающих, мол, где купец Авдей Михайлович.

– А ты проспись! – Михаил хлопнул по его плечу и отвернулся.

– Он не пьян, а просто нагло издевается над нами, – Дарья встала с места и вышла оттуда.

На следующий день князь Михаил отправился искать того купца, ему дали адрес, куда они вместе с сестрой поехали двадцать первого марта.

Разговаривать князь пошёл сам, а сестру оставил за дверью, точнее она сама осталась там.

– Здравствуйте, Авдей Михайлович, – вежливо произнёс он, войдя в помещение.

– Здравствуйте. Кто вы будете? Чем обязан? – быстро, грубым голосом, проговорил Авдей Михайлович. Купец этот

был человек лет сорока, сравнительно небольшого роста, чуть полноватый, лицо его было каким-то смешным – с кривой улыбкой и бегающими серыми глазами. Видно, что его грозный голос совершенно не сочетался с его нелепой внешностью.

– Я князь Михаил Алексеевич Кобаков.

– Кобаков? – бегающие глаза купца сразу загорелись интересом. Он подбежал к князю и стал, с любопытством, его разглядывать. – Уж не родственник ли Николки Кобакова?

– Да, Николай мой младший брат, – ответил Михаил. Ему стало немного не по себе оттого, что его так пристально рассматривали.

– Просить небось приехали, сударь? Нет, нет, и не думайте!

– Сколько вы хотите?

– Двадцать тысяч рублей. Торг на этом окончен, – отрезал он и отвернулся.

– Чего же он такого натворил, что вы просите такие деньги за его «укрывательство»?

– Вы даже не в курсе, каков ваш брат?! Да ежели б вы знали только! – во весь голос, вскричал Авдей Михайлович и резко повернулся; его смешное лицо приняло злой вид. – Он, между прочим, чуть не убил человека, сильно покалечил его, что тот до сих пор оправиться не может. А как он над крестьянами издевается! Ещё и одному графу, такому же, проиграл в карты десять тысяч. Известный гуляка под Новгородом.

дом ваш брат, знайте это! А ежели мне не верите, спросите у кого угодно, все знают это!

– Хорошо... До свидания, – проговорил князь Михаил и вышел. Сейчас ему было очень стыдно, за Николая и за то, что он его брат. – Ммм... Тут такое дело... – начал он оправдываться перед княжной, когда увидел её.

– Я всё слышала, – с разочарованием, ответила она. – И это мой брат... – княжна Дарья дёрнулась от его руки, которую брат положил на её плечо, и, резко развернувшись, быстро, словно молния, рванула оттуда. Михаилу ничего не оставалось, как только бежать за ней. До дома Николая было недалеко, Дарья стремительно направлялась именно туда. По дороге княжна где-то прихватила кнут и, вбежав в дом, а следом в комнату Николая, со всей силы и с ненавистью, ударила его кнутом.

– Мерзавец!

– Эй! Ты чего! – тот, с ужасом, увернулся от второго удара.

– Даге, ты что творишь? – воскликнул Михаил, который только догнал сестру.

– Не лезь, – грубо ответила ему княжна Дарья и уже обратилась к Николаю: – Высечь бы тебя плетьюми, да прилюдно! Знаю я про твои делишки! Человека изувечил! Над крестьянами издеваешься! Ещё и в карты проиграл такие деньги! Гуляка! Позорник! Позоришь великую княжескую фамилию Кобаковых! Отцу было бы очень стыдно за тебя! А мать, разве она таким тебя растила? Она считала тебя достойным че-

ловеком.

– Да ты на себя посмотри. Хватит меня бить! – он перехватил кнут из её рук и отбросил в сторону. – Ты же просто надменная и жестокая эгоистка. Ещё все удивляются, что ты до сих пор не замужем, а чего удивляться, ведь кто ж такую тварь-то потерпит? А годы-то идут, сестричка, чай не молодеешь, так и останешься в старости одна, хотя ты уже одна и не нужна никому. Так тебе и надо!

С каждым его словом в сердце Дарьи будто втыкали по иголке, ибо Николай задел её за самое больное. Она, отвернувшись и не сказав ни слова, выбежала оттуда в свою комнату. Княжна упала на колени и закрыла лицо руками, ей хотелось не просто плакать, а громко кричать и бежать куда-то или просто сгинуть в небытие, дабы её никто не нашёл, но она даже не плакала, а от злости царапала ногтями свои бледные щёки.

«Он прав... Прав! Кто меня потерпит?» – думала она. «Князь Андрей...» – княжна Дарья резко вскочила и поглядела на себя в зеркало. Щёки её побелели, на них были видны свежие красные царапины; глаза её отчего-то покраснели, хотя она не плакала. «Ах, как я хочу его видеть! А у меня ведь день рождения сегодня, тридцать лет мне уже. Не молодею ведь...» – княжна отвернулась от зеркала и опустилась на диван. По её щеке побежала одна слеза, а за ней ещё.

В комнату тихо вошла Катерина, она присела рядом со своей госпожой и, чуть приобняв её, мягко молвила:

– Дарья Алексеевна, милая госпожа моя, Николай Алексеевич ведь не прав, уж я-то точно знаю, какая вы добрая. Ведь, ежели бы не вы тогда, десять лет назад, уж и не знаю, что и было бы со мною. А Андрей Николаевич? Он только благодаря вам выздоровел. Князь ведь так любит вас, и я уверена, что он очень тоскует по вам сейчас.

– Ты что-то хотела? – недовольно отозвалась княжна Дарья.

– Да вот, Ваше сиятельство, Александр Алексеевич там пришёл к вам. Я ему сказала, что вы не можете принять, но он настаивал.

– Пущай войдёт, – ответила Дарья. Она встала, стёрла слёзы, поправила сбившиеся волосы и повернулась к двери.

Катя весьма скоро вышла, а князь Александр вошёл. Он сразу подошёл к ней и, осторожно поцеловав её руку, произнёс:

– Darie, извините, ежели потревожил, но Николай не прав, посему не расстраивайтесь сильно – не принимайте его слова близко к сердцу.

– Нет, в чём-то он прав... Я не держу зла на него, ибо на правду не обижаются, – княжна выдернула свою маленькую руку из рук брата и отвернулась. – И не нужно жалеть меня, ни в коем случае.

– Каким бы ни был человек, он достоин любви, и даже такой, как Николай, а как вы тем более.

– Ты прав, каждый достоин любви, – она, тяжело вздох-

нув, повернулась к Александру. – Я хотела спросить, а отчего ты всегда ко мне на «вы» обращаешься?

– Извините, но мне неловко обращаться к вам на «ты», княжна, мы с вами мало знакомы, а я весьма уважаю вас, вы ведь намного старше меня.

– К сожалению да... Я не видела тебя с того самого момента, как наши родители перестали жить вместе, мне тогда было двенадцать, а сейчас уже тридцать, – Дарья пристально взглянула на младшего брата и, с каким-то разочарованием, но в то же время с гордостью, добавила: – Как же ты на отца нашего похож...

– Я почти не помню его, мать не говорила о нём, но когда я жил у брата Михаила, он много рассказывал мне про отца.

– Майор значит ты... – княжна Дарья натянуто улыбнулась и взглянула на погоны, на его плечах. – Небось в войне участвовал?

– Да, в этой войне, что была в прошлом году, вот и дослужился до майора.

– Молодец какой... А ты знаешь полковника князя Болконского?

– Андрея Николаевича? Как же не знать! Командир наш, я ведь в его полку служил. Этакий командир, да прирождённый! Все в полку его весьма уважали. Я всегда восхищался им – прекрасный командир и такой человек, герой ведь! Только вот под Бородино его очень тяжело ранило, сказали, что безнадежно... Правда меня перевели в другой полк, по-

сему я и не знаю, выжил тогда наш князь али нет. Жаль, конечно, ежели нет, хороший человек ведь...

– Выжил. Только не спрашивай ничего, пожалуйста, – с горечью, проговорила Дарья.

– Правда? Это очень хорошо, что он жив, такие люди, как он, должны жить. Увидеть бы его, только я и не знаю, где он.

– Знаешь, Александр, у меня есть для тебя кое-что, – Дарья подошла к столу и достала из шкатулки серебряный ножик, с выгравированной на нём надписью – «Кибаковъ». Она, не глядя на Александра, с явным разочарованием, заговорила: – Мне от отца из наследства почти ничего не досталось, но я забрала его личные вещи, в том числе боевые награды. Но тебе, я знаю, не досталось совсем ничего. Я долго думала, кто из моих братьев самый достойный, ибо отец никому не передал этот фамильный нож, он сказал мне, что, когда его не станет, я должна буду решить, кому из вас троих это будет принадлежать. Я много лет думала и всё не могла решить, но сейчас я знаю, чей он будет, – княжна вновь повернулась к брату и протянула ему нож со словами: – Александр, милый, возьми, пожалуйста, ты, как никто, достоин этого. Отец был бы очень доволен тобою, он бы точно тобою гордился.

– Спасибо вам, сестра, – князь аккуратно взял ножик и вновь поцеловал руку сестры. – И вы поверьте мне, вы достойны счастья и обязательно будете счастливы.

– Для меня большое счастье иметь такого брата, как ты. «Chère petite Sachenka»[25] – так ведь говорила наша мать...

***

Мы всё о Дарье, да о Дарье, а что же с князем Андреем, который восстанавливался после тяжёлого ранения?

Прошёл почти месяц с момента отъезда княжны Дарьи. В Богучарово за это время мало что изменилось, за исключением душевного состояния его хозяев. Николеньке очень не хватало её, и, почти с самого дня отъезда Кибаковой, он каждый день спрашивал про неё у Марьи. Самой княжне Марье также не хватало её рядом. Тяжелее всего было князю Андрею, всяческие мысли терзали его сердце. Первую неделю всё было хорошо, вторую тоже более-менее, за исключением того, что Андрей стал скучать по Дарье, а вот в третью и четвёртую уже появились всяческие нехорошие мысли.

В один из (уже апрельских) холодных и тёмных вечеров, князь Андрей, при тусклом сиянии свечей, сидел один в своей комнате и, глядя в одну точку, размышлял: «Отчего мне так одиноко? Я ведь не один, со мною сын и сестра, но нет её... Когда Дарья уже вернётся? Отчего её так долго нет? Видно, у её брата какие-то серьёзные проблемы... А вдруг что-то случилось, а я и не знаю? А ежели она меня бросила? Нет! Нет, она не могла, а коли в самом деле что-то случилось?..»

– André, можно к тебе? – мягко произнесла княжна Марья, выглядывая из-за двери, которую она чуть приоткрыла.

– Заходи, Marie, – ответил князь, устало вздохнув. Он вырвался из своих горьких мыслей и приготовился разговари-

вать с сестрой, несмотря на полное отсутствие желания вообще вести диалог с кем-либо.

В комнату вошла Марья, вместе с семилетним Николенькой.

– Извини, ежели мы тебя побеспокоили, но он очень хотел тебя видеть.

– Ничего страшного, – князь Андрей одобрительно кивнул, – иди сюда, сынок.

Николай подошёл к дивану, сел рядом с отцом и уткнулся головой в его правый бок, что доставило князю Андрею небольшую боль в животе, о которой он, разумеется, не сказал, а только чуть приобнял Николеньку. Княжна же присела рядом с ними.

– Он по Дарье скучает, каждый день спрашивает о ней, – очень тихо произнесла она, положив голову на другое плечо брата.

– Как никто, понимаю его, Маша, – князь Андрей слабо улыбнулся и ласково погладил сына по голове.

Николушка приподнял голову, взглянул отцу в глаза и прошептал: – Она скоро вернётся. Я знаю, что вернётся, – мальчик вновь опустил голову.

Хорошо было сейчас, все родные были рядом, не хватало лишь самого важного для князя Андрея человека – Дарьи.

***

Дела уладились только больше, чем через две недели. Княжна Дарья выделила деньги, дабы человека, избитого

князем Николаем, вылечили и лично выплатила ему ещё за вред. Князь Михаил же оплатил карточные долги брата и договорился с купцом за тридцать тысяч рублей, дабы тот оставил его в покое. Дарья всё же настояла на том, дабы Николая наказали. Далее она не стала разбираться, а уже седьмого апреля выехала и добралась до Богучарово только поздно вечером одиннадцатого числа.

Уже окончательно стемнело и деревню полностью окутал мрак. Днём было довольно тепло, но, когда солнце опустилось за горизонт, стало весьма холодно.

Кибаква попросила слуг остановить повозку прямо у входа в имение. Княжна Дарья вышла и, можно сказать, вбежала в дом. Она сразу же направилась в гостиную, где, печально глядя в окно, сидела Марья.

– Милая Марьюшка, здравствуй. Как же я рада тебя видеть! – Дарья подбежала к сестре Андрея и крепко обняла её.

– Ах! *Darie! Ma cheré*[26], наконец-то ты вернулась, – Марья обняла её в ответ. – Как там дела с твоим братом?

– ...мы всё решили, – с небольшой досадой, ответила она, опустив взгляд. – Лучше скажи, как там князь Андрей? Ему лучше за это время?

Княжна Марья отрицательно покачала головой и тихо произнесла:

– Изменений с твоего отъезда не было. Мой брат очень тосковал по тебе...

– Где же он? Я очень хочу видеть его! – с нетерпением,

воскликнула Кибакова. Сердце её трепетало от волнения, ей ужасно хотелось видеть князя Андрея.

– Почивать[27] лёг Андрей. Он сегодня нехорошо себя чувствовал.

– Что-то серьёзное?

– Не волнуйся только, ma cheré Дарьюшка. Его просто ранение вновь забеспокоило... – Болконская тяжело вздохнула. – Я дала ему отвар, который снимает боль, после чего он уснул.

– Дарья Алексеевна, вы приехали наконец! Я так ждал вас! – кричал на весь дом Николушка и бежал к ней.

– Ах, Николенька, милый... Как я соскучилась по тебе! – она нагнулась к мальчику и, с любовью, крепко заключила его в свои объятия.

– Я тоже скучал по вам, – он, своими маленькими ручонками, обнял княжну, – И мой батюшка по вам скучал очень. Ежели бы он только знал, что вы сегодня приедете, то ни за что на свете не пошёл бы спать!

– Ничего страшного, ведь Андрею Николаевичу нужно больше отдыхать, а завтра мы с ним увидимся, – говорила княжна и целовала Николая в лоб.

– Николенька, тебе тоже уже пора спать, – вмешалась Марья.

– Только ежели Дарья Алексеевна посидит со мною.

– Конечно, милый, только коли ты болтать не станешь со мною.

– Не стану! – громко сказал Николенька, а потом прошептал: – Я только один вопрос вам задам, весьма важный.

– Хорошо, пойдём, – она ласково улыбнулась, взяла мальчика за руку и повела его в комнату.

Наконец Дарья была «дома», а завтра, спустя почти месяц разлуки, она увидит князя Андрея, который больше всех ждал её.

Часть II. Глава XI.

***

Позднее утро, ближе к обеду. Погода была весьма тёплая, также солнечная. Деревья в богучаровском саду слегка покачивались от небольшого ветерка, нежные лепестки цветущей растительности были разбросаны природой повсюду, весь сад был заполнен цветами – они были и над головой, и под ногами. Болконский и Кибакова вместе гуляли по цветущему саду – княжна Дарья поддерживала под руку ослабевшего князя Андрея, которому после ранения было ещё тяжело ходить без чьей-либо помощи, к тому же площадь раны была большая и залевала даже часть правой ноги, отчего Андрей, когда ходил, немного прихрамывал.

«Наконец-то мы снова можем побыть наедине и погулять вместе», – восторженно произнесла княжна ещё в начале прогулки, в ответ на что Андрей, чуть улыбаясь, кивнул.

Сегодня утром князь был счастлив, когда после разлуки,

которая казалась вечной, увидел её и узнал, что она приехала ещё вчера вечером, когда он уже спал.

Андрей и Дарья, после его возвращения из-за границы и до её отъезда на целый месяц, часто гуляли вместе и обычно о чём-то беседовали, но сейчас между ними повисло какое-то неловкое молчание, никто из них не мог подобрать слов, дабы сказать друг другу. Они просто молча шли, княжна глядела вперёд и иногда поглядывала на князя Андрея, которого она, можно сказать, вела, крепко и осторожно, придерживая его за руку. Сам князь не поднимал своего взгляда с земли, он, с какой-то тоскою, глядел на перемешавшиеся между собой весенние цветы и осенние листья, что были под ногами его самого и его спутницы.

Кое-что со стороны князя Андрея до сих пор оставалось недосказанным и так продолжаться больше не могло. Хотя со стороны княжны тоже было что-то недосказано, что-то важное, но то, что она боялась сказать.

Весь сад был полностью окутан тишиной и покоем, который сейчас был так нужен гуляющей паре, – даже птицы не пели, лишь было слышно, как ветки деревьев чуть шевелятся от ветра и прошлогодняя листва шелестит под ногами. Через какое-то время князь Андрей наконец нарушил эту тишину.

– Даша, давай присядем, – тихо произнёс он, указывая на старую деревянную скамью, что была между двумя берёзками.

– Вновь больно? Ежели так, мы можем идти в дом, – с

беспокойством, произнесла княжна и, крепче сжав его руку, повела к скамейке.

– Всё хорошо, милая, я просто немного устал.

Вышли они не так уж и давно, но сейчас у князя совсем не было сил идти дальше, да и не очень-то и хотел он идти вообще, просто ему так хотелось побыть с Дарьей наедине, ибо он весьма соскучился, и наконец сказать ей то, что хотелось сказать ещё прошлым летом, когда князь осознал, что действительно любит княжну.

Присев на скамейку, рядом с княжной, князь Андрей осторожно провёл рукой по её мягким волосам и взглянул в её прекрасные, но пустые, глаза, которые были поглощены тёмной бездной и, казалось, безвозвратно затягивали в себя всё, словно беспощадная космическая чёрная дыра.

– Расскажи мне что-нибудь, сегодня ведь твоя очередь, – князь Андрей положил тёплую руку на плечо Дарье. Видеть, слышать, касаться и чувствовать её любовь – лишь то, что нужно было сейчас его душе, такой же искалеченной и измученной, как и у княжны.

– А, я и не знаю, что рассказать, mon cheré[28], – Дарья печально взглянула на него, отчего-то именно сейчас она действительно не знала, что сказать, ведь какая-то тоска овладела ею. Нет, Кибакова не волновалась и не боялась быть с Андреем наедине, а даже наоборот, получала от этого удовольствие, но сейчас она будто чувствовала, что какая-то мысль терзает его сердце, что что-то он хочет ей сказать. А ещё

больше Дарью беспокоило то, что вчера перед сном ей сказал Николенька, ей хотелось рассказать это князю Андрею, но отчего-то она не решалась.

– Тебя что-то тревожит? – с беспокойством и пристально глядя на неё, спросил князь.

– Нет, всё хорошо, – чуть с надрывом, ответила княжна и смахнула слезу, но за ней покатались ещё несколько. При князе Андрее ей было труднее всего сдерживаться, как, собственно, и ему самому было труднее скрывать свои чувства от неё. Когда они были наедине, их души, как утренние цветы, раскрывались друг перед другом и будто сливались в одно целое.

– Не нужно плакать, я ведь рядом, – князь Андрей косячками пальцев аккуратно стёр слёзы с её бледного лица. – Улыбнись, от твоей улыбки мне становится лучше.

– Ради тебя я готова улыбаться хоть вечность, – Дарья, сквозь слёзы и пересиливая себя, улыбнулась. От улыбки, даже и такой натянутой, её лицо стало гораздо красивее.

– Даша, милая моя, – тихо произнёс князь, – я так люблю тебя, и как я счастлив сейчас рядом с тобой, – князь Андрей приблизился к ней. Он слышал биение её сердца и своего, которое так громко билось, что от волнения готово было выскочить из груди; внутри у него была прямо-таки буря эмоций и множество сомнений по поводу своего решения, – всё это рвало душу на части, но внешне князь Андрей вёл себя достаточно сдержанно и спокойно.

– Знаешь, я так скучала по тебе в этот месяц, очень часто вспоминала тебя, Андрюша, – такая форма имени, произнесённая ею, вызвала у князя слабую, какую-то болезненную, улыбку, ведь так его называла лишь покойная матушка, когда была жива, он был тогда совсем маленьким; а также иногда его так называла сестра Марья.

– Я тоже очень скучал, – произнёс князь Андрей, заведя руку за спину Дарьи и слегка придвинув её ближе к себе, затем он нагнулся к её уху и прошептал: – Но больше никто не помешает нам быть вместе.

Княжна Дарья хотела что-то ответить, но Андрей осторожно коснулся её тонких губ своими пересохшими губами, перекрыв все её слова поцелуем, таким каким-то лёгким и невинным, но в тоже время чуть опаляющим, в нём не было никакой горячей страсти, а была лишь нежная, но очень искренняя и тёплая, а самое главное крепкая любовь. До этого князь Андрей никогда не целовался с нею, оттого не думал, что её тонкие губы окажутся такими мягкими, нежными и чуть сладковатыми. Останавливаться совсем не хотелось. Болконский потянул руку, дабы расстегнуть воротник платья княжны, но сдержал себя, ведь неожиданно опомнился, что даже резко прервал этот завораживающий поцелуй.

– Я хочу, дабы обо мне заботилась не княжна Кибакова, а моя законная жена – княгиня Дарья Болконская, – это были те самые судьбоносные слова, который князь Андрей хотел сказать ей ещё очень давно и по поводу которых он терзался

всю прогулку.

– Я согласна, Андрей, – княжна Дарья слегка приобняла его. – Ты прав, всё будет хорошо, никто не помешает нам быть счастливыми.

Князь Андрей пребывал сейчас в каком-то весьма странном состоянии – разум его напрочь отказывался размышлять и анализировать, душа была переполнена счастьем, а в теле была лёгкая слабость. Он прислонился головой к плечу княжны и закрыл глаза.

– Только жить мы будем не здесь, а в Лысых горах – родовом имении рода Болконских, я жил там с рождения и до первого ранения, – тихо произнёс он.

– Хорошо, так даже лучше. Знаешь, я должна сказать тебе одну вещь... – княжна Дарья тоже решила сообщить, теперь уже своему жениху, кое-что важное, что также вызывало волнение и беспокойство в её душе. – Вчера вечером, когда я приехала, Николенька попросил меня побыть с ним и когда засыпал спросил у меня, может ли он называть меня матушкой.

– И что же ты ответила? – ещё тише, слегка хрипловато произнёс князь Андрей, чуть приоткрыв веки. Князь боялся именно отношения сына к Дарье, что они не поладят, хотя и знал, что всё то время, когда он находился на лечении, и к нему допускали только Марью, княжна Дарья по своей воле присматривала за Николаем, и он к ней весьма привязался, а также, когда княжна на месяц уехала, его сын спрашивал,

отчего её так долго нет.

– Я сказала, что люблю его так, будто он мой родной сын, но я не твоя жена, оттого не могу зваться его матерью, – княжна Дарья вдруг замолчала, будто не хотела говорить дальше.

Князь Андрей усмехнулся, вновь опустив веки, и подумал про себя: «Неужели разговор на этом и закончился?..»

Нервно сглотнув и сжав руку князя, Дарья всё-таки продолжила:

– А Николушка мне ответил, что я не ожидала услышать совсем... Он сказал, что будет очень ждать момента, когда ты, Андрей, женишься на мне, – она прислонилась своей головой к его голове и ласково поцеловала его в висок. – Он будет очень рад, когда узнает о нашем решении.

Эти слова уже заставили Болконского невольно улыбнуться, то ли от счастья, что Николай и его невеста друг другу как родные сын с матерью, то ли от забавности и неожиданности всей ситуации.

– Ты ведь любишь детей, и его ты полюбила, а он тебя в ответ. И ты просто не представляешь, Даша, как ты меня сейчас осчастливила этими словами!

Как никто в этой жизни, Андрей и Дарья понимали друг друга, и вот, после стольких страданий они наконец рядом, после стольких терзаний и долгого пути они наконец скрепят свою любовь перед Богом.

Князю Андрею было сейчас так хорошо, он чувствовал

душевное удовлетворение и спокойствие, ведь находился с любимым человеком, который всегда будет рядом, всегда поймёт и поддержит, – это его Даша и только его.

Княжна Дарья чувствовала ровно то же самое – это её Андрей и только её. Обоим хотелось растянуть этот миг на вечность.

Часть III. Глава XII.

***

Двадцать второго апреля 1813 года Андрей и Дарья обвенчались в церкви и сыграли свадьбу, торжество не было пышным, приглашены были лишь самые близкие.

Уже больше месяца прошло со дня венчания и свадьбы. Жизнь Болконских в Лысых горах шла медленно, своим чередом. Князь Андрей почти сразу после свадьбы ушёл в отставку из-за ранения и, ввиду этого, состояние здоровья, с правом носить в отставке военный мундир. Перевёлся он в гражданские чины и занимался делами, касающимися государства и военных. Княгиня Дарья занималась крестьянскими вопросами; явным примером, о котором знала вся деревня, было то, что после свадьбы первым делом она дала Катерине вольную, дабы у той далее была своя жизнь. Сам Андрей временами уезжал в Москву по государственным вопросам. В тот день он также был там и вернулся лишь к вечеру, когда уже чуть стемнело.

На небе не было ни облачка, отчего было весьма хорошо видно, как на небосклон постепенно выползали тусклые звёзды. Лысые горы укутались в оранжево-лиловые отсветы заходящего солнца, которое уже не было видно, лишь облака со стороны запада пылали розовым цветом. Дарья в это время в полутьме, так как окна выходили на восток, при блёклом сиянии свечи, сидела в комнате одна и читала книгу. Вошёл князь Андрей, ничего не сказав ей, будто и вовсе не заметил её.

– Андрей, что-то случилось? – произнесла княгиня, заметив, что что-то не так. Она двумя пальцами погасила свечу и отложила чтение.

– Ничего, *ma chérie*, – без эмоций в голосе, ответил он.

Княгиня Дарья встала со своего места, подошла к князю, уложила свои руки ему на плечи и тихо молвила:

– А теперь успокойся и расскажи, что произошло.

Князь Андрей облегчённо выдохнул.

– Я очень устал сегодня, но, ежели ты хочешь знать, говорили мы о крестьянском вопросе, а Пьер ввязался в перепалку с князем Меншиным... – начал он, но она приложила палец к его губам и перебила:

– Не продолжай, вопрос крестьян решим вместе. Не сейчас только, – княгиня сделала паузу и продолжила уже иным, более мягким, тоном: – Андрюшенька, разве ты забыл, что тебе нельзя волноваться? И года ведь не прошло с момента ранения.

– Как же мне волноваться, коли у меня такая жена? – князь Андрей снял с рук белые перчатки и отбросил их в сторону, после, взяв Дарью за талию, притянул её к себе и, не дав ей ничего сказать, накрыл её мягкие губы нежным поцелуем.

– Льстишь, Андрей, – она, с хитрой улыбкой, медленно провела пальцем по бледной шее князя Андрея, а после начала расстёгивать пуговицы на его мундире, на что Андрей даже не сопротивлялся, ибо сегодня он вымотался не только физически, а также морально, и ему хотелось немного расслабиться, но опять же, князь держал себя в руках, не накидывался на неё и вообще не делал резких попыток в её сторону. Сама княгиня сегодня также хотела большего и знала, что её муж этого хотел, она решила помочь ему немного отдохнуть, оттого и притронулась к его пуговицам.

– Дарья Алексеевна, к чему мне льстить, ежели это правда? – князь аккуратно развязал ленточку на бежево-коричневом платье Дарьи и легонько сдёрнул его с неё, бросив на пол; далее, лёгкими движениями, развязал ленты на корсете и также снял его с неё. Осталась она в одной белой ночнушке, что в районе талии была подвязана тоненьким поясом.

– Ах, Андрей Николаевич, к чему эти формальности?

Князь Андрей улыбнулся, завёл руку княгине за спину и прижал её к себе, от неожиданности, она даже ахнула. Он нагнулся к её уху и прошептал: – Даша, душа моя, как же я счастлив рядом с тобой.

– Сегодня можешь вести себя не столь сдержанно, – сказав это, Дарья резко сдёрнула заколку, и роскошные, чуть волнистые, тёмно-русые волосы упали на её плечи. Князь, с восхищением, глядел на жену, его сдержанность стремительно ослабевала. Дарья развернулась и опустилась на кровать, схватив его за руку. Князь Андрей присел рядом и, чуть приобняв княгиню, аккуратно уложил её на подушку.

– Я надеюсь, никто не стоит под дверью и не подслушивает, – произнесла княгиня Дарья, обнимая князя обеими руками и прижимаясь к нему.

Прикосновения её горячих рук, от которых по всему его телу пробегала мелкая дрожь, уже доставляли князю Андрею удовольствие.

– Ежели и так, мы муж и жена, оттого имеем право и не от кого не прячемся.

– В таком случае, этот человек ужасный бесстыдник.

– На его совести, – князь Андрей, с волнением, сглотнул и, крепко взяв жену за талию и прижав её к спинке кровати, осторожно коснулся своими сухими прохладными губами её бледной щеки, а потом плеча, с которого сползла ночнушка. От каждого поцелуя, Дарья вздрагивала, ибо прикосновения его холодных уст сильно контрастировали с его тёплыми руками, сжимающими её талию. После этого со стороны Андрея следовали и другие, уже более откровенные, но всё-таки достаточно аккуратные действия. Его заботило не только собственное удовольствие, отчего князь в такие моменты

достаточно нежно обращался с княгиней. Сама Дарья также была с ним достаточно осторожна, ибо любые прикосновения к животу доставляли князю Андрею боль в ране, что уже зажила.

За дверью же в этот самый момент никто не стоял, а коли бы и стоял, то сразу же понял всё, что происходило далее; но мы не будем лезть в личное пространство Болконских, ведь и без того ясно, что там было, без чего не обходится ни одна супружеская пара. Впрочем, для обоих это закончилось непревзойдённым удовольствием.

Да простит меня за всё это великий Лев Николаевич Толстой, который уже и не раз перевернулся в гробу от фанфиков по его роману, но, увы, этот эпизод был весьма важен, позднее поймёте, для чего.

Через какое-то время князь Андрей уже лежал на кровати один, в теле чувствовалась лёгкая приятная слабость, а в душе было полное удовлетворение и успокоение. Он напрочь забыл о крестьянском вопросе, Пьере и Меньшенине, будто это время близости с женою выдернуло его из происходящего. Единственное, что сейчас мешало Андрею – это пульсирующая жгучая боль в голове.

Княгиня Дарья, закинув ногу на ногу, сидела за столом и, как ни в чём ни бывало, читала дальше свою книгу.

– Даша, может быть выпьем чаю? – тихо произнёс князь, взглянув на неё.

– Не откажусь, – ответила она, закрыла книгу и положи-

ла её на стол. – Я сейчас скажу, дабы принесли чай, – Дарья подняла с пола своё платье и принялась надевать его. Разобравшись с этим и накинув на плечи накидку, княгиня вышла из комнаты, а когда вернулась, князь Андрей уже ждал её на балконе, удобно расположившись в кресле.

– Чай скоро принесут, а пока расскажи, что там с крестьянами? – Дарья присела рядом и приготовилась внимательно слушать.

– С какими крестьянами? – князь Андрей был сейчас в таком прекрасном расположении духа, что даже и не вспомнил обо всём, что было днём.

– Из-за чего Пьер с Меншениным ввязался в спор? Ты, кажется, что-то о крестьянах говорил.

– Ах, ты об этом... Я уже и думать забыл, – князь задумался. – Мы, а это я и ещё несколько помещиков, как представители дворянства, хотели написать письмо в Министерство, с просьбой решить вопрос с землёй для крестьян, отпущенных по вольной, а князь Меншенин выступил против, ещё и приплёл то, с какой стати помещик вообще должен отпускать крестьян. Пьер не выдержал, стал ему доказывать обратное, я еле увёл его оттуда...

– С дураком спорить – ему уподобляться... Как же это Пьер и спорил?.. – княгиня Дарья была достаточно удивлена, хотя удивлена – это мало сказано. – Письмо-то в итоге написали?

– Написать-то написали, но не отправили, ибо там чуть до

рукопашного боя дело не дошло, на силу увёл я его.

– Коли письмо написано, отправить его – не беда. Чего же теперь расстраиваться? – произнесла она, но Болконский уже и не слушал её, он будто глубоко о чём-то задумался.

– Андрей, ты слушаешь меня вообще? – княгиня чуть нагнулась к нему и, с недоумением, взглянула на него.

– Извини, ты что-то сказала? – князь Андрей будто опомнился и «вернулся» к ней.

– Что с тобою такое? Ты рассеянный какой-то.

– Да это... С Пьером выпили немного вина.

– Так, и что же? – Дарья поставила локоть себе на колено, а ладонь под щёку и уставила свой пристальный взор за Андрея.

– Голова болит, – ответил князь Андрей, тяжело вздохнув. – Ты ведь знаешь, нельзя мне пить, плохо это действует на меня. Но за встречу с другом я отказать не мог.

– Что же ты сразу не сказал мне? – княгиня встала со своего места и подошла к князю сзади. – Закрой глаза и расслабься, а о плохом не думай, тебе нельзя волноваться, – мягко произнесла она и, медленно и осторожно, начала водить своими тонкими пальцами по его вискам. – Ранение тебя не беспокоит, mon cheré?

– Ммм... Спасибо тебе, Даша. Нет, не беспокоит, – ответил князь Андрей, закрыв глаза. Эти её действия доставляли ему удовольствие и весьма расслабляли, ведь от них боль, которая мучила его почти весь день, утихала. После

этого князь Андрей окончательно забыл всё, что тревожило его мысли.

Весьма скоро пришла служанка Варя и аккуратно поставила на стол чайник и две чашки, налила в них чай и ушла прочь.

Дарья вернулась на своё место, взяла чашку и уже пустилась в рассуждения:

– С крестьянами-то это, конечно, хорошо, а то ж вон оно, отпустила я Катерину, а куда она и где – и знать не знаю...

– Большинство, как раз-таки, поддержало эту идею, – произнёс князь Андрей, с удовольствием, делая большой глоток горячего сладкого чаю, – думаю, отец, коли был бы жив, поддержал тоже, – тут ему показалось, что он зря упомянул отца, неожиданно какая-то горечь появилась в его душе.

– Мой отец тоже пытался что-то делать для крестьян, но он человек военный был, оттого ему не до этого в основном было. И ведь восемь лет его уже нет... – она отхлебнула побольше чаю, дабы задавить внезапно накотившиеся слёзы. – Он был бы очень рад, что я вышла замуж за тебя, Андрей, ведь очень уважал твоего отца и так хотел, дабы я полюбила кого-то поистине достойного, – Дарья не хотела плакать сейчас, она была не тем человеком, кого можно легко вызвать на слёзы, но воспоминания о смерти отца – это именно то, что разрывало её душу на части, и князь Андрей очень хорошо понимал это, ведь сам потерял отца.

– Я знал твоего отца. Перед Аустерлицким сражением

приходилось встретиться, я говорил тебе когда-то. Он просил меня, дабы я рассказал своему отцу, что говорил с ним, я пообещал, что, ежели вернусь, сделаю это, а он ответил мне, что я вернусь, ведь мне жить да жить ещё... – князь не стал рассказывать, что было дальше, хотя фраза была не закончена. Далее Алексей Кибаков сказал, что своё уже отжил, он будто предчувствовал свою смерть, так думал князь Андрей. Княгиня в ответ не говорила ничего, а лишь, с какой-то тоскою, глядела на мужа.

– А своему отцу я не успел тебя представить... Только упомянул, – произнёс князь Андрей и вновь сделал глоток, на этот раз уже весьма большой. Чай был очень горячий, и князь, с трудом и чуть не подавившись, проглотил его.

– Доводилось говорить с ним, как раз на похоронах отца... Николай Андреевич выразил мне соболезнования и сказал, что мой отец был очень хорошим человеком, – Дарья сделала глубокий вдох и задрала голову вверх на небо, но скоро вновь опустила её.

Болконский не знал, что сказать жене. Неловкое молчание, с подмешанной горечью, повисло в свежем вечернем воздухе. Заметно похолодало, запад уже не горел ярким пламенем, но окончательно ещё не стемнело, сверчки кричали свою летнюю песню, светлячки, словно маленькие звёзды, мелькали в траве, а где-то по деревне слышались голоса крестьян.

Князь Андрей осторожно коснулся рук Дарьи, сложенных

на её коленях, отчего княгиня вздрогнула и резко повернула голову к нему.

– Тебе холодно? – произнёс Андрей, положив другую свою руку на холодные руки жены.

– Немного, – княгиня Дарья взглянула на мужа. – У тебя такие руки тёплые... – тихо произнесла она и легонько вытащила свои руки из-под его. Далее Дарья придвинулась к князю и прижалась к его плечу, а он взял её за руку.

– Пойдём в комнату, там тепло.

– Позже, – прошептала княгиня, закрыв глаза. – Помнишь, ты говорил мне, что я похожа на Луну?

– Помню, ты тогда сказала мне, что я Солнце, раз ты Луна.

– Да, Солнце. Моё Солнце.

– А ты моя Луна... – шепнул он ей на ухо. – Только моя.

Они понимали всю боль утраты и понимали друг друга, но молчали. Князю Андрею не нужны были слова, он знал, что она его понимает, и княгине Дарье они не были нужны, ведь она знала, что он понимает её. Вместо тысячи пустых слов молчание. Что было в нём? Что-то такое необъяснимое, что нельзя увидеть, а лишь почувствовать сердцем, одно большое и возвышенное чувство – любовь, способное противостоять страданиям и лишениям.

Часть III. Глава XIII.

***

Этот июньский день был самым обычным и непримечательным. Было около одиннадцати вечера, за окном был ливень, Андрей и Дарья уже спали, Николенька тоже спал, а княжна Марья была сейчас в Москве, на следующий день она должна была приехать. Завтра ранним утром Болконским нужно было ехать в Петербург, по важным делам. Нарушил их покой громкий стук в дверь и крики крестьянки Варвары за ней: «Дарья Алексеевна! Андрей Николаевич! Беда! Беда!»

Княгиня проснулась сразу и, чуть привстав с кровати, громко спросила: – Какая беда, Варя?

– Что случилось? – недовольно пробормотал князь Андрей, подняв голову с подушки.

– Николай Андреевич пропал!

После этого Болконские оба вскочили с кровати, сон у обоих как рукой сняло. Дарья накинула на себя халат, она сразу побежала в сад, князь за ней.

– Постой, Даша! Дождь ведь какой, промокнешь! Думаешь, он вышел из дому в такую-то погоду? – князь Андрей накинул на себя плащ, который подвернулся ему под руку.

– Варя сказала, что в доме его нигде нет.

– Думаешь, он в саду?

– Я не знаю, Андрей... – княгиня опустила голову. – Но может быть.

Князь Андрей не стал ничего возражать, а только пошёл первым, Дарья за ним. Они вместе спустились в сад и про-

шли совсем немного, как увидели сына. Николушка неподвижно сидел на скамейке, под большим деревом.

– Николенька! Сынок, – Дарья подбежала к нему, князь Андрей за ней, – зачем ты здесь? – тихо произнесла она. Мальчик молчал.

– Господи! Да что ж с тобою, Николенька? Скажи хоть что-нибудь!

– А, это вы... Я не знаю, что со мною... Я много думал о том, что моя маменька бросила меня, когда я только родился. Я знаю, что она не виновата, ведь она умерла, но...

Андрей хотел сказать что-то, но княгиня не дала ему:

– Постой, Андрей, – произнесла она и присела рядом с Николаем. – Что за мысли у тебя?

– Я знаю, что тётя Марья меня любит, и батюшка любит, но я никогда не знал, что значит, когда мать любит тебя, но мне кажется, что вы моя маменька, ведь вы меня любите, а папенька женился на вас. Я уже спрашивал, но я правда могу называть вас мамой? Моя матушка ведь не обидится?

– Она не обидится, она всё поймёт, сынок. Ты можешь называть меня матерью, коли тебе на самом деле так хочется, – княгиня, глотая наворачнувшиеся слёзы, легонько обняла Николеньку. – Пойдём в дом, здесь очень холодно, нельзя, дабы ты простудился, – она аккуратно взяла его за руку и повела в дом.

– Вы можете посидеть со мною? Мне страшно одному, – тихо произнёс Николенька, когда они вошли в дом.

– Конечно, пойдём.

Они вместе вошли в его комнату, князь Андрей остался за дверью.

– Ложись, Николушка, я посижу рядом с тобой.

– Маменька, вы ведь теперь не бросите меня? Вы ведь всегда будете рядом?

– Не брошу, – княгиня крепко обняла мальчика и тихо произнесла: – Я обещаю тебе! Тебе и твоему отцу – Андрею Николаевичу, что всегда буду рядом с тобою и с ним, – она закрыла глаза, но слёзы всё равно продолжали бежать из-под закрытых век.

После всего услышанного князю Андрею, который стоял за дверью, самому захотелось плакать, он и сам плохо помнил свою мать, ведь она тоже умерла, когда он был совсем маленьким и воспитанием его и Марьи занимался их отец – князь Николай, но и того уже сейчас не было в живых. Князь Андрей знал, отчего сейчас плачет его жена, ведь она сама потеряла обоих родителей. Какая-то страшная мысль промелькнула в его в голове, когда его сын сказал: «вы ведь теперь не бросите меня?» Но что могло случиться с Дарьей? Князь не знал, он никогда не думал об этом. Какое-то нехорошее предчувствие затаилось в его душе.

«Что же со мною происходит... Отчего мне так горько, ведь ничего не произошло? Отчего у Николая эти ужасные мысли, с Дарьей ничего не произойдёт, я знаю. Или нет?.. Отчего у меня все эти мысли?..» – думал Болконский.

Когда Николенька заснул, княгиня Дарья вернулась в комнату. Она думала, что князь Андрей уже спит, хотя он не спал, а просто лежал с закрытыми глазами и слышал, как его жена вошла. Княгиня легла на кровать рядом с мужем, заснула она довольно быстро, да и сам Андрей через какое-то время тоже заснул. Он видел сон:

«Осень, дует прохладный ветер, небо затянуто хмурыми тучами, сыплет мелкий дождь, атмосфера какая-то напряжённая. Он ходит по какому-то саду, явно не тому, который был у Болконских. Вокруг ни души, и казалось, что у сада этого не было конца и края, аллеи деревьев были бесконечными. Долго князь бродил по нему, отчего очень устал, но присесть было негде. Он остановился и окинул взором деревья, под одним из них была старая скамейка. Князь Андрей присел на неё. Он заметил не сразу, но рядом с ним лежал белый платок. Заметив, князь взял его в руки, на нём сразу же проступили пятна крови. Андрей не знал, что ему делать дальше, он, с ужасом, глядел на платок. За деревьями сначала что-то зашевелилось, после из-за дерева вышла какая-то девушка и быстро пошла в сторону князя Андрея. Лица её видно не было. Пройдя расстояние, она остановилась, остановилась прямо перед ним.

– Отдайте мне это, – произнесла она, пытаясь забрать у него платок. В её голосе князь не узнал ни жену, ни сестру, но ему казалось, что где-то этот голос он слышал.

– Что это значит? – спросил он, указывая на этот самый

платок.

– Прольётся кровь! – каким-то нечеловеческим страшным голосом, проговорила она и вырвала платок у него из рук».

Князь Андрей проснулся в холодном поту, он, тяжело дыша, резко сел на кровати.

– Андрей, ты кричал во сне; что случилось? – с беспокойством, спрашивала княгиня Дарья, которая тоже проснулась. Князь её не слышал и не видел, а отчего-то оглядывал комнату, в которой не было ничего особенного, всё было по-прежнему. Он сам не знал, зачем делал это.

– Андрей, милый, что с тобою? – тихо вновь произнесла Дарья, легонько тронув его за плечо.

– Ничего, Дарьюшка... Просто кошмар приснился, – князь Андрей, всё ещё тяжело и сбивчиво дыша, лёг обратно на подушку. Княгиня легла рядом с ним, прислонив голову к его плечу и положив руку ему на грудь.

– Андрюша, это просто сон, кошмары обычно не сбываются, – мягко говорила Дарья и слегка поглаживала его, она рукой чувствовала как часто и сильно, беспорядочно метаясь по грудной клетке, стучит его сердце.

Князь Андрей, хоть и хотел спать, не смыкал глаз, он всё думал, что же мог значить этот сон, в его голове возникла страшная мысль: «кто-то умрёт». Неизвестно отчего, но князь был уверен в этом, но что и с кем могло произойти в мирное время? Всё это было очень странно, ещё и непонятные размышления его сына, а вдруг он что-то чувствовал?

Мучаясь от навязчивых мыслей, князь Андрей и не заметил, как его веки сами сомкнулись, а сознание медленно отправилось в сон. Больше ему ничего не снилось.

Ранним утром вернулась княжна Марья, а Болконские выехали в Петербург, на ночь они остановились в Бологом у Михаила Кибакова, дом которого был (как и обычно) полон гостей, отчего своей сестре и её мужу князь Михаил выделил очень маленькую комнатку. Уже на заре следующего дня Андрей и Дарья отправились дальше и ближе к вечеру уже добрались до столицы. Свои дела Болконские оставили на другой день и в остаток этого решили отдохнуть от дороги, вдвоём прогулявшись по Петербургу.

Вечерний Петербург был весьма загадочен. Тот день был солнечным, лишь на горизонте висели какие-то скудные облака, которые закат сейчас окрасил в розовые и персиковые тона. Сам город стал такого же цвета. Невский проспект был практически пуст, лишь изредка встречались люди, гуляющие или в одиночестве, или парами, одной из которых были князь Андрей и княгиня Дарья.

Они медленно шли, держа друг друга под руку.

– Сколько раз я была в Петербурге?.. Этот, кажется, четвёртый, – Дарья повернула голову в сторону. – Какой всё-таки величественный город, хотя я предпочитаю Москву.

– Петербург весьма красив, как и Москва, но я не люблю города, не люблю за их суетливость, – князь Андрей взглянул на небо, что пылало ярким огнём.

– Андрей, как твоё самочувствие после долгой дороги?

– У меня всё хорошо, та cheré, не беспокойся, пожалуйста.
ста.

– Мне кажется, последние два дня ты будто чем-то опечален... – она пристально посмотрела на него.

– Тебе кажется, Дарья, – ответил Андрей, хотя это было вовсе не так, и его действительно что-то беспокоило. Этим «что-то» был тот самый кошмар, который приснился ему недавно.

– Ты завтра во сколько уходишь?

– К девяти часам уже должен быть в Министерстве. А у тебя что за дело, напомни, пожалуйста?

– Дочь одной графини готова продать мне пятьдесят крестьянских душ, а я готова их купить, ежели ты не против.

– Крестьяне никогда не помешают, – ответил князь, вновь обратив взор на небо, которое так и манило к себе его взгляд.

Далее Болконские шли молча и гуляли так дотемна.

На следующий день, начиная с самого утра, было пасмурно, дождь явно не собирался, Петербург был во власти густого тумана, что было обычным явлением для этого города. Рано утром князь Андрей отправился в Военное Министерство Российской Империи. Вызвали его по важному вопросу, который без него никак нельзя было решить, что за вопрос – государственная тайна, важно то, что он решился. После обеда князь Андрей решил прогуляться по Невскому проспекту, там, где вчера гулял с женою, и ежели про-

шлым вечером эта улица была заполнена весьма приятной и душевной атмосферой, то сегодня здесь было как-то неуютно. Князь, погрузившись в свои какие-то мысли, медленно шёл по улице.

«Андрей Николаевич! Осторожнее!» – закричал кто-то.

Болконский остановился и огляделся по сторонам, тут же, в сравнительно небольшом расстоянии от него, просвистела пуля.

– Ваше сиятельство, подите сюда, – слуга князя Андрея жестом позвал его к себе. Князь, подойдя к слуге, быстро зашёл за стену. Сейчас же послышалось ещё несколько выстрелов.

– Что это? – произнёс он.

– Покушение на вас, барин.

«Что это такое? Кому это вообще понадобилось?..» – подумал князь Андрей.

– Ваше превосходительство, все убиты, вам больше ничего не угрожает, – послышался голос другого слуги. – Вот, пистолет у одного изъяли, там ещё несколько пуль осталось.

– Андрей Николаевич! Беда! Ах! Беда! – откуда-то издали, уже запыхавшись, к нему бежал Тихон. – Ах! Княгинюшка наша, Дарья Алексеевна! На неё покушались только что! Неизвестно, жива али нет!

В этот момент сердце князя Андрея будто остановилось на миг, и весь мир для него рухнул и разбился на мельчайшие осколки. Ему показалось, что он падает куда-то в пусто-

ту, но на самом же деле Андрей крепко стоял на ногах. Князь вспомнил и свой страшный сон, и слова девушки: «прольётся кровь», и мысль о том, что кто-то умрёт.

– Где это было? – князь Андрей тут же выхватил пистолет.

– На Коломенском острове, на набережной около Фонтанки.

– Извозчик! – Болконский остановил извозчика, который вовремя проезжал мимо, и быстро запрыгнул в повозку. – Коломенский остров, Набережная реки Фонтанки.

***

Княгиня Дарья, приобретя пятьдесят крестьянских душ за сравнительно небольшую сумму денег, была в весьма хорошем настроении и прогуливалась по Набережной реки Фонтанки. Княгиня стояла у края и, оперевшись на ограждения, с чувством удовлетворения, глядела на воду и уток, кормящихся под мостом.

«Дарья Алексеевна!» – кто-то окликнул её.

Дарья обернулась назад, в нескольких саженьях [29] от неё, стояла её бывшая крепостная крестьянка и служанка – Катерина, которой она полтора месяца назад дала вольную.

– Catheriné? Как ты здесь? – произнесла Дарья, сделав шаг навстречу Кате. Она хотела подойти ближе, ведь была приятно удивлена.

– Не подходите ко мне, Ваше сиятельство, – крестьянка выставила руку вперёд. – Я здесь, дабы убить вас.

– Убить? Меня? Неужели ты так захотела? – княгиня

улыбнулась, ведь была введена в ступор, ей даже показалось, что Катерина сошла с ума и бредила сейчас.

– Не я... Граф Зеленин. Когда-то в прошлом его отец сделал что-то

нехорошее, а ваш отец – Алексей Кобаков, в чём ему помог его друг – Николай Болконский, сделал так, что его отца сослали в Сибирь. Он вздумал мстить и хочет убить вас и вашего брата – Михаила Алексеевича, его убьют сразу же, как только он выедет из Бологого. Я одна из наёмных убийц, по ту сторону, на мосту, трое и с этой стороны ещё двое. Моя сестра Софья у графа в собственности, он держит крестьян в нечеловеческих условиях, а ежели я убью вас, то отпустит он мою сестру.

– Я понимаю твои приоритеты... – княгиня Дарья, вздохнув, взглянула на землю. – Ты ведь сейчас убьёшь меня?

Катерина направила пистолет в сторону княгини. Дарья нервно сглотнула. Она понимала, что для Кати дороже, разумеется, её сестра и что сейчас её жизнь оборвётся в один миг. Княгиня Дарья не боялась смерти, а лишь вспомнила обещание, данное Николеньке, что она не оставит его и князя Андрея, которого княгиня очень любила, но что поделать, ежели такова судьба. Слеза пробежала по её щеке, и она закрыла глаза.

«Господи, прости меня, за все мои деяния», – подумала она.

Прогредел выстрел, а за ним ещё несколько, отчего птицы

на крышах домов сразу встрепенулись.

Дарья думала – она уже мертва или просто не чувствует боли, и через какое-то время открыла глаза. Двое наёмников были убиты, ещё один ранен. В тот же миг от троих оставшихся в живых убийц в её сторону полетели пули (по одной от каждого), но ни одна из них даже не коснулась её, ведь Катерина стремительно рванулась в её сторону и приняла их все на себя.

– Катя! Нет! – от ужаса вскрикнула княгиня и подхватила падающую крестьянку.

– Дарья Алексеевна, к-как вы могли подумать, что я подниму на вас руку?.. Вы же столько сделали для м-меня, – произнесла Катерина, задыхаясь и глотая кровь, – я жизнь за вас отдам. Вы ведь тогда, много лет наз-зад, заступились за м-меня и взяли к себе.

– Катенька... да как же это... – говорила Дарья, с ужасом, глядя на неё и медленно поглаживая по голове.

– П-позаботьтесь о Соне, пожалуйста... Я, я, ах!

– Да, Катенька, да! Я обещаю тебе, я не оставлю её, я вытащу её оттуда.

– Андрей Николаевич, пушай он б-будет осторожен, ведь на него... Ммм... – она закрыла глаза, но тут же открыла их и обратила взгляд не на Дарью, а на небо.

– Что на него? Катя! Что с ним?! Не томи!

– Ах, небо, как оно прекрасно... – тихо молвила Катя, улыбнувшись. Она уже не слышала того, что говорила кня-

гиня.

– Что с Андреем? Катя! Ответь, пожалуйста!

– Прощайте, моя княгиня... – она сомкнула веки и уже не открывала своих голубых, словно ясное небо, глаз. В этот же момент её дыхание остановилось, а сердце перестало биться.

– Катя! Катя! Нет... Нет! Очнись, пожалуйста, Катенька... – Дарья, уже не контролируя слёзы, тщетно трясла тело Катерины, хотя и знала, что она уже никогда не ответит ей; но вдруг произойдёт чудо, и крестьянка откроет глаза? Увы, чуда не произошло, душа Кати уже покинула её брренное тело навсегда.

Тут же княгиня вспомнила, что трое наёмников всё ещё живы. Она оставила крестьянку лежать на земле и огляделась по сторонам, один из убийц с ножом в руках подходил к ней. Княгиня Дарья перчаткой стёрла слёзы с лица, крепко взялась за перила и опустилась на колени. Дарья Болконская, закусив свою нижнюю губу до крови, вскинула голову. Она поняла, что сопротивляться ему, ввиду своих сил, не сможет, а убежать не успеет, посему ежели и принимать смерть, то гордо глядя ей в глаза.

– Все вон от моей жены! – послышался весьма знакомый голос. Раздалось несколько выстрелов и оставшиеся наёмники упали замертво.

– Андрей! – закричала Дарья, она, встав с колен, побежала к князю Андрею и кинулась к нему в объятия, крепко сжимая шинель у него на спине.

– Господи, благодарю тебя, что она жива... – прошептал князь. – Я здесь, Дашенька, я рядом, – Андрей нежно погладил княгиню по голове и крепко обнял её, прижав к себе. Он чувствовал, как дрожит всё её тело, словно осенний осино-вый листок. – Они тебе ничего не сделали?

– Нет, Андрюшенька, нет, – ответила она, тяжело дыша и тихо всхлипывая.

Князь Андрей, отпустив Дарью, взглянул на неё и ужаснулся, ибо нижняя губа её была вся в крови.

– У тебя кровь здесь, – он достал белый платок и легонько стёр кровь с её тонкой губы, которая сейчас не была такой тонкой, ведь слегка опухла.

– Андрей, Катерина, она...

– Она мертва? – произнёс он, взглянув на лежащую, без признаков жизни и в крови, крестьянку. Тут же его озарила мысль – девушка в его сне говорила голосом Кати.

– Да. Андрей, я должна рассказать тебе многое, что рассказала мне Катя, выслушай меня, пожалуйста.

Князь Андрей одобрительно кивнул.

– Это подстроил граф Зеленин. Мой брат Михаил в опасности, как только он высунет нос из Бологого – его сразу же убьют! Всё из-за того, что наш отец что-то сделал его отцу вместе с твоим отцом, посему ты, Андрей, должен быть осторожен! А у графа сестра Кати – Софья, её нужно как-то вытащить оттуда! – княгиня Дарья говорила быстро и очень волнуясь.

– Даша, успокойся, пожалуйста, мы всё сделаем, – он обернулся к слугам:

– Мы сейчас же едем домой!

Болконские сели в повозку, забрали с квартиры свои вещи и отправились домой. По дороге они заехали в Бологое, дабы сообщить Михаилу Кибаккову об опасности, но ночевать не стали, а поехали дальше и к вечеру следующего дня, на закате, добрались до Лысых гор, их встретила княжна Марья, уже знавшая о покушении на обоих.

– Ах, André! Ах, Darie! Как же я волновалась! – Марья по очереди обнимала брата и невестку.

– Marie, Дарья не знает о покушении на меня, и знать ей не стоит, ибо у неё и без того очень сильное потрясение – её верная служанка умерла у неё на руках, – тихо, дабы княгиня не слышала, сказал князь Андрей сестре. Сам он до сих пор не мог отойти от того состояния страха за жизнь Дарьи, отчего в душе до сих пор сильно волновался. Ещё и, как назло, видимо, от всех переживаний сильно разболелась уже зажившая рана, та самая, которую князь получил чуть меньше года назад под Бородино.

– Николенька спит уже? – произнесла княгиня Дарья, как-то странно взглянув на княжну.

– Да, спит. Он ни о чём не знает.

– И не нужно, – вмешался князь.

– Давайте, я скажу, дабы вам обоим приготовили чай с мятой и мёдом, вы ведь устали, да и тебе, Андрей, и тебе,

Дарья, нужно успокоиться.

Князь Андрей и княгиня Дарья устроились за столом, на террасе, позже к ним присоединилась и княжна Марья. Ещё позже слуги принесли чай с мятой и мёдом всем троим. Марья, захотев отвлечь их от событий, пыталась начать разговор, но князь отвечал ей нехотя – очень сухо и коротко, а княгиня и вовсе не проронила ни слова, она, с грустью, периодически поглядывала в свою чашку и делала маленькие глотки чаю. Через какое-то время, даже не допив свой чай, Дарья встала и ушла в дом. Князь Андрей, с тоскою, поглядел ей вслед, но не пошёл за нею, ибо хотел допить чай, от которого рана почти перестала болеть. Допив весь чай, он тоже ушёл в дом и велел Тихону позвать Василия Ивановича, который пришёл довольно быстро.

– Звали-с, Андрей Николаевич? – уважительно произнёс крестьянин.

– Звал, есть очень ответственное дело, готов ли ты его исполнить?

– Всё ради вас сделаю-с, Ваше сиятельство.

– Помнишь Катерину?

– Как же не помнить-с, всегда верно служила-с нашей княгине Дарье Алексеевне.

– Уже знаешь, что с нею произошло? – произнёс князь Андрей, с трудом, подавляя зевок.

– Знаю-с, разумеется, жаль-с девчонку... – Василий Иванович, с тоскою, опустил взгляд. – Можно сказать-с, как дочь

мне была-с.

– Сестра её – Софья, она у графа Зеленина, нужно привезти её сюда, в Лысые горы. И ещё что, нужно найти доказательства на какие-либо проделки этого мерзавца, – Андрей сделал паузу, ведь ему вновь захотелось зевнуть, но он сдержал себя и продолжил: – Я лично поручаю это всё тебе, Василий Иванович, отправляйся прямо сейчас, можешь в помощь взять двоих из деревни.

– Как пожелает-с наш барин – будет сделано-с в кратчайшее время, Андрей Николаевич, я не подведу-с вас, – крестьянин поклонился и был таков.

Князь Андрей, прикрыв рот ладонью, наконец, с удовольствием, зевнул и чуть встряхнул голову. Он чувствовал, что, видимо, после чая с мятой, его сильно клонит в сон, и ежели он сейчас не пойдёт отдыхать, то заснёт прямо здесь. Князь прошёл в комнату, Дарья, как ему показалось, уже спала; он переоделся и лёг рядом с женою.

Княгиня сразу вздрогнула и повернулась, но, увидев рядом мужа, спокойно произнесла:

– А, это ты, Андрей...

– Василий Иванович привезёт сестру Катерины сюда, а по поводу графа... Докажем его вину.

– Пушай сразу приведёт Сонюшку ко мне, – Дарья хотела отвернуться, но князь Андрей совсем неожиданно поцеловал её, так нежно и осторожно.

– Это уже твоя воля, – князь Андрей придвинулся к жене

ближе и, обняв её, укрыл одним краем одеяла её, а другим – себя.

Волнение в его душе утихло, боль старой раны тоже. Он знал, что с княгиней

Дарьей ничего не случится уже, что всё далее будет хорошо. К тому же князь Андрей был больше не в силах бороться со сном, он наконец сомкнул веки и почти сразу же глубоко заснул.

Часть III. Глава XIV.

***

Василий Иванович, исполнив приказ князя Андрея Болконского, привёз Софью (сестру Катерины) в Лысые горы, Дарья взяла её в услужение к ним в имение. Графу Зеленину было предъявлено обвинение, но не за покушение, а за крупную кражу государственных средств, но до суда он не дожил. Кто его устранил – неизвестно, может быть кто-то по приказу Михаила Кибакова, а может быть кто-то из крестьян сам, в качестве мести за покушение на их господ. Болконские больше не выезжали из Лысых гор, всё было тихо и мирно.

Было раннее утро. Тёплые солнечные лучи проходили сквозь тонкие шторы, завешивавшие приоткрытое окно, и заливали комнату четы Болконских весьма тёплой и светлой атмосферой. Княгиня Дарья уже не спала, но ещё лежала в постели, ведь вставать ей пока не хотелось. Князь Андрей,

лёжа на спине, спал рядом с нею.

Дарье наконец надоело лежать, и она медленно поднялась с кровати.

Княгиня подошла к окну, сдвинула шторы в сторону и открыла створку сильнее. Князь Андрей слегка поморщился от солнца и, что-то бормоча во сне, перевернулся на бок в противоположную от окна сторону, утаскивая за собой и одеяло, которым был укрыт. Княгиня Дарья, с улыбкой, взглянула на него, задёрнула шторы обратно и направилась к дверям. Она тихо вышла из комнаты, закрыв за собою дверь, и сразу же встретила служанку Софью. Внешне она была очень похожа на Катерину, только ростом была чуть меньше, волосы её были не прямыми, а кудрявыми, а также глаза были серые, а не голубые.

– Доброе утро, Дарья Алексеевна, – произнесла крестьянка, поклонившись; голос её был совсем иной, не как у Кати.

– Доброе, Сонюшка, доброе. Николушка ещё спит?

– Да, барыня.

– А княжна Марья?

– Марья Николаевна недавно встала. Чего-нибудь изволите, княгиня?

– Принеси мне платье, моё бежевое.

– Сию минуту, Ваше сиятельство, – Софья ещё раз поклонилась и ушла.

Дарья ещё с детства имела привычку рано вставать и, не завтракая, идти одной в сад – «нагуливать аппетит» (именно

так она это называла). Эта привычка осталась у неё и после замужества, к тому же после завтрака она гуляла ещё и вместе с мужем.

Княгиня Дарья вновь вошла в комнату и, присев за стол, стала расплетать свои тёмные волосы, которые были заплетены в толстую слабую косу. После чего она, тяжело вздохнув, слегка облокотилась на кресло, в котором сидела, и закрыла глаза. Чувствовала себя Дарья весьма скверно, причём уже не в первый день – уже несколько дней её одолевала тошнота и слабость, о чём она никому не говорила, дабы не привлекать к себе лишнее внимание. Отчего-то именно сегодня такое состояние у неё было с самого утра, хотя обычно оно становилось таким в течение дня или ближе к вечеру.

Княгиня ненадолго задремала, но вдруг почувствовала, как кто-то коснулся её плеча. Она, не без труда, разомкнула веки и увидела перед собою Софию.

– Госпожа, ваше платье готово, – произнесла та очень тихо, дабы не разбудить князя, который всё ещё весьма крепко спал и даже не слышал их разговора.

– Ах, Соня, это ты... – сонно проговорила княгиня Дарья и встала со своего места. Она чуть пошатнулась, ибо перед глазами у неё сразу же помутнело, но через несколько секунд это прекратилось.

– Дарья Алексеевна, вам нехорошо? – с беспокойством произнесла крестьянка.

– Нет-нет, Сонюшка, – Дарья оперлась рукою на стол, –

Приведи в порядок мои волосы, потом можешь идти, – она вновь опустилась на кресло.

Соня, быстро и весьма осторожно, уложила волосы своей княгини в низкий хвост, прикрепив на них заколку, и покинула комнату.

Дарья переоделась, вышла из дома и немного прогулялась по саду, но лучше, несмотря на свежий воздух, ей не стало. Она вернулась в дом как раз к завтраку, князь Андрей уже проснулся и сидел на террасе. Сегодня он хорошо выспался и был в прекрасном расположении духа, а также отлично себя чувствовал.

– Доброе утро, Даша, – с улыбкой, произнёс князь, целуя руку княгини.

– Доброе, Андрей, – бегло ответила она и присела за стол напротив него.

За всё время завтрака Дарья, ровным счётом, не съела ничего, а только лишь выпила немного чаю. Всё это время она сидела с каким-то печальным видом и глядела в пустоту, будто была чем-то озабочена или о чём-то глубоко задумалась, но всё было куда проще, в этот момент ей всё ещё было плохо.

– Ты совсем ничего не съела... – с беспокойством, произнёс князь Андрей, взглянув на неё. Он заметил, что что-то с нею было не так.

– Не хочется ничего, – ответила она, не глядя на него.

– Даша, ты очень бледна.

– Андрей, я просто не голодна, – княгиня Дарья пыталась отмахнуться, хотя лучше ей не становилось. – Идём, уже пора.

– Ежели тебе нехорошо, мы не пойдём.

– Нет, у меня всё хорошо! – с нажимом, ответила она, чуть повысив тон.

Андрей не стал спорить с нею. Они вместе вышли в сад. Сначала, видимо, всё-таки от свежего воздуха, княгине стало даже лучше, но потом вновь появилась сильная тошнота. Казалось, что во время этой прогулки не Дарья вела князя Андрея, как было обычно, наоборот же, он шёл прямо и уверенно, а она тащилась за ним, еле переставляя ноги. Уже несколько раз княгиня даже пожалела, что вообще пошла на эту прогулку, ведь сейчас ей становилось только хуже.

– Андрей, давай ненадолго присядем, пожалуйста, – тихо произнесла княгиня Дарья, тяжело вздыхая, ибо идти дальше она уже не могла, помимо тошноты у неё ещё и начала кружиться голова.

– Даша, пойдём в дом, я ведь вижу, что тебе нехорошо, – он крепче взял жену под руку и довёл её до лавочки.

– Я просто устала немного, – произнесла она, садясь на скамейку. Князь Андрей обратил внимание на то, что щёки её совсем побелели.

– Андрей, не смотри на меня так, – княгиня Дарья заметила, что князь Андрей пристально смотрит на неё.

– Я ведь беспокоюсь за тебя, – князь положил свою руку

на её, которой она чуть оперлась на лавочку. Дарья, борясь с приступом тошноты, сглотнула и, тяжело вздохнув, отвернулась от князя. После она, чуть покачнувшись, встала со скамейки и прислонилась к ближайшей берёзке, закрыв глаза. Она думала, что её вырвет прямо здесь и сейчас. Прошло несколько минут, ей стало чуть лучше – тошнить стало не так сильно.

– Повода для беспокойства нет, я просто сегодня плохо спала. Идём, – она взяла князя Андрея под руку. Тут он заметил ещё одну странность – княгиня держала его очень слабо, будто у неё совсем не было сил.

– Пойдём в дом, я что-то тоже устал уже, – сказал Андрей. На самом деле он не устал, а сказал так лишь оттого, чтобы отвести Дарью в дом.

Болконские направились в сторону дома. Когда они вошли в имение, навстречу им выскочил Николенька и воскликнул, радостно и досадно одновременно:

– Папенька, маменька, вы уже вернулись? А мы с тётушкой хотели выйти к вам.

– Да, сынок, но мы все вместе пройдемся, только чуть позже, – произнёс князь Андрей, с любовью, погладив сына по голове.

– Николай Андреевич, куда же вы? Учитель ведь уже ждёт вас! – крестьянка Варя вышла из комнаты Николеньки и взяла его за руку.

Княгиня Дарья вновь почувствовала, что ей стало хуже –

у неё вновь начала кружиться голова, и во всём теле появилась ужасная слабость. Дарья отчаянно сопротивлялась, она ухватила князя за рукав, но уже не смогла совладать с собой и потеряла сознание. Князь Андрей успел подхватить её.

– Дарья! Что с тобой? Даша! – он тряс княгиню за плечи, но она не приходила в себя.

– André, что случилось? – княжна Марья, видимо, услышала крики. – Ах! Что с Дарьей? – воскликнула она и побежала к брату.

– Она потеряла сознание, – ответил князь Андрей и осторожно взял Дарью на руки.

– Что ты! Тебе же, после ранения, нельзя тяжести поднимать! – Марья только всплеснула руками.

– Теперь неважно, – недовольно, с горечью в голосе, ответил князь и понёс княгиню в комнату.

– Я пойду скажу, дабы позвали лекарку из деревни.

Князь Андрей вошёл в их с Дарьей комнату и аккуратно уложил жену на кровать, а после вышел на террасу, где уже была княжна Марья.

– Что же с нею, неужели заболела?.. Она ведь всегда была крепка и здорова... – размышлял Болконский.

– Дагё теряла сознание после нескольких бессонных ночей, когда мы привезли тебя раненого в Петербург... Но сейчас, я и не знаю, что может быть, – Марья говорила так, но казалось, будто она о чём-то догадывалась, но не была уверена, оттого не говорила о своих догадках.

– Она за завтраком совсем ничего не съела.

– А, от голода она тоже могла упасть в обморок.

– Я не это хотел сказать, а то, что Дарья не просто так отказалась от еды, из-за чего-то же у неё нет аппетита. Я уже который день вижу, что она очень бледна, а сегодня ей явно было нехорошо, но она говорила об обратном! – он сам и не заметил, как слегка повысил тон.

– Андрюша, mon cheré, успокойся, пожалуйста. Я знаю, что ты очень любишь Дарью и беспокоишься за неё, но разве ты сам когда-нибудь скажешь о том, что тебе плохо? – княжна пристально посмотрела на брата. – Вспомни, сколько слёз она пролила из-за тебя.

– Извини, Marie, – князь Андрей понял, что погорячился и, с чувством стыда и замешательства, отвёл взгляд, – я не должен был повышать на тебя голос.

– Ничего, я всё понимаю, – княжна Марья слегка улыбнулась. – Я сейчас вернусь, – она направилась в дом, а князь Андрей остался наедине со своими мыслями.

«Может быть это мне наказание за что-то?.. А может всё не так серьёзно, как я думаю? Нет, это не ей испытание, а вновь мне, ей испытания уже были. Точно мне! Но что же происходит...» – думал он, глядя, как одно разрозненное облако ползёт по ясному небу.

Вернулась Марья очень скоро, князь Андрей вырвался из своих мыслей и подошёл к сестре ближе.

– Ну что? Что с нею – это что-то серьёзное? – в голосе

князя чувствовалось сильное волнение, которое было в его душе.

– Серьёзное, – помолчав немного, произнесла княжна.

Князь Андрей нервно сглотнул, он чувствовал, что сердце его сейчас бьётся очень быстро, а в горле появился какой-то комок, недававший ему вздохнуть. Князь, пытаясь сохранять самообладание, только и смог произнести дальше: – И что же?

– Она беременна. Я почему-то сразу так и подумала, но решила убедиться.

– Что ты говоришь? Этого ведь не может быть... – князь Андрей не верил в происходящее и не знал, что ему сейчас делать: радоваться или печалиться. С одной стороны, нужно было радоваться, но с другой, он вдруг вспомнил, что произошло с его первой женою.

– Отчего же не может? У вас было с нею что-то?

– Что за вопросы? Было, разумеется, и не раз, мы ведь женаты, – недовольно проговорил князь, отвернувшись от сестры.

– Ежели и было, то нечего тогда удивляться тому, что она носит твоего ребёнка. Срок причём уже немаленький, чуть больше двух месяцев. Иди к ней сейчас и, когда очнётся, скажи ей об её положении.

– Два месяца назад и было... Постой! Так ведь, получается, на момент покушения она уже была беременна... – с ужасом, проговорил он.

– Да, Андрей, упаси Господь, чем это могло закончиться.
***

Княгиня Дарья спустя какое-то время пришла в себя. Она открыла глаза и, оглядев помещение, поняла, что лежит сейчас на кровати в её и князя комнате. Всё её тело казалось ей каким-то тяжёлым, и всё же, несмотря на это, Дарья попыталась чуть привстать, но у неё тут же потемнело перед глазами, и подступила сильная тошнота, отчего она опустилась обратно на подушку.

«Что же со мною такое? Отчего мне так нехорошо?» – промелькнуло в её голове.

Княгиня повернула голову в сторону и увидела своего мужа, который сидел рядом, князь Андрей задремал, видимо, не так давно. Дарья вспомнила, что потеряла сознание прямо при нём.

– Андрей, – тихо, чуть хриловато, произнесла она.

Князь Андрей сразу же открыл глаза, выпрямился и, немного прокашлявшись, очень мягко произнёс: – Даша, как ты себя чувствуешь?

– Что со мною, Андрей? – отозвалась княгиня, голос её отчего-то был какимто весьма осипшим.

– Ты потеряла сознание, посему я отнёс тебя сюда.

Княгиня Дарья, несмотря на тошноту и сильную слабость, вновь предприняла попытку встать с кровати.

– Не вставай, доктор сказала, что тебе нужно больше отдыхать.

Дарья, с чувством досады и разочарования, вновь опустила голову на подушку и произнесла:

– А она не сказала, отчего мне так дурно?

– Сказала, – князь Андрей вздохнул и отвёл глаза от неё.

– Я заболела?

– Нет. У тебя будет ребёнок.

– Что?.. Но ведь мы уже давно... – с недоумением начала она, но Андрей перебил её:

– С того самого времени, доктор и сказала, что уже более двух месяцев.

– Тогда отчего ты так расстроен? Неужели ты не рад? – она видела, что князь будто чем-то опечален.

– С чего ты это взяла? – ответил он, не глядя на жену и нервно перебирая в руках перчатку.

– Вижу по тебе, я слишком хорошо знаю тебя, Андрей, – Дарья, преодолевая себя и своё состояние, всё-таки приподнялась с кровати и придвинулась к нему. – Я понимаю, о чём ты думаешь... Но не думай о таких вещах, всё будет хорошо, *mon cheré*, – княгиня улыбнулась.

– В прошлый раз я и не думал, но что вышло всё равно, – князь Андрей тяжело вздохнул и убрал перчатку в карман.

– Но ведь думала Lise, в этом суть.

– А ты не думаешь? – он поднял взгляд на Дарью.

– Нет, не думаю, ты ведь рядом, Андрей.

– Ты говорила, что после ранения мне нельзя волноваться, теперь ведь и тебе нельзя.

– Вот и не надо друг друга расстраивать.

– Тогда ложись и отдохни, коли не хочешь вновь потерять сознание и заставить меня беспокоиться. А ежели тебе что нужно, обязательно скажи.

– Андрей, я ведь не больна, не нужно так беспокоиться.

– Даша, – мягко заговорил князь Андрей, легонько сжав её бледную худую руку, – подумай о нашем ребёнке, тебе теперь стоит больше отдыхать и быть более осторожной, дабы не навредить себе и ему. Ежели ты нехорошо себя чувствуешь, лучше не вставай с постели.

– Но мне сегодня Василий Иванович должен представить отчёт о крестьянах в деревне, он каждую неделю это делает, да и Николеньке ты ведь обещал... – начала Дарья, но князь прервал её:

– Марья примет отчёт, с Николенькой погуляю я, а ты поспи немного и ни о чём не беспокойся, – князь Андрей аккуратно поцеловал её руку. – Я приду чуть позже.

Дарья не стала больше сопротивляться, ибо её отчего-то сильно клонило в сон, да и самочувствие в целом оставляло желать лучшего. Она послушно легла и в скором времени заснула.

Проснулась княгиня ближе к вечеру. Она не сразу поняла, что проснулась, и долго находилась в каком-то забытьи. В один момент Дарья наконец открыла глаза и окинула взглядом комнату, рядом никого не было. Она чувствовала, что хочет пить, а попросить было не у кого, посему княгиня

осторожно встала с кровати и, подойдя к столу, налила себе воды примерно треть стакана, буквально на пару глотков. Дарья взяла стакан и медленно выпила всю воду.

«Как же здесь душно...» – подумала Болконская, тяжело вздохнув. Она вышла на балкон и, расстегнув воротник платья, облокотилась на стену. Подходить к краю в таком состоянии Дарья не решилась.

Светило Солнце, было тепло, но не жарко, из-за лёгкого свежего ветерка. Дарье было чуть лучше, совсем чуть-чуть. Она стояла, закрыв глаза, а ветер слегка развевал её длинные волосы. В какой-то момент княгиня даже не заметила, как начала падать и даже практически потеряла сознание, однако резко опомнилась и открыла глаза. Перед собою Дарья увидела Андрея, который успел её подхватить.

– Андрей?.. Ты как здесь оказался? – негодуя спросила она, пытаясь выпрямиться.

– Зачем ты встала, Даша?

– Воды попить. А потом мне стало душно, и я вышла подышать свежим воздухом.

Князь Андрей не ответил ничего и, крепко взяв жену под руку, отвёл её в комнату на кровать.

– Может быть поешь немного? – тихо спросил князь.

Дарья отрицательно покачала головой и ответила:

– Нет, мне не хочется.

– Хотя бы совсем немного, милая. Ты ведь сегодня вообще ничего не ела.

– Андрей, меня и так тошнит, а если я съем что-нибудь, то меня просто вырвет, как ты не поймёшь этого?

– Я не люблю быть навязчивым, просто очень беспокоюсь за тебя, Даша, – Болконский положил руку ей на плечо. – Может быть хотя бы чаю выпьешь? Марья говорила, что после мятного чая тошнота должна пройти.

– Ежели поможет... Давай.

– Тогда я пойду и скажу, дабы тебе сделали чай, – князь Андрей нагнулся к Дарье и осторожно поцеловал её бледную щёку. – Не вставай пока, я скоро вернусь.

Часть III. Глава XV.

***

В Екатерининском дворце, в Москве, в новогоднюю ночь давался бал по случаю праздника, на который пригласили и Болконских, отказаться они не могли, ведь и так уже долгое время не выходили в высший свет.

В предновогодний вечер, тридцать первого декабря, был мороз, как и обычно бывало в России зимой. Снега не было, хотя небо было полностью поглощено тучами.

Князь Андрей и княгиня Дарья, оставив свои шубы там, где все их оставляли обычно и, держа друг друга под руку, вошли в огромную залу дворца, с большими узорчатыми окнами и тремя роскошными люстрами, свисающими с потолка. В этой зале собралось всё московское и подмосковное

дворянство.

Княгиня Дарья была уже на восьмом месяце беременности, оттого на бал она пришла в обычно закрытом, но в необычно широком, тёмно-синем платье без пояса. Живот у неё был не так виден, несмотря на уже большой срок и то, что она ждала двойняшек (доктор не говорила об этом с уверенностью, но сама Дарья была полностью в этом уверена). Из великосветского общества о положении княгини знали немногие, оттого такой её наряд очень удивил всех, ведь её тонкая талия была всегда весьма туго затянута корсетом и поясом, к тому же было видно, что она чуть пополнила, больше в ней за эти месяцы не изменилось ничего, кроме того, что её печальные глаза были счастливыми. Сам князь Андрей был в зелёном длинном полковничьем мундире. Внешне князь заметно похорошел, несмотря на два пережитых им ранения. Весь внешний вид четы Болконских доказывал то, что они вместе были счастливы.

Почти у входа они встретились с Безуховыми.

– Здравствуй, André, очень рад видеть, – Пьер, с улыбкой, протянул руку князю.

– Здравствуй, Пьер, тоже очень рад, – князь Болконский пожал руку графу, а после без эмоций обратился к графине Безуховой: – И вас рад видеть, Наталья Ильинична, – он неохотно взял её руку и поцеловал.

– Дарья Алексеевна, очень рад вам, – Пьер очень осторожно взял руку княгини, что была в высокой тёмно-синей пер-

чатке, и тоже поцеловал. – Как ваше здоровье? Князь Андрей говорил мне, что вы в положении и ждёте двойняшек.

– Да, восьмой месяц. И спасибо вам за беспокойство, Пётр Кириллович. На ранних сроках мне было весьма тяжело, но сейчас всё хорошо, – Дарья слегка улыбнулась.

– Мы отойдём, нам нужно кое о чём переговорить, – Андрей, с любовью, поцеловал руку жены, взял Безухова под руку и куда-то повёл его.

– Пройдёмте за стол, Дарья Алексеевна, – тихо произнесла Наташа Безухова.

– Как интересна наша жизнь – когда-то князь Андрей хотел жениться на вас, но вы с ним так поступили, а теперь я – его нынешняя жена, буду сидеть с вами за одним столом... – княгиня презрительно взглянула на неё. – Но не будем вспоминать старые обиды моего мужа, идёмте.

Сидя рядом с Наташей, Дарья не сказала ей или кому-то ещё из рядом сидящих ни слова, она всё наблюдала за людьми в зале, среди которых позднее заметила своего брата – Михаила Кибакова.

– Сейчас вернусь, – произнесла княгиня Дарья в сторону Безуховой, даже не заботясь о том, слышали ли её. Она встала со своего места и направилась к брату, дабы только отойти подальше от Наташи, рядом с которой она явно не хотела находиться.

– Sœur! Ну здравствуй, давно не виделись, – заметив сестру, князь Михаил подошёл к ней и тоже поцеловал её ма-

ленькую руку в тёмно-синей кружевной перчатке.

– И тебе здравствовать, братец.

– Ты-то мне и нужна как раз, – произнеся это, Кобаков сразу же полез в карман что-то доставать.

– Да ты что? А я-то думала, что никому, кроме Андрея Николаевича, и не нужна уже... – саркастичным тоном, ответила княгиня Болконская, при этом оглядывая брата и складывая в руках веер такого же тёмно-синего цвета, как её платье и перчатки.

– Да брось! Я о другом, – Михаил достал достаточно старую маленькую книжицу и протянул ей. – Недавно я дома нашёл cache[30], там было вот это.

– И к чему она мне?

– В ней личные записи нашего отца, и там есть одна, которая будет очень интересна тебе и не только. И да, можешь потом её себе оставить.

– Ладно, прочту, когда время будет, – Дарья взяла книжечку из рук брата. – Как жизнь у тебя вообще? Дети как?

– Жизнь – недурно, а дети растут. Костеньке семь уже, растёт как старший наследник и продолжатель рода, на меня похож, скажешь. Вера так на нашу покойную мать похожа, не спроста мы назвали её в маменькину честь. Серёжа ещё мал, второй год ему, но такой шустрый уже. А Настенька в свои четыре так на тебя уже похожа.

– Я слышала, что твоя Эми вновь беременна или это слухи? – Дарья пристально поглядела на брата.

– Правду говорят, четвёртый месяц уж пошёл.

– Тогда поздравляю вас – Кибаковых, о пресечении рода можно даже и не допускать мыслей...

– А ты-то сама как? Я вижу, расплнела ты что-то... – произнёс Михаил, перебирая в руках кольцо, которое он только что снял с пальца своей левой руки. Казалось, будто он мешкался. Ничего странного в этом не было, ведь его сестра всегда была очень худа.

– А ты только заметил? – княгиня Дарья иронически улыбнулась и сложила руки на животе так, что спрятала в них веер. – Семь месяцев уж как, восьмой вот пошёл.

– Семь... – князь Михаил задумался, всё ещё вертя в руке кольцо. Резко его лицо переменялось, князь будто опомнился. – погоди. Так ты тоже ребёнка ждёшь? – он бегло взглянул на её живот.

– Не ребёнка, а детей.

– Так у тебя даже двойняшки! Ах, *toutes nos félicitations!* [31] – князь Михаил весь расплылся в улыбке, то ли в искренней, то ли в притворной. – Видно, Андрей Николаевич сильно любит тебя.

В ответ княгиня только усмехнулась, ибо его слова были очевидной вещью и не требовали подтверждения.

Михаил Кибаков, подойдя к столу, налил себе полный бокал вина, взял его в руки и, подняв над собой, торжественно произнёс:

– За здоровье вас – Болконских! – он поднёс его край к

губам и сделал глоток. – Ах, *fabuleux*[32], – с восторгом, продолжил он и, чуть ли не залпом, выпил всё.

– Благодарствую... – ответила Дарья, пристально глядя на брата и внутренне удивляясь, как же это он и глазом не моргнул, так быстро выпил целый бокал вина.

– Слушай, тогда ведь вам с *Emilié* точно есть о чём поговорить, я сейчас позову её, – Михаил поставил пустой бокал на стол и отошёл в толпу.

«Слушать её ломаный русский... Хотя может оно и лучше, чем общаться с женою Пьера. Или не лучше? Один Бог знает...» – подумала княгиня, она хотела уйти, но князь Михаил, вместе с женою, уже шёл к ней. Они о чём-то говорили, Болконская расслышала только одну фразу брата на французском: «*Emilié, parle à Dori pour l'instant. Je reviens vite.*»[33]

Княгиня Эмилия (Эмили) Кибакова была дама двадцати пяти лет ростом гораздо выше Дарьи, с почти белыми, чуть желтоватыми, волосами и каким-то кукольным лицом, с добрыми зелёными глазками, глядевшими на всё с интересом, румяными щеками, прямым носом и пухленькими губами. В её внешности не было ничего русского, ибо от роду она англичанка. Видно, что княгиня Кибакова была очень мила и открыта, она всем улыбалась, эмоции всегда были на её лице. По фигуре Эмилия была очень худа, но сейчас пополнила на четвёртом месяце беременности, почти также, как Дарья на восьмом. В высшем свете её считали красавицей, каковой

она и являлась, и очень любили. В сравнении с ней, княгиня Дарья была даже весьма некрасива, но в Эмилии не было той утончённости, величия, естественности и харизмы, она была просто красива как кукла. Сегодня княгиня была в платье таком же зелёном, как её глаза, с открытыми плечами, перчаток на её руках не было.

Кибакон подошёл к сестре ближе и, нагнувшись к ней, тихо произнёс: – Поговори с Emilié, а я отойду ненадолго. Только, прошу, без твоих всяческих выходов, – после чего он вновь скрылся в толпе.

– Зд’австуйте, Dorotheé, очень г’ада вас видéть, – неуверенно и с паузами, звонким приятным голосом, произнесла Эмилия и как-то взволнованно улыбнулась.

– Здравствуйте, Эмилия Георгиевна. Вы только не волнуйтесь так сильно, мы ведь с вами и раньше виделись, – уверенно и быстро, своим немного грубоватым от природы голосом, ответила Дарья Болконская, заметив неоправданное замешательство Эмилии. – А то, что Михаил оставил нас одних – это ничего, я ведь вам ничего плохого не сделаю.

– Miché! сказал мне, что вы enceinte[34]...

– Да, семь месяцев, уже восьмой. Я слышала, вы тоже, как ваше здоровье?

– Толькó четвег’тый месяц. А здог’овиé не плохо. Я не в пег’вый г’аз уже. В пег’вый г’аз мне былó очень effrayant[35] ... N’as-tu pas peur, Dori?[36]

– Отчего мне должно быть effrayant? Я хоть и в первый

раз, но я ведь в возрасте уже и много чего видала, к тому же мой муж всегда рядом со мною.

– Я слышала, ваш муж намного стаг’ше вас, ведь так? Ему, кажется, уже много лет...

– Кто такое сказал? Это, получается, вы хотите сказать, что Андрей Николаевич стар? – чуть громче и с нажимом, произнесла Дарья, вскинув голову. – Он старше меня всего на пять лет и три месяца, ему недавно лишь тридцать шесть, – ей было неприятно слышать такие вещи о князе Андрее, хоть она и понимала, что жена её брата просто не понимает, что говорит, от незнания языка.

– Pardonne moi[37], я не хотела обидеть вас, Darie Алексеевна, вы же знаете – я на г’усском плохо понимаю. Я хотела сказать, что он стаг’ше вас, – Эмилия весьма смутилась, было видно, что её румяные щёки покраснелись ещё больше.

– Ничего, ничего, не волнуйтесь только, вам ведь нельзя, я всё понимаю, – княгиня Дарья чуть улыбнулась, – но впредь, Эми, прежде, чем что-то говорить, ежели вы не знаете этого, подумайте, стоит ли, ибо кто-то может обидеться. Я зла не держу на вас, не беспокойтесь, но слышать такие вещи о моём муже мне очень неприятно.

– Ну как вы здесь? – неожиданно появился князь Михаил. Княгиня Дарья обратила внимание на его сбивчивое дыхание, казалось, будто он только что бежал откуда-то.

– Оказывается, мой муж в свои тридцать шесть уже стар, а я и не знала... – Дарья взяла брата под руку и грубо оттащила

его в сторону.

– Что ты так грубо... Я думаю, Emilié просто не поняла, что сказала, у неё ведь с русским плохо, – Михаил боком неуклюже поплёлся и чуть было не упал, но всё же удержался на ногах. – Отпусти, люди смотрят же.

– За столько лет пора бы уже и выучить русский подобающе. Это же слушать просто невозможно! – княгиня Дарья отпустила брата. Она развернулась в противоположную от него сторону и направилась обратно к Наташе Безуховой.

– Дарья Алексеевна, кто эти люди, с которыми вы говорили?

– Князь Михаил – мой брат и его жена – Эмилия, – произнесла Дарья.

«Хм... А кто мне мешает прочесть эти записи сейчас?» – подумала она и вновь обратилась к Безуховой:

– Наталья Ильинична, у меня тут дела кое-какие, посему, ежели Андрей Николаевич спросит, где я, скажите ему, что на балкон вышла, – княгиня Дарья развернулась и пошла в сторону, где был выход на балкон, на который она выходит пока не стала, ибо рядом и так людей почти не было, к тому же было темновато, лишь три свечи освещали эту часть помещения. Княгиня чуть прислонилась к стене, достала записи и открыла их.

– Так, что же здесь... Да тут не так уж много и почерк точно отца, Михаил не обманул. Так, так, «Я Алексей Кибаков...», что-то умело зачёркнуто, «мне нечего сказать бо-

ле». Это всё? Следующая страница – «Прибавка в пятьсот крестьянских душ, не помешало бы приобрести ещё столько же», напротив что-то размытое, далее – «Здесь всё что-то...», нет продолжения, страница вырвана. Ммм... Какие-то расчёты, видимо деньги. Так, года какие-то. «Третьего числа я стрелялся на дуэли с отцом своей жены, ибо он нанёс мне непростительное оскорбление. Секундантом моим был Николай Болконский. Дуэль не закончилась ничем, я был ранен в левую руку». Ещё какие-то расчёты. дальше большая запись – «После стольких лет я встретился со своим лучшим другом Николаем Болконским, с которым служил всю свою молодость. Идут годы, Дарья моей уже двадцать два, а она не замужем... Как было бы славно, ежели вышла бы она за Андрея – сына Николая, да только женат он. И Николай ведь не против, только встретились бы мы чуть раньше, всё сложилось бы...». Так-с, тут ещё одна запись, последняя – «Война, и вновь война. Год пятый, века девятнадцатого». Ничего не ясно, о чём отец писал... – Дарья поспешно закрыла книжку и убрала её в карман, пока никто не увидел. «Ну вот и стало всё на свои места», – подумала она и решила всё-таки выйти на балкон, ибо отчего-то ей резко стало невыносимо душно.

На большом балконе были какие-то люди, а также князь Андрей и граф Пьер, они о чём-то говорили.

– Дарья, что ты здесь делаешь? – изумился Болконский, увидев жену.

– Да так, тебя ищу.

– Тогда не буду мешать вам. Я пойду, Андрей, – Пьер пошёл к князю и обнял его.

– Да, хорошо, встретимся ещё, – ответил князь Андрей и обнял его в ответ. После чего Безухов поспешно вышел оттуда.

– Как ты себя чувствуешь? – произнёс князь Андрей, повернувшись к жене.

– Хорошо, не беспокойся, милый, – ответила княгиня. – Слушай, Андрей, у меня тут есть кое-что интересное, – она достала записи и открыла нужную страницу. – Это писал мой отец, прочитай вот это, – Дарья указала пальцем на ту длинную запись.

Князь Андрей взял дневник из её рук и про себя прочитал запись о планах его отца и Алексея Кибакова.

– Ну как тебе такое?

– Весьма интересно... Как говорят, чему быть – того не миновать, – князь закрыл записи и протянул ей обратно.

– Я ведь говорила уже, что мой отец был бы рад нашей с тобой свадьбе, а эта запись подтверждает не только это, но ещё и то, что твой отец также был бы за этот брак... Значит, сейчас их души спокойны, мы всё сделали правильно.

Андрей понимающе кивнул, а сам думал: «Так вот почему отец был против, дабы я женился на Ростовой, и оттого перед войной он спросил, отчего я не женюсь на Дарье прямо сейчас... Что ж, всё стало как положено, душа отца точно нашла покой».

– Дневник этот я сожгу дома, ибо личные записи, не нужно, дабы кто-то посторонний прочитал, – Дарья, заметив хмурое выражение лица князя, замолчала, подошла к нему ближе и, чуть улыбнувшись, заговорила уже другим, более мягким, тоном: – Иди уж, потанцуй с кем-нибудь, а то совсем что-то ты заскучал...

– Я бы с большим удовольствием потанцевал с тобою, ни с кем другим мне не хочется, но раз тебе пока нельзя, то и я сегодня танцевать не стану, – он с одной руки снял перчатку и осторожно дотронулся ладонью до её щеки. Князь Андрей взглянул в бездонные прекрасные глаза жены, в которые можно было глядеть целую вечность и утонуть в их глубине и пустоте.

Всю эту идиллию прервали громкие голоса с улицы и из залы, а также звон бокалов. Все кричали одно: «С Новым годом!»

«Неужели уже полночь...» – с каким-то удивлением проговорил Болконский, убрав руку от щеки княгини. Князь отошёл ближе к краю и, встав, немного боком к бортику, рукой в перчатке сдвинул с него снег и чуть облокотился на него. Он глядел вдаль, глядел на волшебное зимнее небо, с которого только что посыпал снег. Князь Андрей протянул руку, что была без перчатки, за ограждение, и сейчас же на его ладонь начали падать такие холодные, но такие прекрасные, снежинки, которые сразу же таяли, от теплоты его руки. Он глядел, как они завершают свою жизнь, остав-

ляя капельки воды на его маленькой ладони. Странное чувство всегда появлялось в душе Андрея в полночь Нового года. Князь слышал такое поверье, что желание, загаданное в магическую новогоднюю полночь, обязательно сбудется. Он никогда не верил в подобные вещи, но сейчас ему отчего-то так захотелось загадать желание, и он был уверен, что оно сбудется. Князь Андрей закрыл глаза и прошептал: «Ежели так можно, пускай все будут счастливы как я сейчас!»

Его тело охватывал мороз, что был сильным на улице. В тот же момент он почувствовал, как чья-то очень тёплая рука коснулась его плеча. Таким знакомым, таким родным и таким приятным было это тепло. Князь Андрей знал, кто это был, и знал не оттого, что разговаривал с ней несколько минут назад, он просто чувствовал её руку через её перчатку и через плотную ткань своего мундира. Князь открыл глаза и повернулся к жене.

– С Новым годом, Андрюша, – тихо произнесла княгиня Дарья и нежно поцеловала князя Андрея в его холодную щеку, согревая её своим тёплым дыханием.

– С Новым годом, Даша, – князь, аккуратно и с любовью, заключил её в свои объятия. – Моя княгинюшка... – чуть тише произнёс он.

– С крестьянским именем?..

– Неважно, мне очень нравится, – прошептал Андрей. – Пойдём внутрь, здесь очень холодно, – произнёс он, уже чуть громче.

– Здесь так хорошо – тихо.

– Ты устала?

– Немного. Как же я не люблю эти балы и вечера, слишком много людей для меня, – она устало вздохнула, всё ещё не поднимая головы.

– Я сам не люблю всё это, ты же знаешь. И честно, я тоже уже утомился сегодня, – ответил князь Андрей, выпустив княгиню из своих объятий. – Давай пока прогуляемся по Москве, ежели тебе не тяжело.

– Не тяжело, mon cheré, я только за, лишь бы уйти отсюда, – княгиня Дарья взяла мужа под руку, и они вместе пошли за верхней одеждой.

До двух часов ночи Болконские гуляли вместе, а после сели в повозку и поехали домой – в родные Лысые горы, где их ждали княжна Марья и сын Николенька.

Часть III. Глава XVI.

***

Зима уже почти миновала, были последние деньки февраля. Снег не торопился таять и сошёл только наполовину, сильно теплеть тоже пока не собиралось, но чувствовалось, что уже скоро наступит долгожданная весна.

Князь Андрей периодически, раз в два месяца, на какое-то время уезжал в Петербург, чаще в Москву, по важным государственным делам. Сейчас он вернулся домой в Лысые

горы после нескольких дней в Петербурге. Было около пяти вечера, солнце уже готовилось клониться к закату. Князь, выйдя из своей повозки, быстро вошёл в дом, где почти на самом входе его встретила сестра – княжна Марья.

– Здравствуй, André, – произнесла она, с любовью, обнимая старшего брата.

– Здравствуй, Марьюшка, – князь Андрей нежно обнял сестру в ответ. – А где Дарья? Как она?

Княжна немного замешкалась и тихо, весьма неуверенно, ответила: – У неё роды начались.

– Уже... Когда же? – с ужасом, воскликнул он.

– Сегодня, около часа назад. Только ты не пугайся, пожалуйста... – начала она, но Болконский, ничего боле не слушая, стремительно побежал на второй этаж.

– Постой, Андрей! Куда же ты? Тебе ведь нельзя туда! – кричала Марья, пытаясь догнать его.

Он остановился около двери их комнаты и, чуть отдышавшись, стал прислушиваться, но слышно ничего не было – княгиня Дарья не кричала и даже не стонала, а ежели и стонала, то весьма тихо, что не было слышно за дверью. Князь Андрей тяжело вздохнул и, прислонив голову к прохладной стене, закрыл глаза. Он не знал, что ему делать сейчас, ведь боялся повторения истории, которая произошла с его первой женою – Лизой, эти горькие мысли не покидали его голову с того самого момента, когда стало известно о беременности Дарьи. Хотя первую жену князь не любил, всё равно весьма

тяжело пережил её уход из жизни, а ежели что случилось бы с его второю женою, он бы не смог пережить это, ибо сильно любил её.

– Андрей, mon cheré, не волнуйся так сильно. Я понимаю, о чём ты думаешь, но пойми, что покойная Lise была весьма слаба, а у Дарьи здоровье гораздо крепче, и я уверена, что она справится, – мягко говорила княжна Марья и поглаживала брата по спине.

– Оставь меня одного, Marie, – недовольно проговорил он.
– Как изволишь.

Князь Андрей от своего бессилья и отчаяния стукнул по стене кулаком. Он отошёл от неё и стал нервно ходить около двери туда-сюда, периодически останавливаясь и прислушиваясь.

«Как же она там? Ещё ведь и двое детей сразу... А что же я могу сделать?.. Я ничем не могу помочь ей...» – думал князь Андрей и продолжал ходить взад и вперёд. «Господи, храни Дарью», – прошептал князь и подошёл к окну.

Солнце уже заходило за горизонт, распластавшиеся по небу облака окрасились в розовато-лиловые оттенки. Остатки снега стали чуть желтоватыми и блестели от света заходящего солнца, словно рассыпанные по земле драгоценные камни. Андрей, прислонившись к холодному стеклу, с тоскою, глядел на эту завораживающую картину природы, которая немного успокаивала его – мысли потихоньку приходили в порядок, а душа переставала рваться на множество частей.

Простояв так какое-то время, князь Андрей отошёл от окна и присел в кресло. Так прошёл час, прошло и два. Лысые горы уже окутала темнота, а он всё сидел неподвижно и не сводил глаз с закрытой двери в ожидании, что кто-то оттуда выйдет и скажет, как там его Даша. Болконский и не заметил, как его накрыл сон; он задремал, но совсем ненадолго, всего лишь на несколько минут. Осознав, что спит, князь Андрей открыл глаза и, устало вздохнув, вновь поглядел на дверь.

«Как же долго... А она ведь даже и не знает, что я здесь. Как она там? Только бы всё было хорошо...» – думал он, мерно перебирая пальцами по колену.

За дверью кто-то, громко и жалобно, как будто от сильной боли, вскрикнул, и, судя по голосу, это точно была княгиня. Сердце у князя, казалось, пропустило один удар и сразу же сжалось; он резко вскочил с места и подбежал к двери.

«Что же это было... Это точно Дарья, но она ведь не кричала за всё это время, отчего же она сейчас так вскрикнула?» – он отчаянно прислушивался, но больше ничего не было слышно.

«Что ж это такое!» – с горечью в голосе, воскликнул князь Андрей от уныния, которое уже прямо-таки захлёстывало его. Князь вновь стал судорожно ходить туда-сюда, потом это стало как-то невыносимо и надоедливо, отчего он вернулся на место и, сложив руки в замок, уложил на них голову. Заныла его старая рана, а она всегда начинала болеть, когда князь Андрей сильно переживал.

«Только этого не доставало...» – подумал он и, сделав глубокий вдох, зажмурился. Князь Андрей пытался себя успокоить, но никак не мог, даже внешне было видно, что он сильно нервничал и не мог найти себе места.

В один момент кто-то осторожно коснулся его плеча, на это Андрей, с недовольством, поднял голову, ибо и так было тяжело, а тут ещё кто-то его побеспокоил. Рядом сидела княжна Марья, в глазах её был какой-то страх, видимо, её тоже встревожило вскрикивание княгини Дарьи. Он окинул сестру разочарованным усталым взглядом и вновь отвернулся от неё, ведь никого, даже её, не хотел видеть сейчас.

– Ты тоже это слышал? – прошептала она, чуть с надрывом, чувствовалось, что слёзы мешали ей говорить, но княжна не плакала, дабы не расстраивать князя сильнее.

– Слышал, – князь Андрей вновь взглянул на Марию и понял по её побледневшим щекам и печальным глазам, что она переживает не меньше него, и это непонятное вскрикивание начисто выбило всю веру из её сердца. Он ласково приобнял сестру и тихо сказал: – Успокойся, *ma chère*, не нужно.

Резко раздался детский плач. Княжна хотела встать с места, но Андрей не дал ей, схватив её за плечо, сам он нисколько не сдвинулся с места, а только сжал свободную ладонь в кулак, дабы легче было сдерживать чувства, которые толкали его встать и зайти в комнату. Плач прекратился, а дверь отворилась, и из комнаты вышла доктор. Тут Князь Андрей уже не выдержал, он сразу соскочил с кресла и под-

бежал к ней.

– Андрей Николаевич, у вас сынок и дочка, – с улыбкой, произнесла она.

– А Дарья Алексеевна как? Она жива? Не томите, прошу вас, – весьма взволнованно проговорил князь. Княжна Мария сразу вся сжалась и от волнения схватила брата за руку.

– Чего же ей, Ваше сиятельство, делается-то? Княгинюшка наша сильная, со всем справится, только вот в конце уже сознание потеряла, измучилась весьма... Ну ничего, ей хорошо отдохнуть надо и всё.

Князь Андрей, с облегчением, выдохнул, как будто камень упал с его души.

– Слава Богу! – проговорила княжна.

– А дети? – спросил князь.

– Дети тоже хорошо, здоровенькие оба.

Сейчас же из комнаты вышли Соня и Варя с детьми на руках.

– Это мальчик, – тихо произнесла Софья и аккуратно передала ребёнка князю Андрею. Он аккуратно взял сына на руки, вглядываясь его тёмно-карие, как у Дарьи, глаза. Андрей подметил, что он был гораздо меньше Николеньки, но оно и ясно, ведь двойняшки при рождении всегда меньше. Он, ещё немного поглядев на ребёнка, осторожно поцеловал его в его мягкую пухлую щёку и передал в руки сестры, взяв на руки дочку, которая так была похожа на свою мать.

– Ах, André, он так на тебя похож! – воскликнула княж-

на. – Только глазки то как у Darie.

Дочь князь тоже поцеловал и передал сестре, когда она отдала его сына Соне.

– Так на Дарьюшку похожа! А глаза-то! У обоих глаза как у неё, но мальчик всё равно больше похож на тебя.

– Можно к княгине сейчас? – спросил Болконский у доктора.

– Ммм... Ладно, вам, барин, можно, но больше никому нельзя, ибо ей нужен покой.

Князь Андрей, осторожно приоткрыв дверь, вошёл в комнату. Дарья, без движения и уложив побелевшие руки вдоль тела, лежала на кровати, её обычно бледные щёки покраснелись, глаза были закрыты, а губы искусаны до крови. Лишь подойдя ближе, князь услышал её дыхание и после этого успокоился окончательно. Дышала она всё ещё весьма тяжело и даже немного сбивчиво.

Князь Андрей присел рядом. Скоро княгиня пришла в себя и открыла глаза, она, взглянув на мужа каким-то затуманенным взглядом слабо болезненно улыбнулась.

– Ах... Андрей, ты здесь... – устало вздохнув, хрипло проговорила Дарья. Она потянула дрожащую руку к князю и ухватила его за плечо.

– Даша, я не смог быть рядом с тобою...

– Ничего страшного, милый... Ты не виноват, никто ведь не знал когда. Но со мною всё ведь хорошо, – ответила княгиня, тихо и достаточно медленно, ибо говорить ей было

немного тяжеловато.

Сквозь приоткрытую дверь, тихо и осторожно, оглядываясь назад, дабы слуги его не заметили, прошёл Николушка.

– Николенька, милый, что ты здесь делаешь? – удивилась княгиня Дарья, увидев старшего сына. Князь Андрей после этих слов сразу обернулся назад.

– Маменька, как вы себя чувствуете?

– Я немного устала, но отдохну и всё будет хорошо, – ответила она, приобнимая мальчика и ласково целуя его в лоб. Николенька, вырвавшись из объятий матери, повернулся к отцу.

– А можно на братика и сестрёнку поглядеть?

– Уже поздно, Николенька, тебе спать пора, да и им тоже. Завтра поглядишь, – князь тоже поцеловал сына, после чего тот вышел, прикрыв дверь, из-за которой тотчас же, проводив удивлённым взглядом Николая, высунулась Софья и вежливо спросила:

– Андрей Николаевич, можно? Доктор сказала, принести Дарье Алексеевне отвар.

– Входи, – спокойно ответил Болконский.

Крестьянка вошла в помещение, в руках её была кружка с чем-то. Она подошла к княгине и протянула ей. Та, взяв чашку, маленькими глотками и через силу, выпила этот горький отвар и отдала пустую кружку обратно.

– Ваше сиятельство, мы с Варей сейчас детей принесём, покормить их нужно.

– А кто же родился-то, Сонечка?

– Мальчик и девочка, – с лёгкой улыбкой, шепнула Соня и поспешно покинула комнату. Скоро вернулась она, уже вместе с Варей и детьми.

Князь Андрей крепко взял жену за руку и помог ей чуть привстать, а Софья передала ей ребёнка.

– Давай сюда, я подержу, а вы идите пока. Ждите за дверью, – произнёс князь, легонько взяв второго ребёнка. Крестьянки, уважительно поклонившись, вышли.

– Она так на тебя похожа, – с улыбкой, говорил князь Андрей, глядя на дочь, что держал в руках.

– А сынок весьма на тебя похож.

– Но глаза у обоих как у тебя, – он поднял голову и взглянул на неё. Ему вдруг показалось, что княгиня Дарья как-то сильно похудела, ибо до беременности, несмотря на своё мелкое телосложение и природную худобу, она не была такою. Хотя этому было объяснение, всё ж таки Дарья выносила и родила сразу двоих детей, к тому же со второго по четвёртый месяц беременности, княгиня пребывала в не самом лучшем состоянии – почти не вставала с кровати и ничего не ела.

Чуть позже князь Андрей отдал девочку княгине Дарье, дабы та покормила и её, а сам взял сына, который уже спал. Ещё позднее он отдал обоих детей слугам, вновь присел рядом с женою и, нежно погладив её по щеке, мягко молвил:

– Лекарь сказала, что тебе нужно хорошо отдохнуть. Ты

поспи пока, а я побуду рядом с тобою.

Княгиня Дарья была сейчас совсем непрочь хоть немного поспать, ибо весьма устала, ещё и, ко всему прочему, у неё отчего-то болело всё тело, будто в эти несколько часов её беспрерывно били. Дарья, слабо, из-за отсутствия сил, взяв мужа за руку, закрыла глаза. Когда её дыхание выровнялось, князь Андрей понял, что она заснула. Он, устало вздохнув, укрыл её одеялом, встал с места и осторожно погасил пальцами свечу, горящую на столе, отчего в комнате стало довольно темно, лишь слабый лунный свет чуть освещал её. Сейчас же в дверь кто-то тихо постучал.

«Похоже, сегодня не дадут покоя...» – подумал князь Андрей и произнёс уже вслух: – Войдите.

Дверь медленно открылась и вошла княжна Марья.

– Ну как она? – прошептала княжна, глядя на Дарью, которая спала на кровати.

– Дарья пришла в себя, а сейчас спит, – тихо, почти шёпотом, ответил князь.

Марья, улыбнувшись, подошла к брату и, уложив руки ему на плечи, очень тихо произнесла:

– Ты, наверное, устал? Ложись в свободной комнате, дабы не мешать ей.

– Нет, ma chère, я побуду рядом с нею.

– Ну хорошо, – княжна Марья развернулась в сторону двери и направилась к ней, но резко остановилась и вновь взглянула на князя Андрея. – Спокойной ночи, – мягко прогово-

рила она.

– Спокойной ночи, – повторил он тем же тоном. После чего Марья вышла, плотно закрыв за собою дверь.

Андрей вернулся на своё место, он чуть откинулся на спинку кресла и подставил руку под голову, тем самым, приняв удобную для себя позу. Спустя какое-то время князь Андрей заснул, перед этим он осознал, что княгиня Дарья теперь не просто его любимая жена, а ещё и мать его детей. Сама она также знала тот факт, что князь теперь не только её любимый человек и муж, а также отец её детей, это княгиня осознала, когда ещё пришла в себя и разговаривала с ним.

Через два дня крестили в церкви князя Михаила Андреевича Болконского и княжну Екатерину Андреевну Болконскую. Имя для сына князь Андрей выбрал сам, в честь Михаила Илларионовича Кутузова. А Дарья выбрала имя для дочери, назвав её в честь сразу двух женщин – её бабушки княгини Екатерины Александровны Кибаковой и крестьянки Катерины, которая одиннадцать лет верно служила ей и отдала свою жизнь за жизнь своей барыни.

Эпилог. Часть I.

***

Прошло почти одиннадцать лет, на дворе был холодный, со всех смыслов, декабрь 1825 года. Многое произошло за минувшие годы.

Осенью 1814 года княжна Марья вышла замуж за Николая Ростова и уехала из Лысых гор. В 1820 году у Болконских родился ещё один сын, которого назвали Алексей – в честь Алексея Сергеевича Кибакова – отца княгини Дарьи. Деревня Лысые горы стала ещё больше, да и количество крестьян в собственности Болконских с двух тысяч душ выросло до пяти тысяч. Николенька пошёл на военную службу и успел дослужиться до капитана, а вот в декабристское общество мать его не пустила, он долго сопротивлялся, пока его отец не поддержал слова жены.

Сам князь Андрей был очень увлечён этими идеями и состоял в тайном революционном обществе «Союз спасения», княгиня Дарья знала об этом, она ничего не имела против, ведь члены данного общества выступали за отмену крепостного права, а крестьян Дарья очень любила и относилась к ним как к людям, а также всегда боролась за их права, но всё же она с недоверием и опаской относилась к идеям мужа и этому обществу. Свержение власти ими планировалось на 1826 год, но, из-за смерти Государя Императора Александра I и вступления на престол его брата – Николая I, которое должно было состояться 14-го декабря 1825 года, восстание должно было случиться именно в тот день на Сенатской площади. Дарья, узнав, что её самый младший брат – Александр Кибакон состоит в тайном обществе и планирует выйти на площадь, обратилась к князю Михаилу, дабы тот своей хитростью отговорил его, ибо сама она не всегда умела договариваться.

риваться и могла сделать только хуже.

И всё же больше всего княгиню тревожила и пугала мысль о том, что князь Андрей, как она думала, явно собирался на это восстание, уж кого-кого, а его переубедить точно никто не смог бы, тем более, что в последний год их отношения отчего-то стали куда более холодными, чем ранее. Дарья каждый раз хотела поговорить с мужем об этом, но всё никак не могла собраться и дело дошло до момента, когда Андрей пришёл к жене утром десятого декабря, дабы сообщить ей страшную для неё весть.

Княгиня Дарья, сидя за столом в комнате, оформляла документы о крестьянах.

– Мне нужно поговорить с тобой, Дарья, – холодно и безэмоционально, произнёс князь Андрей, подойдя к княгине.

– Поговорить? – она отложила перо в сторону, туда же отодвинула документы и, повернувшись к мужу, подняла глаза на него. – Я тебя слушаю, Андрей.

Даже в сорок два года на её красивом лице почти (за исключением малого количества) не было морщин, волосы до сих не тронула седина, а её большие тёмно-карие глаза были всё также прекрасны. С возрастом в её внешности не убавилось красоты, а прибавилось ещё больше величия.

Сам князь в свои сорок семь, почти сорок восемь, тоже выглядел достаточно хорошо, его волосы также до сих пор и не собирались седеть, морщины на его лице были, но их было не так много.

– Как ты знаешь, я состою в тайном обществе, через четыре дня мы выйдем на Сенатскую площадь, я сегодня уезжаю в Петербург и пришёл, дабы проститься с тобою. Жди добрых вестей, мы всё равно добьёмся того, чего желаем.

– Именно этого я больше всего боялась последние несколько лет... – Дарья, тяжело вздохнув, встала со стула и взглянула князю в глаза. – Я не могу запретить тебе идти, но ты правда хорошо подумал?

– Что ты имеешь в виду? Ты что-то имеешь против? Это ведь всё ради крестьян и ради нас тоже, – в душе князя Андрея медленно, но верно, начала появляться злость.

– Я понимаю, и я не против того, что ты состоишь в этом обществе, даже наоборот, но восстание... Ежели ничего не выйдет? Ты ведь знаешь, чем это может закончиться: в лучшем случае – ссылка на каторгу, в Сибирь, а в худшем... Казнь, – голос её весьма заметно дрогнул на последнем страшном слове.

– У нас всё предусмотрено, посему всё получится, а ежели что, то ради такого дела не жаль и жизнь отдать.

– Но, коли ничего не выйдет, за что её отдавать? Ты ведь Николеньке не позволил даже вступить туда, а сам идёшь на верную смерть.

– Николай ещё очень молод, незачем ему губить себя, – князь чуть повысил тон.

Общая обстановка всё более накалялась, казалось, что они вот-вот перейдут на крики, а после и в рукопашный бой.

– А тебе зачем себя губить? Даже ради крестьян я не готова потерять тебя...

– То есть, я не должен идти лишь оттого, что ты так захотела? Ты мне не указ, запомни это.

– Андрей, я не к себе жалости прошу, ты о детях подумай, у нас ведь четверо детей, а своими действиями ты всем, каждому из них, жизнь ломаешь. Николай как раз только в жизнь ступает, да и Миша с Катей скоро, а Алёша вообще мал ещё. А со мною... Можешь хоть сейчас развестись, ведь жениться на мне тебя никто не заставлял, – княгиня Дарья уверенно, но слегка, тоже повысила тон, казалось, её и без того грубоватый голос стал ещё грубее.

– Ежели захочу, стало быть, разведусь! – вскрикнул князь Андрей, ведь был уже очень зол на неё, к тому же, эти её слова задели его, оттого что были правдой. Дарья от его вскрикивания даже вздрогнула, и вся её уверенность весьма быстро осыпалась, она хотела сказать что-то, видимо, последний свой аргумент, но князь не менее громко, чем до этого, перебил её: – А детей не впутывай вообще! – он отвернулся и направился к выходу.

– А когда-то ведь и Дашенькой называл... – с горечью и разочарованием, тихо произнесла княгиня так, что Андрей это слышал. Он вышел из комнаты, громко хлопнув дверь.

Княгиня Дарья, глубоко вздохнув и закрыв лицо руками, опустилась на рядом стоящее кресло. Она не плакала, ведь вновь сдерживала себя, с большим трудом, но сдерживала.

Князь Андрей в тот же день уехал в Петербург, не попрощавшись ни с кем из детей, на жену же он злился до сих пор. После этого инцидента Дарья практически не спала, а всё сидела за столом в её и князя комнате и почти не выходила оттуда. С детьми все эти дни она не разговаривала и даже совсем не пускала их к себе.

В утро пятнадцатого декабря (в аккурат следующий день после восстания) княгиня Дарья нашла на столе свежую газету «Весть», которую, видимо, пока она задремала, принёс кто-то из слуг. На первой её странице красовался заголовок: «Восстание во время восшествия на престол». Княгиня, увидев это, взяла газету в руки и начала, внимательно и с волнением, читать статью, из которой узнала, что восстание было подавлено. Дарья не стала дочитывать статью до конца, она, встав с места, быстро подошла к камину и, со злостью, бросила газету в яркое горящее пламя, после чего, вновь опустилась на кресло и, закрыв лицо своими побелевшими ладонями от безвыходности стала царапать ногтями свой лоб.

«Он жив или нет? Я хочу знать, но, ежели убит, зачем же такое знать? Нет, лучше правда, любая правда! Но зачем же я тогда сожгла?» – думала она.

В этот же момент кто-то начал трясти её за руку. Княгиня Дарья дёрнулась и подняла голову на того, кто её трогал, перед нею стояла её одиннадцатилетняя дочь Екатерина – милая темноволосая, кареглазая, бледнощёкая девочка – маленькая копия своей матери.

– Ах, Катенька, ты... – она вновь опустила голову. – Что тебе нужно?

– Вы расстроены, маменька? – тихо произнесла Катя, тоненьким девичьим голоском, и дотронулась до бледной щеки матери. Та сразу подняла глаза на неё и, с надрывом, ответила: – Нет, милая.

– Николенька, Мишенька и Алёшенька беспокоятся о вас, отчего вы ни с кем не говорите.

– Они тебя попросили?

– Нет, я сама. Вы ведь переживаете из-за того, что батюшка уехал? – Катенька взглянула княгине Дарье в глаза, полные слёз, которые та сдерживала. – Вы не расстраивайтесь, матушка, он ведь скоро приедет, – девочка подошла ещё ближе и обняла мать своими маленькими ручонками. Дарья, чуть всхлипнув, но не плача, закрыла глаза и крепко обняла девочку, но тут же выпустила её из объятий.

– Да, доченька... – мягко произнесла она и поцеловала дочку в лоб. – Ты иди пока. Скажи своим братьям, пусть не беспокоятся за меня.

Катенька, развернувшись, вышла из комнаты. Княгиня, проводив дочку взглядом, закрыла лицо руками, но тут же резко вскочила и распахнула окно. Морозный декабрьский воздух сразу же обдал её лицо, она прислонилась к оконной раме и жадно вдохнула ледяной воздух, будто чем-то ей это могло помочь. Княгиня Болконская была в полнейшей неопределённости, что с её мужем.

– Дарья Алексеевна, там князь Михаил Алексеевич приехал, хочет с вами поговорить, – в комнату тихо вошла Софья. Заметив свою госпожу у открытого окна, она испуганно вскрикнула: – Что же это вы делаете, Ваше сиятельство! Вы ведь заболеть можете! – крестьянка подбежала к княгине и схватила её за плечи. На что Дарья обернулась, печально взглянув на Соню.

– Сударыня, я понимаю, вам тяжело, но, поверьте, всё ещё образумится.

– Зови Михаила сюда, – без эмоций, произнесла княгиня Дарья и отвернулась. Она закрыла окно, поправила свои сбившиеся волосы, стряхнув с них прилипший с рамы снег, выпрямилась, чуть прокашлялась и повернулась к двери.

– Здравствуй, Darie. Как ты и просила, с Александром я поговорил, правда, безуспешно, он всё-таки вышел на восстание, но скажу, что он точно в числе живых, об его судьбе я ещё буду разговаривать с влиятельными людьми, казни он избежит точно, я обо всём позабочусь. И могу тебя порадовать, все бумаги о причастности твоего мужа уничтожены, хоть ты и не просила.

– Спасибо тебе, Михаил. Только вот уже поздно, Андрей уехал в Петербург, – с горечью и разочарованием, произнесла Дарья, она подошла к брату и неосознанно, уткнувшись лицом в его грудь, обняла его.

– Разве ты не отговорила его? – удивлению князя Михаила не было конца и краю, он был уверен, что переубедить его

сестру не мог никто, даже её муж.

– Он не послушал меня.

– Тебя-то и не послушал? Но он же так любит тебя...

– Любил, – еле сдерживая слёзы, с надрывом, перебила она. – Он разведётся со мною, ежели жив всё ещё... Я не знаю, убит ли он и боюсь знать.

– Андрей Николаевич ведь души в тебе не чаял. Даша (так ведь он называл тебя?), ты ли всё это говоришь... – Кибаков хотел обнять сестру в ответ, но она, услышав эту форму имени от брата, оттолкнула его и, подняв голову, отошла от него.

– Неважно. Лишь бы он был жив, ежели его сошлют в Сибирь, я поеду с ним, пущай и разведётся, так оно есть, поеду! – княгиня Дарья глубоко вздохнула и отвернулась, дабы не позволить слезам отправиться бежать по её бледным щекам.

Князь Михаил не ответил ничего, он, с чувством душевной опустошённости, тихо вышел. Он ещё с детства видел, как его старшая сестра всегда всему сопротивлялась, никогда и ни перед чем не останавливалась и не показывала свои слабости, а сейчас она будто опустила руки. Михаилу стало искренне жаль Дарью и ещё более горько оттого, что он ничем не мог ей помочь, князь почувствовал себя таким жалким и беспомощным, коим не ощущал никогда.

– Михайло Алексеевич, здравствуйте. Вы как здесь? – с удивлением, произнёс девятнадцатилетний Николенька Болконский, который попался ему навстречу.

– Здравствуй, Nicolas. К Дарье Алексеевне приезжал, по делу.

– Матушка вот уже который день не выходит из комнаты и ни с кем не говорит, а батюшка уехал куда-то, даже не попрощался. Мне кажется, или они поссорились, но это ведь просто уму непостижимо...

– Такова жизнь, Nicolas. Жили твои родители счастливо, а я будто и всю жизнь зря прожил, даже брата родного не убе-рёг... Ай, да ну его всё к чёрту! – князь Михаил, с досадой, махнул рукой и отвернулся. К нему тут же подошёл его слуга и что-то сказал ему шёпотом на ухо.

– Ну и слава Богу, хоть что-то хорошее за прошедшие дни, – Кибакон, с облегчением, выдохнул. – Не нужно сообщать сестре, поехали домой в Бологое.

Княгиня Дарья сидела в комнате в своих горьких размышлениях. Кто-то сзади коснулся её плеча, она думала, что это вновь кто-то из детей. Дарья сразу вскочила и обернулась, перед нею стоял князь Андрей.

– Андрей?.. – дрожащим голосом, произнесла Дарья. Княгиня не верила, что князь сейчас стоял перед ней живой и невредимый, будто это был сон, но нет, всё было наяву. Она хотела обнять Андрея, но он оттолкнул её и холодно произнёс:

– Не прикасайся ко мне. Да, я не вышел на Сенатскую площадь, но я не хочу больше видеть тебя и уезжаю в Москву на какое-то время.

– А мне неважно, – с показным, быстро натянутым на лицо, безразличием, коего не было на самом деле, ответила княгиня Дарья, зло усмехнувшись при этом.

Князь Андрей не ответил ничего, ибо не мог смотреть ей в глаза, он всё ещё злился на неё и на себя. Он направился к выходу, но вдруг остановился, прямо перед дверью. Отчего-то так горько стало ему, ужасное чувство вины перед княгиней появилось в его душе. Князь Андрей неожиданно вспомнил всю их жизнь: как они встретились в первый раз и Дарья звала его по фамилии, их танец на балу в Бологом, совместные прогулки и встречи, как он прощался с ней перед уходом на войну, а когда его ранили она приехала к нему, и как же он тогда был счастлив, после, тогда ещё княжна, позаботилась о том, дабы он жил дальше, как она отнеслась к Николеньке как к родному сыну, когда князь вернулся из-за границы, она окружила его своей заботой, Андрей вспомнил их свадьбу, а потом покушение, когда он чуть было не потерял Дарью совсем, потом как он узнал, что она беременна, и окружал её своей заботой, как они в первый раз встретили Новый год вместе, и когда он в первый раз взял на руки их детей – Андрей вспомнил всю-всю их жизнь, и ведь Дарья всегда была рядом с ним, а он с ней, он всегда переживал за неё, но лишь рядом с ней чувствовал себя спокойно, он был по-настоящему счастлив... Был. И неужели больше не будет никогда? Князю Андрею сейчас показалось, будто сердце его стало таким тяжёлым, что сдавливало грудь, оттого ему ста-

ло очень тяжело дышать. Его любимая Даша была сейчас так беспомощна перед ним самим, словно соломинка, которую он мог в любой момент просто взять и переломить. У князя появилось желание извиниться, но гордость не позволяла. Он не стал поддаваться чувствам, сжал кулаки и быстро вышел из комнаты, с шумом, закрыв дверь.

Эпилог. Часть II.

***

Шесть дней князь Андрей пробыл в Москве на съёмной квартире. Очень тяжело далось ему это время. Он будто медленно сходил с ума от сильного чувства вины, давящего одиночества и дикого желания просто сгинуть в небытие. Андрей совсем не спал, ночами, словно загнанный зверь, нервно ходил по комнате из угла в угол, открывал окно и от невыносимой духоты бессмысленно вдыхал морозный обжигающий лёгкий воздух, хватал снег с карниза и злостно сжимал его в своих маленьких ладонях, а когда становилось нестерпимо, до дрожи во всём теле, холодно, вновь закрывал окно, после ложился на кровать, утыкаясь лицом в подушку, и долго ворочался с боку на бок, то укрываясь одеялом, то отбрасывая его подальше, а как только чуть-чуть начинал засыпать, в ужасе, вскакивал – все эти действия повторялись каждую ночь, до самого утра. Днём, пытаясь отвлечься, князь, в одиночестве, часами гулял по заснеженному городу и захо-

дил в трактир, где выпивал немного вина, но и всё это не помогало... Что-либо постоянно напоминало ему о жене и об его поступке, а также беспокоили мысли, как ей сейчас горько и больно от всего этого. Князь Андрей очень хотел видеть Дарью и чувствовал перед ней ужасную вину, какую чувствовал перед Лизой после её смерти, но ежели тогда князь Андрей не мог уже ничего сделать, то сейчас он ещё мог всё исправить.

Гордость не позволяла, оттого он ни на секунду не переставал терзаться.

В один день ему доставили письмо от сына Николая, которое его попросила написать княгиня:

«Здравствуйте, Отець. Очень прошу приѣхать Васъ въ Лысые горы, точно двадцать перваго числа сего мѣсяца, весьма срочно, но не ранѣе и не позднѣе этого дня.

Вашъ сынъ Николай Болконской»

Князь Андрей приехал в Лысые горы двадцать первого декабря, как и просил его сын. Он вошёл в дом и, даже не снимая шинель, прошёл в главную комнату, где, на удивление, его встретила сестра.

– Здравствуй, Андрюша, с днём рождения, mon cheré, – произнесла графиня Марья, мягко улыбнувшись, и подошла к брату.

– Здравствуй, Маша. Спасибо, – князь Андрей нежно поцеловал руку сестры. Он был очень рад её видеть. – Что ты здесь делаешь? – только и успел произнести князь, как тут

же увидел Пьера.

– Это Darie позвала нас всех, на твой день рождения.

– Здравствуй, André, поздравляю тебя, – Безухов пожал его руку.

Князь Андрей был очень удивлён происходящему, на душе стало как-то приятнее, тем более от того, что это именно Дарья позвала их.

«Значит, она не держит на меня зла?» – пронеслось в его голове.

Сейчас же откуда-то выбежала его единственная дочь – Катя, которая была так похожа на его жену.

– С днём рождения вас, папенька! – взвизгнула она и, подбежав к отцу, обняла его.

– Спасибо, доченька, – мягко ответил Болконский и погладил её по голове.

К нему подошла крестьянка Софья, поклонилась и произнесла: – Андрей Николаевич, княгиня ждёт вас в вашей комнате.

Князь стремительно направился туда. Ему было уже безразницы на свою гордость, он просто очень хотел видеть её, больше ничего ему не было нужно. Князь Андрей вошёл, хотя скорее вбежал, в комнату. Дарья, что стояла посреди неё спиной к двери, сразу же повернулась к нему. Она была в красном закрытом платье, поверх которого на её плечи была накинута пуховая шаль.

Князь Андрей, с волнением, сглотнув, замер, ибо отче-

го-то растерялся и ещё сколько-то секунд глядел на неё. Тут же в его душе появился какой-то порыв чувств, с которым Андрей не совладал, он быстро подошёл к княгине и, прижав к себе, крепко обнял её.

– Даша, милая Дашенька, прости меня, пожалуйста, за всё. Я был не прав, – произнёс князь Андрей, с любовью, целуя её в макушку. – Я ушёл... Ушёл с государственной службы навсегда.

– Андрей... Я, конечно, прощаю тебя, я просто очень за тебя боялась. Ах! Милый мой, Андрей, – тихо, чуть хрипло, ответила Дарья. Она крепко обхватила его спину, сжав руками шинель, и уткнулась лицом в его левое плечо.

– Твой, Дарьюшка. Душа моя, моя Дашенька! – говорил князь Андрей, поглаживая её по спине и сильнее прижимая к своей груди, по которой от волнения металось его измученное сердце.

– Твоя, Андрюша, твоя! Твоя княгинюшка с крестьянским именем... Только твоя, – княгиня резко замолчала и ещё сильнее сжала его шинель. Князь почувствовал, как её тело начинает содрогаться от плача, а его плечо становится мокрым от её слёз.

Князь Андрей никогда не плакал, но сейчас слёзы навернулись ему на глаза, он даже не сдержался и не пытался этого делать, и слезинки из его ясных сероголубых глаз стали медленно капать на плечо жены. Князю Андрею стало так легко, будто тяжёлый камень упал с его души. Тёплые руки

княгини Дарьи, с любовью, обнимали его, князь забывал обо всём от её нежных прикосновений, которые чувствовал даже через свою толстую шинель и её перчатки. Она плакала, и он плакал, а отчего плакали – они и сами не знали и знать не хотели.

– Извините, ежели я помешал вам, – в комнату вошёл девятнадцатилетний Николай в военном мундире капитана. Ростом он был чуть выше своего отца, черты его лица были такими же сухими, красивыми и определёнными как у князя Андрея. Цвет его глаз за эти годы не изменился, а оставался таким же серо-голубым. – Батюшка, мне нужно с вами поговорить, – продолжил он, но, увидев родителей в таком состоянии, пришёл в растерянность. – Видно, я не вовремя...

– Я выйду, не буду мешать вам, – Дарья, достав платок и быстро стерев им слёзы, с покрасневших глаз, нехотя выпустила мужа из объятий и направилась к двери, но он перехватил её за руку.

– Пушай Дарья Алексеевна останется здесь, у нас нет секретов, – Андрей отпустил её, осторожно стёр слёзы со своего лица, взял сына под руку, подвёл его к окну и произнёс, уже менее твёрдым тоном: – Я тебя слушаю, сынок.

– Для начала поздравляю вас с праздником, батюшка.

– Благодарю. Но я не думаю, что ты сейчас пришёл только ради этого.

– У меня весть: я намерен жениться.

Князь Андрей усмехнулся.

– Неужели на ней? Так скоро?.. – он, видно, знал, кто была «она».

– Да, на дочери Михаила Алексеевича – княжне Анастасии. Я знаю, многие скажут, что она моя кузина, но ведь и вы, и маменька, и я, и Михаил Алексеевич знаем, что нет, мать ведь мне неродная, я помню это. Да, я очень люблю её, как родную, но то, что мы неродные по крови, здесь наоборот на руку. Скажете, слишком скоро, так мы уже год близко знакомы и любим друг друга, я ждал, пока ей исполнится шестнадцать.

– Хм... – князь глубоко задумался. Он снял перчатку с правой руки и, облокотившись на подоконник, сложил пальцы в замок. Князь Андрей глядел в окно и анализировал слова сына. Простояв так несколько минут, он наконец заговорил: – Что ж, ежели ты правда искренне любишь её, а она тебя, то, разумеется, женись. Я препятствий никаких не вижу.

– Можно я прямо сейчас поеду в Бологое – просить её руки?

– Не нужно никуда ехать, Николушка, – вмешалась княгиня. Отец и сын, с неким удивлением, обернулись на неё.

– Настенька, войди, – мягко, несмотря на естественную грубость и низость тона голоса, произнесла она. В такие моменты её голос становился мягким и приятным.

Дверь отворилась, и в комнату вошла шестнадцатилетняя княжна – Анастасия Михайловна Кибаква – дочь князя Михаила и племянница княгини Дарьи. До чего же она была

красива, гораздо красивее своей матери тем, что в ней была утончённость и естественность, и также красивее своей тётушки, на которую была очень похожа. Княжна Анастасия была выше Дарьи, но ниже Эмилии, фигура у неё была полностью тётушкина. На лицо княжна была чем-то похожа на Дарью: у неё были такие же тонкие губы, маленький вздёрнутый носик и большие глаза, но цветом они были словно ясное голубое небо, коих не было ни у кого, из её ближних родственников. Волосы у Анастасии были светло-русого оттенка, как у её отца – князя Михаила. Платье на ней было бордово-коричневого цвета.

– Nasié?.. – с изумлением, произнёс Николай.

– Nicolas... Не ожидала увидеть вас, – не менее удивлённо, проговорила Анастасия, голос её был тонкий, высокий и приятный, как у Эмилии, но по-русски, в отличие от матери, она говорила весьма хорошо.

Николенька обернулся на мать и удивлённо сказал: – Но как же это? Вы обо всём знали, матушка?

– Ежели Андрей Николаевич знал, оттуда и я знаю, – княгиня чуть улыбнулась.

– Завтра утром можете вместе ехать в Бологое, мы благословляем вас, – произнёс князь Андрей, взглянув на жену, на что она ответила: – Благословляем, поезжайте завтра.

Николай и Анастасия, с уважением, поклонились и поспешно вышли из комнаты, закрыв за собой дверь.

Андрей, сдёрнув вторую перчатку и убрав их обе в карман

шинели, снял уже самую шинель, ибо ему стало жарко, и положил её на спинку стула. Он повернулся к Дарье и взглянул в её бездонные тёмно-карие глаза, в которые был влюблён с первого дня знакомства с ней и по сей день утопал в их глубине.

– Марья сказала мне, что это ты позвала её и Пьера, – произнёс он.

– Да, это я их позвала, ведь хотела сделать тебе приятное. Княгиня тоже сняла со своих рук красные кружевные перчатки, такого же цвета, как её платье, и положила их на стол, а после подошла к князю Андрею ближе и крепко сжала его тёплую руку.

– С днём рождения, Андрюшенька, – с большой любовью, произнесла она поздравление, а в особенности его имя.

– Спасибо тебе, Даша. Мне очень... – князь Андрей не успел договорить, княгиня Дарья, закрыв глаза, осторожно коснулась своими разгорячёнными губами его прохладных губ, накрыв их лёгким поцелуем, который окончательно заставил Болконского забыть обо всём.

– Маменька! Папенька! Зачем вы здесь одни стоите? Вас все уже ждут! – по-детски, пронзительно взвизгнул пятилетний Алёша, который, распахнув дверь настежь, только что вбежал в комнату. Он остановился и, с любопытством, глядел на родителей, своими серо-голубыми, как у отца, глазами; сам он был больше похож на мать, хотя волосы были тоже как у князя Андрея.

Андрей и Дарья удивлённо уставились на сына, пытаясь не показать своего явного замешательства.

– Сынок, выйди, пожалуйста, и закрой дверь, а всем скажи, что мы придём через пять минут, – спокойно произнёс князь, при этом нервно хватаясь за руку Дарьи.

– Алёша, так вот ты где! Тётушка Marie Николаевна обыскала тебя, – из коридора выскочил одиннадцатилетний Михаил, что был наоборот сильно похож на отца, но с глазами и волосами матери. – Маменька, папенька, а вы когда же придёте?

– Через пять минут, Миша. Так ведь, Алёшенька? – княгиня перевела взгляд на младшего сына.

– Всё так, маменька, – мальчик, широко улыбаясь, гордо кивнул.

– Раз так, пойдём и скажем. Пойдём, пойдём! – Мишенька взял брата за руку и вывел из комнаты, закрыв за собою дверь.

– Ах, у нас прекрасные дети – все четверо.

– Несомненно, – чуть улыбнувшись, ответил князь Андрей. – Я недавно вспомнил, как мы с тобою познакомились. Я так не хотел идти на тот вечер тогда и сколько ещё потом, в мыслях, ругал Пьера. Правда потом говорил ему «спасибо», ведь, не пойдя я тогда... – князь Андрей сделал паузу и продолжил, мягче и тише: – Ко мне бы не пристала одинокая дама, которая позднее стала для меня самым родным человеком и моей женою. И что-то я нашёл в тебе ведь, но как

ни пытался понять все эти годы, что именно, так и не нашёл ответа...

– А сколько ж я ругала своего кузена, ещё и на том вечере на меня так пристально глядел один человек, который позднее стал моим мужем... От судьбы ведь не уйдёшь, – княгиня Дарья погладила мужа по щеке. – Я и сама тогда не заметила, как полюбила тебя, а отчего – уж и не знаю.

– Я так скучал по тебе. Давай немного побудем наедине, – устало произнёс Андрей, он сильно вымотался за эти дни, что физически, что душевно, и единственное, что ему было нужно – это побыть наедине с женою, просто постоять с нею в обнимку и помолчать.

– Я тоже очень скучала. Только вот, у нас есть всего пять минут на это, – Дарья чуть улыбнулась.

– Предостаточно, – князь Андрей вновь крепко обнял княгиню, а она, уложив голову ему на грудь, обняла его в ответ. Князь чуть наклонил голову ближе к ней и тихо молвил: – Завтра целый день проведём вместе, вдвоём. – Я только за. Моё любимое Солнце...

– Моя милая Луна, – он нежно погладил её по голове. – Сыграешь для меня? – князь, хоть и весьма устал, был очень счастлив сейчас. Дарья была также счастлива.

– Конечно, милый, – она выпустила его из объятий и, подойдя к фортепиано, села за него. Сейчас же её тонкие пальцы взмыли по клавишам, и раздалась прекрасная мелодия. Княгиня Дарья играла великолепно, и Андрей это знал, но

играла она редко, чаще всего лично для него.

Тонкая и нежная музыка наполняла комнату, Дарья играла, можно сказать, на одном дыхании, а князь, с восхищением, глядел на то, как её пальцы, быстро и мерно, перебирают клавиши и, с наслаждением, слушал эту чудесную живую мелодию, которую его любимая жена играла для него. Только для него единственного.

Всё пошло как положено и предопределено Богом. Князь Андрей и княгиня

Дарья счастливо жили вместе, а их отцы – Алексей Кибаков и Николай Болконский, которые когда-то были лучшими друзьями и мечтали их поженить, глядели на них с небес и тоже были счастливы, души их нашли вечный покой, в вечной любви своих детей.

P. S.

Весной 1826 года Николай Болконский и Анастасия Кибакова поженились, после чего жили в Лысых горах, вместе с родителями Николеньки. У самих же Андрея и Дарьи Болконских от всех их четверых детей было восемнадцать внуков. Дети Николая по родству были для княгини племянниками, но она считала их своими внуками ровно также, как и самого Николушку родным сыном.

В том же 1826 году, князь Андрей был привлечён к суду над декабристами, но его причастность к этому не была доказана (ведь бумаги были уничтожены Михаилом Кибако-

вым), посему его даже не отправили в ссылку в Сибирь, но, из-за подозрений, ему было запрещено выезжать из Смоленской губернии, где находились Лысые горы. Впрочем, это не так сильно и помешало.

Андрей и Дарья Болконские счастливо прожили вместе сорок два года. В 1855 году от инсульта умер князь Андрей, ему было семьдесят семь лет. После его ухода жизнь Дарьи навсегда потеряла радость и краски, а здоровье её сильно ухудшилось, она даже перенесла инфаркт. В 1862 году (через 7 лет после смерти Андрея) на восьмидесятом году жизни княгиня Дарья покинула этот мир, не пережив второй инфаркт, на этот раз обширный. Тогда, после своей смерти, Андрей и Дарья уже воссоединились навсегда. Чему быть, того не миновать – две души, связанные незримой красной нитью судьбы, рано или поздно обретут друг друга.

Что ж милый читатель, это конец. На самом ли деле жили Болконские али нет – неизвестно, но князь Андрей и княгиня Дарья по сей день остаются в наших сердцах. Наша история на этом закончилась, так позвольте же мне, как автору сие творения, слезу, в радость, за подаренную счастливую жизнь любимому герою. Помните, что это лишь фанфик, который не сравнится с оригиналом великого романа «Война и мир», да не осудит меня его автор, Лев Николаевич Толстой.

Благодарю тебя, мой дорогой драгоценный читатель, что прочитал сие творение, нет для меня счастья боле, как прочтение кем-то моей работы.

Сноски:

[1] (устаревшее) – поэтому, потому, оттого

[2] (на французском) – дорогой друг

[3] (на французском) – до встречи, до свидания

[4] Старинная мера длины =4,45см[5] (на французском)

– Как ты здесь?

[6] (на французском) – нет

[7] (на французском) – пожалуйста

[8] (на французском) – здравствуйте

[9] (на французском) – Я один

[10] (на французском) – Отчего вы удивлены? Она

всегда отказывает.

[11] (на французском) – забудьте

[12] (на французском) – обоих родителей

[13] (на французском) – Давайте не будем об этом[14]

(на французском) – Пойдёмте-ка к нам! [15] (на француз-

ском) – всего вам хорошего [16] (на французском) – Вас про-

водить?

[17] (на французском) – гадость, мерзость

[18] (на французском) – Чего удумала вытворять?

[19] (на французском) – есть предложение

[20] (на французском) – спокойной ночи

[21] (на французском) – сейчас он при смерти

[22] (на французском) – «Здравствуй, сестрица моя,

княжна Дарья, извини, ежели отвлекаю от чего, но есть весь-

ма срочное дело к тебе. Пару дней назад я получил от нашего брата, князя Александра, письмо о том, что другой наш брат – князь Николай, находясь в Новгородской губернии, натворил каких-то противозаконных дел и был пойман, отчего вынужден был действовать ещё более противозаконно – дать взятку, но это полбеды. Гл. суть сие в том, что тот человек потребовал ещё денег, иначе сдаст его за предыдущие, а также нынешние. Денег у Николая более не осталось, он написал Александру, а тот мне, собственно, я пишу тебе, Дарья, т.к. без тебя вопрос не решить. Я понимаю, что у тебя в жизни сейчас всё весьма сложно, но прошу, пожалей родного брата, ты ведь весьма добра. Жду тебя через несколько дней в Бологом. Твой брат,

Михаил Кибакон»

[23] (на французском) – братец

[24] (на французском) – сестрица

[25] (на французском) – милый маленький Сашенька

[26] (на французском) – моя дорогая

[27] (устаревшее) – спать

[28] (на французском) – мой дорогой

[29] Старинная мера длины = 2,13 м

[30] (на французском) – тайник

[31] (на французском) – поздравляю

[32] (на французском) – великолепно

[33] (на французском) – Эмили, поговори пока с Да-

рьей. Я скоро вернусь.

[34] (на французском) – в положении, беременна.

[35] (на французском) – страшно

[36] (на французском) – А вам не страшно, Дарья?[37]

(на французском) – простите меня.